

Алексей Букин

Магия и Безумие

Миг падения

Сезон дождей

Врата

Королева Дождя

Встреча Миров

2004

Магия и Безумие

*Чем выше мы поднимаемся
тем меньше кажемся мы тем,
которые не могут летать.*

Фридрих Вильгельм Ницше.

Спички

Задумывались ли вы, покупая коробок спичек, что такое вы собственно покупаете? «Как что ? - удивитесь вы, - коробок спичек и покупаем.» И будете правы. С одной стороны. Но посмотрим по-другому. Вы ведь, если честно, никогда и не задумывались об этом, а уже решительно отмели все варианты. А может быть, вы всю жизнь, сами того не зная, покупали симбиоз коробка и спичек? Коробок объединяет спички, а они составляют внутреннюю сущность коробка. Ну, как вам такой вариант?

Но для меня коробок спичек - это символ. Символ Великого Коллективизма. Коробок спичек, как коллектив, имеет единое лицо, единую Главную Цель - зажигать огонь. Но сорвите маску, откройте коробок, и вы поймете: нас много и все мы такие разные, у нас разные судьбы, как у маленьких спичек из коробка. Одна спичка зажигает газ на плите, на котором мать варит кашу своему сыну. От другой кто-то прикурит сигарету и сгоревшую тоненькую палочку выбросит в лужу. У третьей заточат кончик и будут ковырять ей в зубах и, размочаленную, оставят на полочке в ванной, от четвертой вспыхнет пожар в тайге, а пятой, может быть, сожгут сам коробок. Но всех нас почему-то пытаются загнать в большой коробок: в школьный класс, в бригаду, поколение, в народность, в нацию, в страну. «Советский народ заявляет решительное...»

И иногда, когда я устаю от попыток закрыть меня в коробке, я мечтаю о времени, когда спички будут продавать вразвес, без коробков.

24.06.1993 г.

Дожить до Весны

За черными бархатными шторами в комнате с потолком, уходящим в бесконечность вселенной, Он сидел в темноте и мечтал о еще большей тьме. Когда взошло солнце, настало утро, и Он, вздрогнув, открыл глаза оттого, что будильник не прозвонил как обычно в 7.00. Стрелки замерли на 6.59. Кончился завод... Он подошел к окну и резко раздвинул шторы. Потолок с грохотом упал из глубин космоса на комнату и замер на высоте трех с половиной метров. Грохот падения эхом отозвался в стенах, вылетел в форточку и спугнул с соседних крыш стаи глупых галок. Он болезненно поморщился не то от грохота, не то от утреннего солнца, не то оттого, что что-то сжалось у Него внутри, когда Он смотрел на бесцельно кружащихся и кричащих птиц. Была осень. Был ноябрь. Хотя Он вряд ли знал это. Он знал лишь то, что завтра наступит зима. Вдруг ветер запел в проводах и на дребезжащем стекле кровавой кляксой повис красный кленовый лист. Он как от пощечины со стоном отшатнулся от окна, отвернулся и спрятал лицо в ладонях.

Лениво переваливаясь, ползли минуты. Но вот Он медленно опустил руки и выпрямился. Не оглядываясь, на негнущихся ногах прошел в другой конец комнаты, поднял с пола и намотал на шею шарф и снял с гвоздя черное драповое пальто. Осторожно, словно боясь кого-то разбудить, подошел к выходной двери. И лишь очутившись на лестничной площадке и закрыв дверь, Он облегченно вздохнул и надел пальто.

За дверью подъезда Его встретил желтоглазый Демон-Ветер. Он поднял воротник и, втянув голову в плечи, медленно побрел по безлюдному проспекту, по щиколотку утопая в опавших листьях. Пустынные улицы: ни машин, ни людей. Осенняя тишина. Лишь Демон-Ветер играл реквием на органе водосточных труб, да где-то над головой зло переругивались галки. Тяжелые грозовые облака бешено неслись куда-то на запад и так низко, что Ему казалось, что Он ощущает их влажное дыхание на своем лице. Он все брел и брел по одиноким улицам, Демон невидимкой шел впереди и швырял к Его ногам сокровища осени: ее золото, ее рубины и смеялся в электрических проводах. Вдруг серебряная бабочка вспорхнула с обнажившегося асфальта и уселась у Его ног. Он нагнулся и взял ее в руки. Это было лезвие бритвы...

Все замерло. Ветер спрятал свою усмешку в темных подворотнях домов, галки расселись по деревьям, и даже белые слоны-облака остановились над городом, чтобы взглянуть на Него. Он стоял посреди

этой цирковой арены мира, ощущая на себе голодные взгляды публики, жаждущей фокуса и смотрел на мертвенно-холодную стальную бабочку, лежащую на ладони. Казалось, Он искал в ней ответ на какой-то главный вопрос. И... Он положил лезвие в карман.

Весь мир взорвался аплодисментами: Демон вылетел из подворотен и обсыпал Его новыми охапками листьев, слоны-облака двинулись в путь, сопровождаемые презрительными криками галок. И Он пошел своей дорогой, но теперь Его походка приобрела устремленность: Он знал, куда ему идти.

И вдруг - смех. Он остановился и удивленно посмотрел вперед. Из-за дома вылетел зеленый воздушный шарик, а за ним вдогонку, заливаясь смехом и увязая в листьях, бежала худенькая девочка лет пяти в клетчатом красно-желтом пальто и шапочке с помпоном. Шарик, вылетев на открытое пространство улицы, на секунду замер в воздухе, задумавшись, что ему теперь делать, и, приняв решение, полетел прямо на Него. Девочка, тоже на секунду остановившаяся, бросилась за ним. Шарик подлетел и повис напротив Его лица. Он взглянул сквозь него и увидел... лето. Яркое солнце ласкало Его лицо своими лучами, изумрудные деревья качали кронами, и малахитовая трава пригибалась под ногами зеленоглазого Ангела-Ветра. Он схватил шарик за нить, чтобы хоть на мгновение продлить это очарование, но... все исчезло.

Остался последний день осени и девочка с лазоревыми глазами. Он протянул ей шарик. Она взяла его и с удивлением посмотрела на Него, задумалась на секунду, а потом подбросила шарик высоко в небо и, рассмеявшись, кинулась за ним и исчезла где-то в лабиринте домов. Он стоял, пока не замерли отголоски детского смеха, Его глаза светились изнутри каким-то мистическим светом человека, познавшего истину, но вдруг весь блеск пропал, Он словно надел очки, как будто... никого нет дома! Он уронил голову на грудь. У Него была цель.

Тротуар усталого города привел Его туда, куда Он стремился. Полу развалившаяся стена из желтого кирпича, нагие липы, заваленная листьями тропа. Кладбище. Царство тишины. Мертвой тишины. Демон распахнул перед Ним скрипучие ворота, и Он шагнул вперед. Знакомая тропинка, потому что Он один ходил ей. Могильный камень. Имя. Дата. Был последний день осени... Он упал на колени и прижал лицо к холодному мрамору. Мир перестал существовать для Него. Он сам стал камнем. Время замерло на полпути к механизму часов. Демон-Ветер бродил вдоль ограды - он ждал. Галки опустелись на ветви голых лип - они ждали. Небо закрылось облаками - оно ждало.

Он хотел услышать голос, Он жаждал узнать, как Ему жить. Тишина... Капля за каплей реальность стала проникать в Его каменный сон. Он поднял голову. Стальная бабочка билась в Его кармане. Он достал ее, и, она сразу притихла в Его руках. Скинув пальто, Он вытянул руку, струны вен натянулись, ожидая удар медиатора, чтобы пропеть последний алый аккорд. Он посмотрел в небо, небо посмотрело на Него, они посмотрели в глаза друг другу. Небо первое опустило глаза. Его пальцы побелели, сжимая лезвие. Мозг отдал приказ... И тут кто-то коснулся Его плеча. Он обернулся и утонул в лазури взгляда худенькой девочки в клетчатом красно-желтом пальто.

- Мой шарик улетел, а я без него не знаю пути домой. Проводите меня, пожалуйста, - прошептала она. И в ее глазах Он увидел такую же, как у Него тоску человека, потерявшего свою дорогу. Он бережно положил лезвие на камень, и оно тут же вспорхнуло бабочкой и, звеня, как колокольчик серебряными крыльями, улетело. Он проводил его взглядом и, поднявшись, протянул девочке руку. Она доверчиво вложила свою холодную ладошку в Его ладонь. И тогда небо подняло глаза, и Его улыбка слилась с улыбкой солнца.

- Теперь главное дожить до весны, - сказал Он. И они пошли по тропинке туда, где их ждал голубоглазый Человек-Ветер и белый, как сон, первый снег. Был первый день зимы...

28.01.1994 г.

Утро: день пятый

Стальным утром Он сидел на крыльце своей морской обители, опустив ноги в розовую воду. Мохнатые насекомые витали у Его лица и своими крыльями-лезвиями оставляли на коже сочащиеся кровью разрезы. Но Он сочетал в Себе спокойствие пирамид и огненное безумие вулкана. Он не мог поднять руки на крылатых насекомых, потому что это были Его мысли. Он смотрел вдаль, туда, где изумрудное солнце с шипением погружало свое рыхлое тело в пахнущие зверобоем воды. Его каменное лицо лишь изредка оживляла тень улыбки, когда черные морские змеи, поднявшись на поверхность, расправляли свои крылья и, подняв фонтан брызг, улетали на север, чтобы познать сущность мира. Он уже прошел этот путь змеи. Но каждый раз, наблюдая эту картину, в Нем оживали воспоминания о Его голубых крыльях, и нити прошлого опутывали Его, превращая в кокон шелкопряда. Но мохнатые насекомые Его настоящего резали

своими крыльями эти нити, и Он, стряхнув с Себя оцепенение смерти, посылал их далеко в грядущее. Туда, где в фиолетовом от осенних листьев небе загоралась Звезда Земли; где серебряный единорог мирно щипал траву под сенью вековых дубов, вдыхая музыку летней луны; где фламинго танцевали для Богов в день зимнего солнцестояния. Туда, где Его уже не было. И когда все насекомые улетели, Он остался один. Опустошенный одинокий человек на крыльце своего плавучего дома в центре розового океана. Он, который придумал самого Себя.

03.1994 г.

Вознесение

Ветер сорвал железо с крыши, и оно жалобно стонет, лежа в траве. А ведь все могло бы быть по-другому...

Черные тучи несут весенний дождь, холодный, как поцелуй синильной кислоты. Я сижу в кресле в центре комнаты и сквозь отсутствие потолка смотрю, как тучи, словно ластиком, стирают бледную утреннюю луну с голубой страницы нового дня. А ведь все могло бы быть по-другому...

А вот и дождь. Я втягиваю голову в плечи и плотнее закутываюсь в драное ватное одеяло. Грязная крыса выползает откуда-то из угла, но, услышав мое дыхание, разочарованно уходит, опустив голову. А ведь все могло бы быть по-другому...

Дождь неожиданно прекращается, и выглядывает солнце. Влага начинает испаряться, а вместе с ней испаряюсь и я. Исчезают ноги, превратившись в облако из пара. Исчезает тело и руки. Я чувствую, как испаряются мои глаза, но зрение остается. И вот меня нет, но я есть. Я стал облаком. А ведь все могло бы быть по-другому...

И тут в комнату входишь ты... Я знал, что ты не можешь не прийти. Но поздно, дорогая, тебе меня уже не поймать своими железными коготками. Я вижу, как раздражение на твоем лице переходит в удивление. И я смеюсь своим беззвучным смехом. Ты делаешь несколько неуверенных шагов к креслу. Твое удивление становится безграничным, когда ты видишь на нем мои ветхие джинсы и зашитую на локте синюю рубашку. Ты же знала, что у меня больше нет никакой одежды. Ты нагибаешься и поднимаешь с пола пачку своих писем, которые я бросил туда еще ночью. Дождь промочил их, и зеленые чернила поплыли. Ты разглаживаешь их, а потом со злостью швыряешь в стену. Но красоты этому жесту не хватило: слипшиеся

листы плюхаются в лужу, обдав тебя грязными брызгами. Ты разворачиваешься и, хлопнув дверью, уходишь. Я смеюсь. А ведь все могло бы быть по-другому...

Сквозь форточку, затянутую прожженной марлей, я вылетаю на улицу. Я чувствую, как восходящие потоки влекут меня в небо. Я поднимаюсь все выше и выше. Мир остается на дне. На дне остаешься ты, дом с сорванной крышей, небо в лужах и боль. В какой-то религии кого-то вознесли на небо вместе с телом. Приятно думать, что это был я. А могло ли все быть по-другому?

17.03.1994 г.

Полоски

Мои сапоги подкованы железом. Вот уже неделю я хожу по городу, оставляя на асфальте тротуаров тонкий слой металла. Скоро люди с удивлением начнут замечать у себя под ногами две серебристые полоски. Я буду ходить по улицам, и полоски станут четче, и не останется мест, где их не будет. А потом я подключу к ним электричество. Людей будет бить током. Они будут материться, и стараться не наступать на металлические линии. Но полоски оккупируют город. Они будут везде. Тогда люди отрастят крылья и будут парить над асфальтом. А потом настанет осень, и все оставят дома и улетят на юг. И я останусь один в городе. Наконец-то один...

23.03.1994 г.

Крест и Ворон

Черный Ворон сел на крест над Его могилой. О чем говорили Они, не слышал даже вездесущий ветер. В карканье Ворона и в молчании надгробного камня был одним Им известный смысл. Ворон расправил крылья и улетел, а могила погрузилась в землю. И никто не узнал, чей прах покоится под надгробием, и чем соблазнял Его Демон-Ворон. И никто не узнает, когда Они встретятся вновь, и кто скажет последнее слово в Их вечном споре, споре за Вечность...

04.1994 г.

Ставки сделаны

В этот день Он проснулся и понял, что игру пора заканчивать. Игру, в которую Он играл с тринадцати лет. Ему было немного страшно: ведь эта игра - Его жизнь. До ее начала Он просто жил, глядя себе под ноги и обедая неизменно в час дня. Он смотрел в небо и видел там только небо, Он общался с людьми, и это было просто общение с людьми. Ему было скучно от скуки, Он радовался радости - Он жил. Но однажды пошел дождь, и Он понял, что не знает, что это такое и назвал это Дождем. Так началась игра.

Каждый день Он посвящал поискам истинных имен. Он узнал, что ночь называют Ночь, а день - День, что Любовь может стать любовью, а ненависть - Ненавистью. Но самым интересным оказалось, что любовь может стать Любовью, Ненавистью или Болью. Он посвятил Себя познанию всех ее метаморфоз. Он прошел через все ее ипостаси, пока не встретил Ее. Она сочетала в Себе все виды любви: и Любовь, и Боль, и Жалость, и Смерть. Он понял, что Она и есть ЛЮБОВЬ. «Но кто тогда я?» - задумался Он. И Он открыл, что иногда Его я может стать Я, а иногда не-Я или Не-я. Но в этих дебрях Себя Он нашел Свое имя: «Я - Суций». Моисей первым познал это, поэтому у него нет могилы. У Него ее тоже не будет, так Он решил. В этом Он уподобил себя Богу. А может быть богу?

Он оделся и вышел на улицу. Да, Он понимал, что игру пора заканчивать, но как? Каков финал? Он знал, что идет к Ней. Где-то глубоко в душе рождались слова нежные и прекрасные, полные Любви и Восторга. И тогда появилась она. Серая машина с огромной скоростью летела по дороге. Их прямые пересеклись в точке X...

Он лежал на красном асфальте и смотрел в небо. Смутно, словно сквозь стену, Он слышал какие-то голоса. Тени людей мелькали вокруг Него. И тут Он понял, что узнал настоящее имя смерти. Ее имя - Смерть. Чувство глубокого удовлетворения наполнило Его. Это был лучший финал игры. Лучший конец жизни - смерть. И Она закрыла Ему глаза.

04.1994 г.

Вопреки...

Ее ледяные глаза смотрели на меня, и Она была прекрасна в своей утренней холодности. А я ухажу, но она еще не знает это. Она

надевает джинсы и огненно красный свитер, и я ненавижу Ее за то, что Она может выйти и закрыть за собой дверь, оставив меня одного с прикушенной до крови губой. Но моя ненависть бессильна - дверь захлопывается. Тогда я, обмакнув палец в кровь, ставлю еще один крестик на выгоревших бледно-зеленых обоях. Мне осталось лишь ждать, потому что у меня нет ног... Одним прекрасным летним вечером Она отняла их у меня. Но Она ошиблась. Ей нужно было взять мои губы, глаза и руки, тогда бы я не стал Ее поэтом. Она взяла все, что от меня осталось, чтобы исправить ошибку. Мои губы уже принадлежат Ее губам, но я ношу темные очки и черные кожаные перчатки на руках. Я реваншист.

Один, два, три, ... десять, ... пятнадцать, ... тридцать, ... сорок восемь, ... сто пять, ... двести тридцать четыре,... триста шестьдесят пять. Триста шестьдесят пять побуревших крестиков на стене, триста шестьдесят пять дней за окном, триста шестьдесят пять щелчков замка, триста шестьдесят пять ночей... Но у меня есть еще один день - ведь почему бы этому году не быть високосным? И сегодня я уйду. Чтобы уйти, необязательно же иметь ноги. Это не легко, я все же люблю Ее за то, что Она дала мне возможность убить этот мир за дверь. Я уйду, но не наружу, где лишь развалины и гниющие трупы, а внутрь этой квартиры. Я буду жить в долинах ее комнат под небом ее потолка. Я буду путешествовать в горах ее стен, по рекам ее труб. И я останусь Ее поэтом. Я стану писать оды своей кровью на бледно-зеленых обоях, выводить строчки на запотевших стеклах, складывать слова морщинками простыни. Я останусь поэтом...

На часах 10.30. Скоро Она придет на перерыв. Мне пора. Я вижу, как я встаю с кресла, на котором я сижу. Мы жмем друг другу руки. Я иду к двери, открываю ее, и я вижу, как из нее бьет яркий солнечный свет. Я поворачиваюсь и машу себе рукой, я лишь киваю головой в ответ себе. Я захожу в дверь, она закрывается за мной и исчезает. Комната начинает растворяться. Пропадает потолок, и надо мной синее небо, исчезают пол и стены. Я начинаю куда-то падать и последнее, что я слышу, это поворот ключа в замке. Триста шестьдесят шестой... С Новым Годом!

9.04.1994 г.

Песнь о Тени

Когда музыкант сыграет последнюю ноту,
Когда поэт напишет последнее слово,

Когда художник положит последний штрих,
Они уходят в дремучие скалы,
Где никто никогда не увидит Их усталых лиц.
Каждый из Них сделал то, что должен был сделать:
За талант Они расплатились с Господом
Страданием и болью, которые дал им талант.
И вот долговые расписки брошены в Лету,
Но цель не достигнута - у Гения просто НЕТ цели.
Цель - это призрак, стремление к ней приводит в Ад.
Стремиться - значит забыть о душе,
Значит, лгать и кого-то втаптывать в грязь
Ради рожденного пустыней ума миража.
Стремиться - значит чужою рукой
Открыть горячие кровавые реки
У того, кого ты любишь больше жизни.
Стремиться - значит пройти мимо тех,
Кто открыл бы тебе тайны человека и мира.
У Гения не может быть цели -
Он живет ради жизни, идет тихим шагом.
Он прислушается к каждому древнему камню
И узнает аромат каждой травинки в бескрайних лугах.
Он слушает звезды и спит, обнимая всю Землю.
Он ищет любовь и отдает ей Себя.
Он берет вашу ненависть и запирает ее в Себе.
Гений порочен и греховен,
Но только Гению среди смертных даруется покой,
Ибо талант - это не дар, а тяжкое проклятие.
Гений - властелин времени,
В одной секунде для Него тысячелетие,
А года для Него - краткий миг.
В нищете ли, в богатстве -
Он всегда унижен и оскорблен.
Смех за спиной и стена непонимания - судьба Его,
Предательство друзей и уважение врагов - судьба Его,
Любовь и смерть - судьба Его.
Он ненавидит этот мир и дарит ему красоту,
Он презирает этот мир, но отдает ради него себя.
Он несет этот тяжкий крест,
И Ему ничего не надо, лишь немного любви,
Ибо любовь как вода - мать всего живого,

Она дает силы жить, когда ласковая смерть манит к себе.
Но однажды Он войдет в домик, увитый плющом,
А вечером соберутся те, кого Он полюбил,
И в этом домике, окруженный друзьями,
В свете горящего камина Он познает покой,
Глубокий, как колодец, из которого видны звезды...

04.1994 г.

Моя Весна

Поплачь обо мне, Весна,
Поплачь о моей любви,
Твои слезы смывают печаль и боль,
Твои слезы чисты, как алмазы в ее короне.
Поплачь обо мне, Весна,
Может быть, твои слезы напомнят ей обо мне?
Может быть, твое горе даст мне радость?
Плачь, Весна, я смешаю твои слезы с огнем,
Я выпью этот горький коктейль -
В нем соль неизведанных трав,
В нем запах ее волос.
Поплачь обо мне, Весна!
А надежда похожа на кровь -
Она течет из разрезанных вен,
Она тает, как снег,
Под солнцем ранней Весны.
Поплачь обо мне, Весна!
Я - Эрик, Убивший Себя,
Последний Принц Серебра.
Я смотрю в серое небо,
Я плачу с тобой, Весна!
Как жить, когда можно уйти,
Когда ключ в уставших руках,
Когда боль в застывших глазах,
А там, за дверью, меня ждет мой мир.
Плачь обо мне, Весна!
А любовь похожа на смерть,
Одеваю в розовый плащ,

С солью на теплых губах,
С дымом в дыханье ее.
Поплачь обо мне, Весна!
Вот и кончилось все навсегда...
Ну, а было ли единение душ?
Или это самообман?
Дай мне соль твоих губ для ран,
Вытри слезы, Весна.

5.05.1994 г.

Последний Путь

Я мечтаю о дне, когда я выйду за дверь своего дома и больше никогда туда не вернусь. Я возьму с собой лишь гитару, у которой ее имя и алую засушенную розу, которую я хранил в Ведах. А за дверью будет багрово-золотистая ранняя осень. Еще будет греть солнце, и небо будет голубым-голубым. И я пойду туда, где стройные клены роняют свои желтые снежинки листья на уставшую от лета траву, туда, где Серебряный Единорог печально смотрит на развалины Лунного Блика. И там я брошусь на еще теплую землю и зарюсь лицом в опавшие листья, а ветер будет рвать мои одежды и посыпать голову желтым осенним пеплом. О чем я буду думать? Наверное, я буду пытаться простить ее и этот нелепый уродливый мир, хотя не думаю, что мне это удастся. Или я буду вспоминать детство, проведенное здесь среди бескрайних кленовых лесов Семихолмья, в его серебряных замках, в прекрасных парках великого города Лунный Блик. А может быть, я буду думать о Ней... Но это продлится не долго. Я поднимусь с земли и пристегну к поясу ножны моего Эльриля, вскочу в седло белоснежного коня и, поправив черные доспехи, начну Последний путь Эрика Дестлера, принца Серебряного Семихолмья.

05.1994 г.

Затмение

Его фамилия была Куприн, и он был психически больным. Ему казалось, что вместо луны на небе висит детская головка. И поэтому

он пил. Где он брал деньги, не знает никто. Может, собирал бутылки и просил милостыню, может, воровал, но только днем, потому что ночью детская головка разговаривала с ним, задавала вопросы, и он пил, чтобы заглушить чувства и воспоминания, которые эти вопросы вызывали.

- Каин, где Авель, брат твой? - спрашивала она. И он зажимал уши руками, теми, которые подняли камень ревности на брата своего.

- Спроси у камня, как его имя. Что он ответит тебе? И он пытался забыть магические формулы, открывающие истинные имена.

- Как имя твое, Воплощенный? И он тонул в хаосе своих имен, захлестнувших его мозг.

- Кто ты? И он не мог найти ответ. И он пил. А иногда он приходил к мысли, что эта головка - головка младенца Христа, такого, каким он видел его, будучи волхвом, пришедшим вслед за звездой Царя Иудейского. Он старался не брать металлических денег, потому что они жгли ему руки, как тридцать серебрянников. Он даже писал на фабрику «ГосЗнак», требуя, чтобы прекратили выпуск монет. Но его предложение осталось без ответа. И он пил. Он завесил все окна темными шторами, чтобы не видеть луну-младенца. Но тихий шепот не задерживали преграды, и он втекал в его одурманенный алкоголем мозг. А он швырял в окно пустые бутылки с криком:

- Я не виновен в смерти Александра! Я не виновен!

И ему снились сны.

Он видел глаза умирающего друга и слышал неумолимые слова:

- И ты, Бруг!

Он видел белые одежды с кровавыми кляксами и кинжал в своих руках. И проснувшись от собственного крика, он проклинал тот день, когда он поцеловал прибрежный песок Вест-Индии. Как он умер, сказать не мог никто. Его нашли мертвым в своей постели. Вскрытие констатировало, что он утонул. В ту ночь было полнолуние.

11.05.1994 г.

Долина Теней Смерти

Багровый закат позеленил стены древнего замка. Каменная кладка, кое-где покрытая мхом, просталась еще с одним днем, Бог ведает каким в ее затянувшейся жизни. Камни уже готовились ко сну, когда в ворота постучал Человек.

Три глухих удара по потемневшим от времени дубовым доскам отдались раскатистым эхом в стенах замка, пробуждая от долгого сна его душу. Ворота распахнулись, и Человек, улыбнувшись, вошел в свой дом. Это была обитель его смерти. Когда-то давно изгнанный из своего мира, Он нашел пристанище здесь, в Черном замке, в Долине Теней Смерти. Здесь Он встречался со своим кровным братом, великим королем драконов Нах-ха. Здесь Он предавался размышлениям, глядя на серое море, бьющееся о черные скалы. Он беседовал с тенями людей и эльфов. Возможно, Он был здесь счастлив, но любовь позвала Его, и Он, оставив покой, ушел туда, куда вела Его надежда. Но надежда подшутила над ним, и, следуя голосу разочарования, Он вернулся сюда, в место, где Он, возможно, был счастлив.

Он вошел в огромный зал. Осенние листья толстым слоем покрывали пол. Он сел в свое кресло в центре зала и снова улыбнулся. В камине вспыхнул огонь, и блики заиграли на рукояти древнего меча, стоявшего у стены. Шум моря доносился до Него сквозь лишенные стекол окна. Ночь тихо опустилась на долину. Зажглись свечи, и раздалась звуки клавесина. Человек поднял голову. Он ждал прихода тех, кому Он был дорог здесь, в месте, где возможно был счастлив.

13.05.1994 г.

Выйти в Утро

Я проснулся от головной боли. Она колыхалась в моем мозгу из правого полушария в левое, как водка в неверной руке алкоголика. С трудом расклеив веки, я открыл глаза. Мой взгляд уперся в грязную стену с узким решетчатым окном. «Так вот почему у меня болит голова. Меня же вчера били следователи, желая узнать, кому и за сколько я продал свою душу. А я, кажется, смеялся и кричал, что мне плевать на монополию государства на души. И они меня били. Очень умело. Ну и дурак...»

Я сел на нарах и осмотрел свою камеру. Что-то в ней смутно напоминало мою комнату: сквозь серую краску на стенах просвечивали фиолетовые орнаментные обои, белая деревянная дверь была копией моей с той разницей, что теперь она была заперта на огромный замок, а на уровне груди было прорезано отверстие глазка. Вдруг задвижка на нем отодвинулась, и в глазок глянул желтый кошачий глаз с узкой щелочкой-зрачком, за дверью раздалось неприличное хихиканье, и задвижка опустилась. Бурый от грязи и

крови коврик, лежавший около нар, зашевелился, и из-под него в разные стороны брызнули крысы, которые исчезали, едва коснувшись стены.

Я прислонился к стене и закрыл глаза, но камера не исчезла, только теперь в центре ее стоял человек, и, когда он открыл рот, чтобы что-то сказать, я открыл глаза. С этой стороны глаз все было по-прежнему, только за окном было темно, шел дождь, и сверкали зеленоватые молнии. Я закрыл глаза. Человек стоял на своем прежнем месте.

- Ні, - сказал он.

- Ні, - ответил я.

- Как жизнь?

- Да ничего, только вот голова болит.

- Хм, а ты как думал? Трансвудкэризм - это тебе не гвозди забивать.

- Какой еще трансвудеризм? - не понял я.

- Да пошел ты...

И он, сделав неприличный жест рукой, провалился сквозь пол.

- Fuck you ass! - только и успел крикнуть я.

Раздалось бульканье, пол сошелся над его головой, и по нему пошли круги. «Странно, - подумал я, - Я не пил, LSD не принимал, от чего же так болит голова?» Кто-то коснулся моего плеча. Я открыл глаза. Надо мной склонился человек в белом халате.

- Ні, - сказал он.

- Ні, - ответил я.

- Как жизнь?

- Да ничего, только вот голова болит.

- Хм, а ты как думал? Трансвудкэризм - это тебе не гвозди забивать.

- Стоп. Я знаю, что ты теперь скажешь.

Он вздрогнул, и в его печальных глазах я прочитал отчаянье.

- Да пошел ты...

Но он не провалился сквозь пол, а вылетел в окно. И я не стал ничего кричать ему вслед - очень болела голова. Закрыв глаза, я перешел в эту же камеру, но только с потолка свисала моя люстра, а на неизвестно откуда взявшейся тумбочке рядом с нарами стоял пузырек с надписью «Выпей меня». «Ну, это уже слишком, причем здесь Алиса?!» - мелькнула мысль. Мгновение я колебался, но через него я взял пузырек, выдернул пробку и вылил содержимое в рот. Вкус был знаком, но давно забыт - вкус далекого детства. Некоторое время я ничего не ощущал. Потом в мозгу раздался щелчок, как у тумблера, и боль выключилась. Но вместо нее пришла пустота. Ощущение было таким, как будто череп раздули, как воздушный шарик, и запихали в

него города, моря, континенты, небо. Я сидел на нарах и чувствовал, как в моей голове стаи птиц летят на юг. А потом все кончилось, захлопнулось, как книга на недочитанной странице. Или на ненаписанной... С минуту я сидел, оглушенный всем этим. А затем меня захлестнуло дикое желание убежать, спрятаться куда-нибудь, забиться в угол и все забыть, не помнить, выкинуть из головы. Но бежать некуда... И я сбежал, открыв глаза.

За окном была ночь. Не за узким тюремным окошком, а нормальным окном из моей комнаты. Решетки остались (правда, они приобрели какую-то вычурную художественную извитость). И ночь за окном была не просто ночью, а черной беспросветной бездной ночи. Хотя, может быть, окно просто заколотили снаружи. Противоположная стена вдруг вспыхнула, и на ней появился огромный человеческий глаз. Он посмотрел на меня и улыбнулся. Злость накатила на меня.

- Что уставился?! Что тебе надо?! Убирайся отсюда! – орал я.

Глаз обиделся. Это меня смягчило.

- Ну ладно, извини, я сорвался.

Он посмотрел на меня с надеждой. Я подмигнул ему, он подмигнул мне, и в нем засветилось такое счастье, что мне стало неловко. Мы с улыбкой смотрели друг на друга. Вдруг тоска всплыла из его глубин, и слеза упала на пол, разбившись на миллионы брызг. Он взглянул на меня последний раз и исчез в появившейся радуге. Я опустил голову, и усталость бросила меня в сон.

И мне снилось, что я стоял в долине, где когда-то плескалось море, пытаюсь создать Homo Sapiens, а рядом со мной была девушка с розовыми волосами, ее крылья были сложены за спиной и она улыбалась заходящему солнцу. Я не помню ее имя, но чувствую его, как можно чувствовать прикосновение губ или зазубренную стрелу, пронзившую сердце. Ее имя, как ветер, легко и неуловимо: оно шумит в кронах деревьев, и его можно прочесть в зыби на чистых озерах. Но я не помню ее имя, я лишь чувствую, что знаю его. И там, во сне, мне казалось, что если я вспомню его, позову ее, все изменится, и мне уже не надо будет мечтать о смерти и страдать от отсутствия связи между причиной и следствием. Но имя ускользает, и мы стоим и смотрим, как зажигаются первые звезды в черно-фиолетово – сине – голубо – зелено – желто – оранжево – красном от заходящего солнца небе. И мы были вместе в эту ночь: крылатая девушка с розовыми волосами и бескрылый наследник голубой крови королей, нищих и бродяг.

Я проснулся и долго не мог придти в себя. Я закрывал глаза и видел ее, и читал в ее синих глазах такую боль, что хотелось плакать, и я стонал, повторяя: «Кто же ты? Я люблю тебя!» А кто-то хохотал за дверью. И время остановилось для меня. Тысячи лет пролетали мимо, гибли и рождались цивилизации, гасли звезды, рассыпались в пыль планеты, Владыки Хаоса торжествовали.

Когда я открыл глаза, все было по-прежнему, но теперь с двери исчезли глазок и замок, а я лежал на своей кровати с памятным кровавым пятном на синем покрывале. И в камере кружились тысячи бабочек. Они касались крыльями моего лица, оставляя следы своей пылью. В воздухе витал едва ощутимый запах полыни и тающего снега. Солнце светило в окно, на решетках которого распустились стальные листья, и бабочки танцевали танец Начала, купаясь в его лучах. Они слетались все плотней, и превратились в живой висящий в воздухе шар, который вспыхнул и мгновенно превратился в голубоватый пепел, добавив запах черных роз и свинца.

Я встал с кровати, подошел к окну и, заглянув в него, увидел... Небо. Было только небо. Синее. С редкими белыми ватными облаками сверху и снизу. И солнце. Желтый шар висел напротив окна. Что-то зашуршало у меня за спиной. Я оглянулся. Камера окончательно превратилась в мою комнату. Фиолетовые тисненые обои на стенах, бардовая дорожка от кровати до двери, кровать, шифоньер, зеркало у двери. Я посмотрел в окно. Решетки исчезли, теперь меня отделяло от неба только стекло, и в нем я увидел свое призрачное отражение. Я подошел к зеркалу. Да, это не было игрой света. Длинные розовые волосы спадали на мои плечи и на сложенные за спиной белые крылья. И тут моего слуха коснулся нежный зов труб. Там, за окном, я увидел белокрылых людей, которые плавно парили среди облаков и дули в серебряные трубы. И среди них была она... Дверь распахнулась передо мной, и, пробежав по коридору, я остановился перед дверью, которая в моем доме вела наружу. На ней, чуть повыше окуляра глазка, висела медная табличка с надписью «Утро». Я улыбнулся и вышел в Утро.

09.1994 г.

Воскресение

Надо мной ясное голубое небо. Вечернее солнце ласкает лицо, светя между деревьями. Подо мной зеленая трава, не потерявшая еще весенней свежести. Впереди меня извилистая дорога, ведущая в небо. Позади меня пропасть, из которой я поднялся, ломая ногти и обдирая

кожу на ладонях об острые камни. А справа и слева - сомнение. Это моя система координат и право выбора за мной. Но я никогда не вернусь назад, я даже не брошу прощальный взгляд и не обернусь в пути. Я не сверну с дороги, соблазнившись теплым кровом, хлебом и вином. Я буду спать, положив голову на остывающие камни, свет звезд я предпочту блеску бриллиантов, а дорожную пыль - славе.

Вечная дорога в вечное небо... Не так много ног вступило на нее, и так много из вступивших сошло. По ней нельзя проехать на машине или верхом, лишь стирая ноги, оставляя кровь на булыжниках можно идти ей. Путь сложен, а порой мучителен, бесконечные развилки и повороты пытаются сбить с пути. Но смотрите в небо. И днем и ночью там горит звезда, которая зажглась на заре нашей эпохи, и она всегда укажет верную дорогу. Путь долог, а иногда кажется бесконечным, а желание свернуть - единственным. Тогда упадите на колени, посмотрите в небо, и вы услышите музыку, которая очищает душу, стирает сомнение и укрепляет сердце. И вы ощутите, что прикоснулись к чему-то столь сокровенному, что слова окажутся бессильны высказать это. Но раз услышанная эта музыка уже никогда не покинет вас, ее отзвук навсегда останется в вашем сердце. И однажды вы окажетесь у ворот, и они распахнутся перед вами. И вы окажетесь перед входом в маленькую церковь, которая стоит в двух кварталах от вашего дома, мимо которой вы каждый день ходили на работу. Но стоя перед входом, вы будете уже другими. Вы прошли вечной дорогой в вечное небо.

06.1994 - 8.11.1994 гг.

Стекла

Темные стекла отражали ее глаза, такие же темные. Она смотрела на них или сквозь них. Кто знает? Что она видела в своих глазах или там, по ту сторону стекла? Кто видел? Двадцать два года, двенадцать из которых она спрашивала себя: «Зачем я? Почему я? Кто я?», истекли 47 минут назад, а ответ лишь на мгновение приходил к ней, но чаще он просто ошибался дверью или забывал адрес. И сейчас он даже не позвонил, чтобы предупредить, что не придет на назначенное ей свидание. Она могла ждать лишь его и те другие никогда не могли ничего дать ей, кроме бессмысленных ласк и глупых слов. Они уходили, а она, закутив, смотрела в темнеющее небо на невинные звезды, зажигающиеся в нем и ждала. Банка заполнялась окурками, а небо звездами. Утром она выходила из дома с темными кругами под

глазами, и соседи считали ее наркоманкой и шлюхой, но они ошибались. Она просто ждала. Ожидание сделало ее глаза темными, а руки мертвыми. Дикие кошки не боялись ее, они доверяли ее рукам и терлись об ее ноги, принося в своих шкурах южный ветер. Лишь птицы не любили ее, наверное, потому, что она не могла согреть их в ноябрьскую стужу. Она согревала насмерть... Это открыл ей тот, кого она встретила однажды в маленьком сквере у детских качелей. Тот, в чьих усталых руках черное становилось белым, тот, кого она согрела...

Это было давно, а сейчас темные стекла отражали ее глаза, такие же темные. Но ожидание ее было светлым. Это он сделал его таким, это было единственное, что он сделал. А потом она умерла. Смерть совсем не изменила ее, смерть ничего не изменила. Лишь соседей удивило то, что глаза у нее оказывается были светло-голубыми, почти такими же светлыми, как утреннее небо в Раю.

09.1994.-7.11.1994 гг.

Страж Шеней

День стал похожим на ночь. Когда-то это уже было. Тьма Египетская? Ночь стала белой, солнце с тоской смотрит в глубь океана. Харе Кришна! А вот птицы не поняли этой шутки. Они замолкли, ожидая конца света. Они выщипывают перья из крыльев и ломают клювы. Они им уже не нужны. Скоро они станут людьми и наденут на себя тесные одежды и тоску по небу.

Мир ползет по спирали. А змея без жала - его символ. Где же люди? Люди спрятались в электрических проводах, а в домах телевизоры смотрят телевизоры. А я? А меня здесь нет. Мне сказали: «Ты нам не подходишь», и исключили из списков живущих. Я стал мучеником без идеи (я не говорю здесь о смерти, она никогда не просила меня об этом).

Я слишком долго смеялся над собой, чтобы воспринимать слова других всерьез, и теперь я жду того, кто придет следом. Я молчу. Слова никогда не были тем, чего мне не хватало. Можно вырвать язык раскаленными щипцами, но боль нужна лишь тем, кто есть, а меня нет.

Когда-нибудь истерзанный обломок, который мы гордо именуем «Планета Земля», замрет посреди Вселенной. Солнце встанет в небе. И на границе между днем и ночью я выстрою свой замок. С одной стороны в окнах будут сиять звезды, а с другой - светить солнце. В залах будет царить полумрак, а музыка ночи и дня, слившись, создадут мертвую тишину. Ни обитатели тьмы, ни обитатели света не перейдут

по мосту ров моей крепости. Лишь их теням после смерти будет дозволенно стучать в дубовые ворота и найти приют в Печальном Замке в Долине Теней Смерти.

8.09.1994 г.

Субботняя осень

На улице 0°.
Панки застегают пальто на булавки,
Бомжи жгут костры из старых коробок,
А снег вряд ли выпадет сегодняшней ночью.
Утро было похоже на праздник,
А день почему-то на Содом с Гоморрой.
Люди шагают по вялым листьям,
А осень шагает по грязным дорогам.
Кошки сбиваются в тесные стаи,
Мартовский заяц сменил свою шкуру,
Бесы мелькают в лицах прохожих,
Машины мелькают в глазах первоклассниц,
В окнах сидят седые старушки,
Пряча тоску в упрямых морщинах.
Кому-то влом идти на работу,
С радостью дети смотались с учебы,
Небо нависло с угрозой атаки,
Воздушной атаки с атомной бомбой.
Лишь воробьи наплевали на бомбы -
Им бы забиться в теплые щели.
Троллейбус лениво открыл свои пасти,
Прохожие лезут в теплый желудок.
Туристы ругают экскурсоводов,
Менты повинтили не знающих правил,
В храмах дьячки зевают от скуки,
С презрением глядя на толпы народа.
Народ с удивленьем рассматривал хиппи
И прочих других хайратых и странных.
Апельсин-кришнаит играл на ситаре,
Грея пальцы теплым дыханьем.
Разные девушки в разных одеждах
Надели на лица маску заботы

И неприступно, как стены Азова,
Уходят туда, где их ждет ожиданье.
Солнце с похмелья с помутившимся взором
Жаждет нырнуть в холодное пиво.
Дети играют в грязной канаве,
Но кому-то до этого вряд ли есть дело.
День был похож на Содом с Гоморрой,
А утро было похоже на праздник.
Маленький Ленин устал в своей бронзе,
Он простудился, стоя на камне.

Вечер пришел и захлопнул все окна,
Свет потушил и запер все двери,
Обошел все дома, подоткнул одеяла,
Поставил крестик в графе о работе,
Закончил эту субботнюю осень.
И когда все затихло, огни светофоров
Осветили Его посредине дороги.
И белые крылья Его за спиною,
И длинные волосы спадали на плечи -
Он смотрел со светлой грустью и светлой надеждой
На дома, где жили заблудшие дети,
На дома, где они совершали ошибки,
И, исчезнув, вернулся в небесные сферы,
Чтобы завтра прийти и воскреснуть навеки.
На улице было -4°.

8.10.1994 г.

In Silence

Слова, похожие на молчание, слова, которые не волнуют воздух, звучали в комнате за толстыми шторами. За толстыми шторами на окнах, чья прозрачность была более грязной и непристойной, чем тело проститутки, использованной, и выброшенной на улицу. На улицу, где монстры пьют человеческую кровь и поднимают наивные морды к небу. К небу, в котором не голуби и не вороны, а серые чайки, заблудившиеся среди мертвых труб города. Города, уставшего звать своего отца, города, тысячу лет назад превратившегося в пыль. Бурую пыль дорог, которая хранит следы того, кто первым написал свое имя

на диком камне. Камне, свившем свое гнездо на распутье всех дорог, ведущих в Рай. В Рай, куда нет пути. Того пути, идти которым - значит идти в Ад или Вечность. Ад или Вечность, что впрочем, одно и то же. То же имя повторяют и скалы, нависшие над морем, и Черный замок в долине Мертвого Времени. Времени, в котором умирает не родившийся ребенок, шепчущий слова. Слова, похожие на молчание, слова, которые не волнуют воздух...

9.10.1994 г.

Грязь

Я нашел свою грязь. Грязь - мерзкая, липкая, просто отвратительная. Она нашла меня. Она родилась, как пыль, пепел и прах, но пошел дождь, и она стала грязью. Обрывки мыслей и идей, смешавшись с дешевым портвейном и кровью из вен навсегда ушедших, стали грязью. Слова, сказанные в дурмане повседневности, стали грязью. Воскресение, смоченное вином и припорошенное осенними листьями, стало грязью. Любовь, замешенная на боли и неискренности, стала грязью. Я стал грязью. Я - грязь. Я новый грязный. Да пошли вы все!

Моя грязь - это ненависть, это злоба, это презрение. Проснувшись смотреть на мир с четвертого этажа сквозь грязные стекла - это моя грязь. Плевать от отвращения в лицо своему отражению в зеркале - это моя грязь. Грязные пятна на джинсах как память об ушедших днях, об ушедших чувствах - моя грязь. Грязь - это проснуться и не помнить вчерашний день, и не вспоминать вчерашний день, и не знать, был ли вчерашний день. Те, кто презирает меня - грязь. Те, кто любит меня - грязь. Я - грязь. Чистота тоже грязь. Перспектива грязи, прошлое грязи. Я ненавижу грязь, но я - грязь, значит, я ненавижу себя. I hate myself... Ненавидеть себя - это грязь. Если ты ненавидишь себя, то ты моя. Ты - грязь. А грязь неразделима. Значит мы вместе. Дай мне руку, дай мне слово... Мы будем любить друг друга, а если нам скажут, что любовь отрицает грязь, что любовь - это прекрасно и чисто, то мы, пыльные и уставшие от дороги, займемся любовью там, где омерзительно и грязно, там, где наши тела докажут, что искренность - это тоже грязь.

23.11.1994 г.

Тьма Познавшего I

1.

Утро было светлым. Он смотрел в окно и видел, как его душа кружилась вместе с вороньем над трубами мертвой фабрики. Он не любил серый цвет.

2.

Часы пробили двенадцать и встали. Он давно снял минутную стрелку, и теперь на циферблате замер черный восклицательный знак. Подавив желание швырнуть что-нибудь в часы, он отвернулся к стене.

3.

На лестничной площадке раздался шаг. Кто-то откашлялся, и раздался звонок в дверь. Он даже не пошевелился. Звонок звенел, звенел и звенел. Стены начали вибрировать и рухнули. Он остался лежать под обломками тишины.

4.

Черная пасть окна притягивала его к себе. Он закрыл глаза и вырвался из его объятий.

5.

Опустился мрак...

6.

...

7.

...

8.

Он включил лампу и закурил. Он лежал, смотрел в потолок и курил. Паутина трещинок на пожелтевшем потолке сложилась в женский профиль. Он смотрел на него до тех пор, пока не понял, что любит эту женщину. Лампа потухла, и когда он вернул новую лампочку, она уже исчезла. Ее профиль рассыпался на сотни немых трещинок. Он улыбнулся и воткнул тлеющий окурок в ладонь...

9.

Пощадите его! Оставьте его в его уединении. Неужели вы хотите совсем разбить его? Он получил трещину, как стакан, в который налили горячей воды, а он был такой дорогой стакан!

10.

...

11.
...
12.
...
13.
...
14.
- Извините за любопытство, а куда вы едете? - Он посмотрел сначала в окно вагона, а потом в глаза спрашивающей девушки.
- В Авалон.
- А где это? - удивилась она. Он улыбнулся.
- Это в конце пути.
15.
Он стоял в центре мира, и одна его тень легла на восток, а другая на северо-запад. Третье светило было в зените, и он ждал, когда оно укажет ему последнее направление. Белый сокол сел ему на левое плечо, и они молча смотрели на розовый океан. Третья тень робко указала на запад. И выбрав этот путь, он повернулся спиной к океану и зашагал в сторону пустыни.
- Ты не ошибся, - шепнула трава.
16.
Он проснулся. Мерно стучали колеса. Была ночь...
17.
- До свидания, - сказала она, - Счастливо доехать.
- До свидания, - ответил он и понял, что солгал.
18.
Утро...
19.
Вечер...
20.
Смерть...
21.
А может быть нет?

01.1995 г

Тьма Познавшего II

1.
Шел грязный снег...
2.
Он сидел на лавочке в маленьком скверике, пытаясь сквозь туман разглядеть дерево на другой стороне дорожки.
3.
А когда-то...
4.
Авалон...
5.
Конец пути, ставший его началом.
6.
С голых лип на него падали капли воды и хрустальными шариками скатывались к его ногам. Блеск их поглощал ненасытный туман, и они больше походили на жемчужины бус, оброненные какой-нибудь неаккуратной кокеткой...
7.
Весной...
8.
Когда-нибудь, вероятно, придет лето, и хрустальные капли вспыхнут белым сиянием в свете дневного светила. Когда-нибудь...
9.
А пока...
10.
Промозглый март тащил на дождевых нитях унылые дни.
11.
Белый Сокол Пути покинул его. Замерла череда времен.
12.
Дерево на другой стороне аллеи расплылось и растаяло. Белая муть поглотила его и превратилась в скорлупу яйца, для которого еще придет время. Он уснул.
13.
Сон сотрет память о жизни. Счастье незнающего.
- 14.

Он вернется. Он разобьет стены своей белой колыбели, чтобы родиться жить и больше никогда не искать Пути Людей.

15.
Когда?
16.
...
17.
...
18.
...
19.
...
20.
...
21.
Когда-нибудь...

03.1995 г.

Река Забвения

Черные пятна в Его глазах постепенно расплылись, оставив мир покрытым серой мутью. Солнце стало бледной луной, трава покрылась пылью, а деревья превратились в уродливые скелеты невиданных животных. Яростное море выбросило на берег мертвую рыбу. Прибрежный демон упал с неба, вонзил когти в ее холодное тело, вновь взмыл в воздух и растворился в сером сумраке. Гарпии зло кричали где-то в скалах. Он сидел на истерзанном море и ветрами камне, пытаясь не чувствовать дыхание окружающего мира. Он устал. Устал от долгих странствий, от одиночества, от своего великого знания. И теперь Он смотрел на серое море ничего невидящими глазами и ни о чем не думал. И в тишине, воцарившейся в Его голове, прозвучали два слова, сказанных шепотом: «Река Забвения». «Да», - подумал Он. И тяжело поднявшись с камня, Он медленно побрел, опираясь на тисовый посох, туда, где черные воды проклятой Реки Забвения унесут Его имя, память, разум, но и усталость. Так окончил свою долгую дорогу среди живущих Великий Волшебник Эрры, имя которому - Эрслей Сайский.

30.01.1995 г.

Ушедшим

- Вернись! - шептало море, с шипением набегая на каменистый пляж. Но Он не вернулся и уже никогда не сможет вернуться в ласковую стихию. Однажды выйдя из воды, Он стал странником, бродягой безмолвной бесконечности, слугой кошмарных богов. О, как страдало море, потеряв свое единственное разумное дитя. Острые пики рифов изранили его необъятное тело, континенты заперли его в стенах своей тесной тюрьмы. И море умерло от тоски по Нему и невозможности любить кого-либо другого.

И когда мы, потомки Первого Вышедшего Из Моря, приходим на берег океана и с печалью смотрим на мертвые волны, мы, сами того не осознавая, пытаемся услышать голос своего великого Создателя. Но океан молчит...

02.1995 г.

Утро человека, потерявшего надежду

Не быть тем, кто ты есть. Не стать тем, кем ты будешь. Ты сможешь? Ты найдешь лазейку в своей душе чтобы обойти подводные рифы своего разума? Утро человека, потерявшего надежду. Ты способен проснуться в это утро таким, как был вчера? Да? Значит ты не человек. Ты камень, покрытый трещинами саморазрушения. Нет? Ты тот, кого не должно быть. Для этого есть разные двери. И окна. Высоко. Рядом с небом, голубым и печальным. Там можно жить. И любить не только себя. Наверно.

3.06.1995 г.

I feel you

Ветер дальних странствий на твоих губах,
Дыхание далекого моря.
Я почувствовал это.
Но губы твои холодны и безразличны,
В презрительной усмешке они прячут печаль,
Печаль по ушедшим векам,
По землям ставшим морями.

Я почувствовал это.
Улыбку! Молю тебя улыбнись!
Может, стекла станут прозрачней,
В ночь добавят черную тушь
И смоят грязь с ангельских крыльев.
Я увижу это.
Ты смеешься, но ты понимаешь меня.
Твой смех оттого, что ты слишком долго валялась в постели.
В это утро нельзя было так долго спать,
Я знаю это.
Мне кажется, я знаю твой страх,
Страх перед открытым окном высоко над горячим асфальтом
Ты – птица, и ты боишься, что разучилась летать
Я понимаю, я летучая мышь,
Я помню это.
Утро ты начинаешь с конца,
Открытые двери домов - символ свободы,
Чужой, не твоей, но ты не одна
Ты – с собой, а разве этого мало?
Я сомневаюсь в этом.
Куда ты? Ты спешишь?
Но гроза еще не началась.
Слышишь?
Тучи просят тебя подождать.
Ты останешься здесь?
На сколько?
Навсегда, а после увидим.
Я надеюсь на это.

7.06.1995 г.

Возвращение Короля

Поднявшись на вершину холма, он сбросил с плеча суму и уселся на выгоревшую траву. Было уже далеко за полдень, солнце светило между холмами, отражаясь в жидком зеркале Аарона. Небо приобрело тот оттенок синего, который говорит о приближающемся вечере. Птицы, утомившиеся за день, спешили к своим гнездам. Тишина стояла над рекой и холмами, природа готовилась ко сну.

Он отстегнул от пояса флягу, отвернул колпачок и сделал большой глоток, а потом лег на траву, вытянув уставшие ноги в запыленных сапогах. Маленькая фея сна спустилась откуда-то из ветвей высокого клена и, тихо шурша своими прозрачными стрекозными крыльями, подлетела к его лицу. Неслышно смеясь, она коснулась его закрытых глаз своей волшебной стеклянной палочкой. Веки его отяжелели, и он тут же заснул тем глубоким и спокойным сном, который бывает только под сводами древних кленов, где сладковатый воздух Семихолмья дурманит непривыкших к его хрустальной чистоте.

Небо наливалось синевой, становясь, все глубже и глубже. Солнце скрылось за холмами, оставив дотлевать небесный костер, который сделал багровыми волны безудержного Аарона. Луна из бледного призрака превратилась в то огромное серебряное блюдо, покрытое причудливой чеканкой, которое на заре веков было приковано богами к небу. Первая звезда вынырнула из небесного океана и послала свой свет на засыпающую землю. Прилетевший с далекого моря ветерок пошелестел листьями клена, пахнул солью и умчался куда-то на запад.

Вдруг среди деревьев замелькал свет. Белое пятно приблизилось и превратилось в Серебряного Единорога. Шерсть его светилась, и свет казалось, стекал на землю, оставляя мерцающий след. Около спящего он остановился и, наклонив голову, заглянул ему в лицо. Мгновение он смотрел на него, а потом опустил свой рог, и с него, в ладонь спящего соскользнуло серебряное кольцо. Единорог поднял голову, и его трубный голос возвестил о том, что король вернулся. Он взглянул на него еще раз и, отступив, растаял в сиянии луны.

А король спал. Спал, даже во сне твердо зная, что, проснувшись, он увидит, как утреннее солнце освещает самую прекрасную страну на свете. Его страну.

06.1995 г.

Ветер

Ветер.

Он дует всем в спину.

А мне почему-то в лицо.

Мы, может быть, идем в разные стороны?

Но я не вижу лиц.

Только спины,

Сгорбленные и напряженные в борьбе за каждый шаг.

-Куда вы идете?
Молчание.
Скрежет зубов и тяжелое дыхание.
А мне легко.
Ветер развеивает мои волосы и заплетает их в косы.
Он наполнил паруса моей лодки,
И я уже вижу там, в дымке -
Земля...
Мираж.
Кругом пустыня.
Обжигающий сухой ветер забивает глаза песком.
Люди падают, не выдержав сверхчеловеческого напряжения.
Темнота.
Ветер стих.
Я один на вершине мира.
Холодно и нечем дышать,
Но я стою и смотрю
Вниз
Там стаи птиц летят на юг,
Там светлые реки текут на юг,
Люди с надеждой смотрят на юг,
А на востоке встает солнце.
К счастью, я не бог,
Я спускаюсь с вершины мира.
Ветер.
Мой воздушный шар покорен ему.
Мы летим рядом,
Ветер и я.
- Эй, Ветер, давай полетим туда,
Где киты бьют хвостом по лазурной глади воды;
Где фламинго танцуют весенний танец любви;
Где малыш спит в постельке под заботливым взглядом Луны.
Ветер, летим туда!
Мы парим над миром.
Все ближе и ближе к земле.
Земля.
Я стою на ногах.
Ветер машет на прощанье рукой.
Последнее прикосновение к щеке.

Он ушел.
- Ветер, прощай!

13.12.1995 г.

Визит

«Конец света» - эти слова шелестели в потревоженной ветром листве. Неоновые буквы реклам отражались этими словами на мокром асфальте. Конец света, а мне хорошо. Наконец-то покой. Уже не нужно вставать и куда-то идти. Он крайне заботлив, он сам придет ко мне. В ожидании конца света я занялся подсчетом секунд в вечности. Звонок в дверь. Он пришел. Я не встаю, чтобы открыть дверь. Зачем? Ведь у него есть свой ключ. Он позвонил лишь для того, чтобы дать время подготовиться к встрече. Я достал из кармана огрызок карандаша и на краешке газеты, лежащей на столе, накарябал имя секунды, на которой он прервал мой подсчет, хотя что-то говорило, что мне уже не представится возможность продолжить это увлекательное занятие. Наконец он решил, что приличия соблюдены, открыл дверь и, не задерживаясь в прихожей, чтобы разуться, вошел в комнату.

- Привет, - он улыбнулся и пожал плечами.
- Привет, - ответил я.

21.12.1995 г.

Adagio Lento

Что предшествует звуку? Что мы чувствуем до того, как рождается звук, и мы слышим его? Предзвучие. Что это? Почему оно заставляет нас плакать? Звука еще нет, но мы уже знаем, что вот-вот кто-то прикаснется к струнам, и удар сердца сольется с первым вздохом появившейся на свет мелодии. Что чувствует музыкант перед тем, как заставить вибрировать струны? Может быть, страх? Страх, что он не вошьет свою мелодию в ритм Вселенной. Что чувствуют струны до прикосновения рук? Наверное, ничего. Металл оживает, лишь создавая музыку и, умирает вместе с ней так же, как и мы умираем, не поняв, что предшествует рождению звука. А ведь рождению предшествует любовь. Так просто...

21.01.1996 г.

In The Darkness

Тишина. Что может быть страшнее тишины и одиночества? Густая тьма за окном, мерцание звезд, мертвый пейзаж там. Ни движения. Это нельзя увидеть, можно лишь знать и бояться. Бояться остаться наедине с собой, потому что во мраке можно смотреть лишь внутрь себя. А там я вижу тьму. Она клубится, как грозовые тучи, и просится наружу, чтобы овладеть мной, как когда-то. Когда-то до этой жизни. И она посылает видения.

Первое из них пугает, потому что я чувствую, что это правда. В них я вижу себя. Я в грязной кожаной, испачканной кровью одежде с искаженным яростью и торжеством лицом бегу во главе таких же, как и я, диких людей. Я бегу и срываю голос в кличе своего клана. В моих руках окровавленный боевой топор. И в глазах того, кем я был, я вижу счастье.

Второе видение кажется ужасней оттого, что это будет. Водоворот багровой тьмы. Он освещается всполохами темного огня и настойчиво затягивает меня на дно. И я знаю - это Хаос, и там меня встретит тот, кому я так долго служил. Только надежда, одна лишь надежда на то, что я успею увидеть свет нового дня до того, как тьма поглотит меня, помогает мне удержаться здесь, в тишине и одиночестве от самого простого и легкого пути, с которого нет возврата. За все нужно платить.

23.04.1996 г.

Дни

Черные дни
С вкраплением белого снега.
Что-то не так:
Может быть, я уже умер?
Или я спутник,
Кружу у забытой планеты,
Посылая сигналы:
Точка, тире, троеточие -
А потом долгая пауза
В биении сердца.

Кто-нибудь умер?
Троеточие, точка, тире...
Бесполезны старанья,
Туман не опустится,
Если земля засыпает.
Ей снятся мои беспокойные будни.
Мой выход из дома
И путь по теплому снегу
Туда, где край переходит в равнину,
Мой путь бесконечен,
Как Хаос и Тьма,
Чьим сыном я буду,
Если вернусь и стану убийцей.
Но я захлебнулся
В церковной купели...
Я умер?
Увяли стальные цветы,
Расцвели золотые колючки.
В этот день серебра
Я проснусь с вырванным сердцем,
И я стану хранителем,
Богом Безумия,
Я потеряюсь во времени...
И только ты
Найди меня, спаси меня,
Чтобы я больше не умер.

15.06.1996 г.

* * *

Тихие дни.
Серость асфальта вонзается в сердце.
Сверкание стекол машин.
Призыв окунуться в прохладу.
Тихий шорох над головой в проводах -
Это топот бегущих по ним электронов.
И все:
Тишина.
Приятной усталостью скованы нервы,

Ленивые мысли
И безразличие.
Вода испаряется с поверхности кофе,
Не размешанный сахар на дне.
Как хочется с криком нырнуть
В приливные волны печали,
Чтоб быть смытым
С бледной страницы нового дня,
Чтобы плыть и тонуть,
Тонуть и смеяться,
Смеяться и верить,
Что сегодня ты прав,
Хотя твоя правда - тоска.
И быть выброшенным словно плавник,
На песок безымянного пляжа
Точно тогда,
Когда кончатся тихие дни.

31.07.1996 г.

* * *

Страшные дни,
Когда до крови прокушены губы
От страсти
И нежелания помнить себя,
Запечатав душу в конверт,
Указав только имя и индекс
Я надеюсь,
Что почта не спугает адрес,
Адрес смерти с каким-то другим.
Каждый день быть распятым
На пропитанных битумом шпалах,
Каждый день быть рожденным
И втопанным в грязь -
Я устал!
В эти дни я хочу взять выходной
И уехать на теплое море,
Лежать на песке
И мечтать о тугой как струна тишине,
Смыть кровь со своих губ

Бирюзой океанских просторов
И кричать, узнав, наконец
Настоящую боль.

14.08.1996 г.

* * *

Последние дни -
Не Помпеи
Не мои -
А того, что мы называем,
Цинично сжав губы: «Наш мир».
Я ошибался.
Я всегда ошибаюсь,
Когда меня просят рассказать о тебе.
Но в последние дни
Я могу позволить себе промолчать,
Закурить сигарету
И печально смотреть на закат
До запаха тлеющей кожи,
Умирая от страха тебя потерять
Навсегда.
Эти дни расслабляют,
Хочется выйти во двор,
Потом на дорогу - и в путь,
Закрыв глаза,
И откинувшись на спинку сиденья,
Думать лишь о тебе,
Даже если машина идет на восток,
Продолжать этот путь до конца
Конец - это ты.
И лелеять надежду,
Боясь вновь ошибиться,
На то, что это будет последний конец,
Что это будет Счастливый конец.

18.08.1996 г.

Осенние дни,
Желтые хлопья листвы
Располагают к неспешной беседе.
Громыхая сталью колес,
По небу бегут облака
И хищные взгляды из окон вагонов
Ищут не нас.
Нам тепло,
Ты смотришь в глаза
И проводишь ладонью по моей давно не бритой щеке,
И в глазах твоих
Наивное детское ожидание чуда,
И сердце пронзает игла:
Смогу ли тебя я спасти?
Ты нашла меня там,
В месте, о котором бояться даже подумать.
Смогу ли совершить для тебя чудо?
Я могу выйти
И встать под железный навес облаков,
Увидеть в них отражение собственной боли,
Пройти босиком по мертвому телу земли
И остаться живым.
Это чудо?
Я, наверное, смогу схватить за горло свой страх,
Заглянуть в глаза
И утонуть в реке беспросветной печали,
Но остаться с тобой.
Это чудо?
Царапая купол небес,
В воздухе бьется отставшая птица,
И мы машем руками,
Пытаясь показать ее путь.
Она улетает на юг,
И наш взгляд провожает ее до горизонта.
Ты улыбаешься:
Ты и она спасены...

Касание губ -
Это чудо...

28.10.1996 г.

Трубы Апокалипсиса

Когда город засыпает, мне становится тяжело дышать от человеческих снов. И мне больно. Больно. Больно. Я вижу темные окна и замершие души людей. Что вы ждете? Апокалипсиса? Я его вестник. Но я подам сигнал только когда вы проснетесь с надеждой на будущее и улыбкой на губах. Когда вы будете счастливы и забудете, что есть я. Я ненавижу ваши сны, похотливые и безумные, наивные и фантастические. А чего вы хотели? Я - ваш сын. Ребенок не может любить родителей, если не знает, кто они. Если они бросили его на свалке человеческих чувств. Вы хоть бы убили меня. Но я жив и безумен. Только тот, чей разум мертв, способен идти путями Хаоса и дойти до конца. Стать Трубами апокалипсиса. Я не воплощение зла. Я - это вы. Я - ваше стремление к саморазрушению. И когда вы спите, я задыхаюсь от смрада разложившихся душ. Спите спокойно, у меня еще есть время, я предам ваши души земле.

15.06.1996 г.

Миг падения

Коврики

Дни, тонущие в весенних лужах, пускали пузырьки, совсем как ночи, тонущие в лужах осенних. Все их отличие лишь в том, что ночи захлебывались в темных осенних лужах, а дни – в лужах освещенных тусклым солнцем, едва пробивающимся сквозь занавес весенних туч. Это установленный миропорядок. Лишь колеса машин нарушают его, разбрызгивая грязную воду в разные стороны: на асфальт тротуаров, чахлую траву и голые кусты. Прохожие, чаще всего дети, уносят его частицы на подошвах ботинок и сапог. А коврики у дверей просто аккумуляторы миропорядка. Вот только люди не понимают этого и выбивают коврики, стирают их, а то и просто выкидывают на помойку. Люди нарушают мировое равновесие, и сами не страдают от этого. И жизнь коротка оттого, что существует критическое количество ковриков, и превысив его, вы исчерпываете отпущенную вам долю миропорядка. Но люди продолжают свой разрушительный труд по наведению чистоты, а дни все также тонут в лужах, пуская пузырьки...

04.1995 г.

Без тебя

Жизнь – это сражение с самим собой
За каждый прожитый день
И я сражаюсь
И дни мои коротки
И дни мои пусты без тебя
Я пытаюсь кричать
Но в горле комок
Из недосказанных слов
Слов, без которых можно
Слов, без которых нельзя
Я надеюсь на взгляд
Из-за толстых штор бытия
Твой взгляд печальный
И ждущий кого-то

Меня
О, Боже, пусть только меня!

7.01.97 г.

Лето в бокале

Я открыл форточку. За окном – ветер, ночь, зима. Чья-то невидимая рука опрокинула ковш Большой Медведицы и расплескала звездную пыль. А на кухне тепло и уютно. Настой трав в моей кружке пьянит одним только ароматом и тлеющая сигарета выглядит неуместно декадентски.

Я долго боролся чтобы заслужить эту ночь. Ночь, которая ничего не значит, которая не принесет ничего нового в мою неповоротливую жизнь. Она для того, чтобы загнать поглубже тревоги и сомнения, забыть, что наступит завтра, жить сейчас, наслаждаясь горьковатым привкусом лета в бокале.

Ветер колышет шторы на окне; месяц серебристой ладьей медленно плывет над крышами спящих домов. И кажется, чего больше? Зачем безумные взлеты и падения, зачем мысли, которые не дают покоя, зачем банальные фразы и лживые, никому не нужные слова? Кто придумал это? Кто решил, что в этом и заключается жизнь? Не я. Мне просто хорошо сейчас, в эту ночь ветра и аромата трав. Что же иллюзия? Завтра, которое придет, чтобы сломать меня, вывернуть наизнанку мои мысли и утопись все в повседневности, или эта ночь, когда часы застывают и в океане времени наступает штиль? Наверное, завтра я буду уверен, что иллюзия – эта ночь. А сейчас у меня есть ветер, играющий шторами, потухшая сигарета, бокал лета и покой. Но главное, у меня есть время. Ведь часы-то стоят.

15.01.1997 г.

Тьма Познавшего III

Он проснулся.

1.

2.

Время давно уже перестало быть. Он был искрой чистого света среди остывающих звезд.

3.

Он разжал кулак. Горсть песка – все, что осталось от мира, дорогами которого Он когда-то проходил. И еще маленький белый шарик – не то жемчужина, не то застывшая слеза. Но этого лучше не вспоминать.

4.

Тьма зашевелилась. Это Хаос протянул к Нему свои щупальца. Серая радуга протянулась из бездны в бесконечность.

5.

Хаос обнял Его. Он начал падать.

6.

...

7.

...

8.

...

9.

...

10.

Падение – это ведь почти полет.

11.

Самоубийство бескрылых...

12.

Бессмертие вечных...

13.

...

14.

...

15.

Тьма познавших...

16.

Но у тех, кто падает уже нет надежды, им остается только одно

17.

Что?

18.

...

19.

...

20.

...

21.

Крик.

07.1997 г.

Вечер перед концом

«Мир не увидит свой последний рассвет, - думал Он, - он даже не проснется». Последняя сигарета. Единственная кассета, на которой накарябано *Vuzum* закончилась и магнитофон натужно гудит, пытаясь прокрутить ее дальше. Что это? Это предел. Еще чуть-чуть и все куда-то обрушится. Падение... «Зло, став мудрым, может ли оставаться абсолютным? – думал Он, - А добро??.» Думать было больно. Больно было даже смотреть на потолок, потому что по нему кто-то ходил там, этажом выше. «Я единственный, к кому ты придешь, - думал Он, - Ты единственная, от кого я сбегу». Но она не пришла. Ее не было никогда / Ее не стало. Что верно? Он составил план:

1. Сходить в магазин;
2. Что-нибудь сделать;
3. Научиться летать.

Первое оказалось самым сложным. В его храме не было дверей. «Кто же ходит там, наверху? – думал Он, - наверное, боги». Его книга лежала нераскрытой на полу. Это смерть. Стоит только раскрыть ее. Все будет проще? «Могут ли существовать люди? – думал Он, - глупая мысль. Конечно нет». Кто же Он? Он - это я.

22.07.1997 г.

Молот

Среди опадающей листвы он был похож на принца. Его глаза были мертвы. Бездонная темнота жила в них. Он машинально поднес потухшую сигарету к губам и серый пепел, отломившись от фильтра, упал на его плащ. Он смотрел куда-то вдаль, не замечая струящейся вокруг него жизни. Скрюченные листья хрустели под ногами прохожих, грязная дворняга, низко опустив голову, бежала куда-то по никому не ведомому следу. Он смотрел на мир сквозь тусклое стекло реальности из глубины своих глаз и думал, выкован ли какими-нибудь

богами молот для этого стекла? Его многочисленные попытки преодолеть эту, неизвестно кем поставленную преграду, ни к чему не привели. Стекло ни разу не дрогнуло под его напором. Оно, когда-то совсем прозрачное, только мутнело и все больше искажало контуры мира с той стороны. Он долго бился о него, как ночная бабочка о стекло окна, прежде чем понял, что он как и бабочка может надеяться только на то, что кто-нибудь откроет форточку и впустит его. И он стал ждать этот момент. Годы напрасных попыток научили его терпению. Но ждал не только он, совсем рядом его поджидала тьма. И, закрыв глаза, он начал падать в ее липкие объятия. Она накрыла его и прошептала на ухо:

- Ты ждешь, принц, но ведь открыть окно может лишь друг, а есть ли у тебя друзья? Ты думал, кому ты нужен там, за стеклом?

И тогда где-то глубоко внутри него родился крик. Он рос, впитывая силы, бьющейся в агонии надежды и, вырвавшись наружу, как молния, вонзился во мрак. Он кричал, вкладывая в крик всю свою боль и отчаяние, и рвал на куски скользкие щупальца тьмы, пытаясь сбросить ее с себя. Стекло задрожало, покрылось трещинами и обрушилось на землю. Тьма, улыбаясь, отступила, и пока не утих звон, он видел богов, собравшихся посмотреть на него. Он открыл глаза и совсем рядом увидел лицо девушки, в светлых глазах которой плескалась тревога.

- Вам плохо? – спросила она.

Ну что он мог ответить? Конечно:

- Нет.

23.08.1997 г.

Ds. Paranoia

Первое, что я делаю проснувшись – набиваю до упора свои легкие никотином. Мне приятно это делать. Глядя на голубоватые смерчки, я улыбаюсь. Они кружат меня, кидая из стороны в сторону, и только тогда я чувствую, что я жив. Это так забавно – чувствовать себя живым, кажется, что все двери открыты для тебя; люди – венец творения и есть будущее.

А будущего нет!!! Электрические приборы в моем доме давно уже хотят убить меня. Их плотоядные провода-щупальца каждую ночь тянутся к моему горлу, чтобы задушить меня во сне. Я знаю это. Они воруют мои сигареты, чтобы я стал вялым и медлительным и уже не смог сопротивляться им. Телевизор включается сам и лжет мне,

кричит разными голосами, что где-то упал самолет и погибли триста человек. Ха! Он пытается обмануть меня, но я-то знаю: падение – это полет, а я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь летал. Иногда я слышу тихий шепот, доносящийся из розеток, а однажды пылесос странно загудел, услышав какой-то сигнал, пришедший по электрическим проводам. Я открыл его и нашел остатки нескольких сигарет. Я выбросил пылесос с балкона.

Все они враждебно ухмыляются у меня за спиной и ждут. Я знаю чего. На счетчике идет обратный отсчет. Они ждут, когда я потеряю бдительность и придет их время. Но пока у меня есть сигареты, они бессильны. Голубые смерчки проникают в них и они задыхаются. А сигарет у меня много и храню я их в гараже, а там нет света. Вот так вот!

27.08.1997 г.

Кукловод и Пьеро

Тьма и обреченность
Часы отсчитывают время власти
Она дернет ниточку
Я заплачу
Она думает, я плачу
Потому что она этого хочет
Но я плачу от боли и страха
Оттого, что не знаю
Что она будет делать со мной
После
Она дернет ниточку
Я засмеюсь
Потому что я кукла
Как это смешно
Быть куском папье-маше
С размалеванной мордашкой
И печалью в глазах
Я – Пьеро
Она дернет ниточку
И я побегу
От нее и глупых мыслей
От смеха и плача
От тьмы и обреченности

Обрывая прочные нити
Спотыкаясь и падая
Когда она это захочет
Убежать и вернуться
Ненавидя ее
Обожая ее
Она – это жизнь
Она – кукловод
Без нее я пестрая тряпка
Без нее я мертв
Она дернет ниточку
Я стану молиться:
«Отпусти меня,
Оборви мою нить!»

14.09.1997 г.

Город открытых дверей

Мир за окном таил в себе опасность. Ее это не волновало. Она сидела на подоконнике, свесив ноги наружу, и с высоты девятого этажа любовалась самым прекрасным днем этой осени. Мир был желтым и красным, но ее взгляд чаще задерживался на мерцающих белизной кронах серебристых тополей. Она улыбалась, глядя на прохожих, которые поднимали головы и бросали на нее удивленные взгляды. Что они понимают? У них троллейбусы и работа, семья и заботы о деньгах. У нее нет ничего, чему они могли бы позавидовать. Ей вполне хватало свободы и вот этого ласкового неба, которое склонялось над ней. Она смотрела вниз и думала, что хорошо бы сейчас почувствовать землю и услышать шелест листьев под ногами. Но ей слишком приятно было ощущать выдуманный ею полет над суетой и асфальтом, чтобы спускаться и идти в парк. Ей почему-то казалось, что здесь, на окне, она ближе всего к осени, а осень – единственная, кого она любила по-настоящему, хотя ей нравился KENT и мороженое, а Babylon Zoo приводили ее в восторг. Но осень одна отвечала на ее чувства. Она дарила ей такие, как этот теплые вечера, когда в небе ни облачка, а бледная луна улыбается, заглядывая в ее окно. Осень давала ей иллюзию полета без страха падения. Хотя это тоже можно было бы попробовать...

Иногда ей хотелось полюбить кого-нибудь еще. Но это как-нибудь потом. Зачем портить такие прекрасные дни поисками этого кого-

нибудь? Она знала, осень – это открытая дверь в сказку со счастливым концом. Не нужно ничего больше, – только шагнуть вперед и, не оборачиваясь пойти по дороге к городу, который станет реальностью, стоит только поверить в него. А там... А там все будет просто, как не бывает здесь, потому что здесь вид открытой двери приводит людей в смущение. Они подозревают подвох и сразу начинают искать кассу, в которой надо заплатить за вход. Им гораздо приятней видеть стальную дверь с тремя замками, цепочками и глазками, потому что они сами закрытые двери, и сквозь глаза настороженно смотрят на мир из своих маленьких уютных душ. Осень – это путь к городу открытых дверей и ему не долго оставалось ждать ее. Ей осталось сделать всего один шаг.

19.09.97 г.

Delete

Всегда убивайте своих героев. Не давайте им занять слишком много места в вашем сердце. Убивайте их из милосердия, как загнанных лошадей. Иначе они никогда не покинут вас. Старые герои умирают, им на смену приходят новые. Это заведенный порядок и не вам его менять. Ничто не должно иметь продолжения. Ни чувства, ни люди не должны жить бесконечно. Вы ведь любите своих героев, так не мучайте же их вечностью, дайте им забвение. Установите еще один камень на кладбище героев. Похороните их как должно, и они не станут бесплотными теньями врываться на страницы новых книг. Забудьте их и они простят вам то, что вы вытворяли с их судьбами. Дайте им право на смерть, ведь вам же дали это право.

1.09.1997 г.

Зал ожидания

Мы встретимся в темноте. Мы – это ты и я. В такой темноте, что не ясно: есть мы или нас нет. Соединятся наши руки и губы. Ты не скажешь ни слова и я промолчу. Зачем нам слова? У нас нет ничего такого, что мы могли бы сказать друг другу. Ты рядом и я люблю тебя. В темноте ты не увидишь мои потускневшие глаза. Я слишком много видел ими. Слишком много человеческого мрака, злобы и страха. Они выжгли мои глаза. Я рад, что ты не увидишь это. Ты не увидишь и мое изрытое болью и цинизмом лицо. Я уже не тот, каким ты меня

помнишь. Я часто падал. Но в темноте нет времени. Мы будем такими, как будто не было разлуки, такими, какими мы захотим быть друг с другом. Принцесса и рыцарь, гений и муза, а может быть красавица и чудовище? Это не важно. Все равно это будем мы. Жаль лишь, что эта встреча в самом конце, и что встретиться мы сможем лишь в зале ожидания дворца Безвременья. Но я надеюсь, что над нами сжальются и кто-то, самый главный щелкнет выключателем и зажжет для нас свет в конце тоннеля и мы, взявшись за руки, пойдем к выходу. Мы станем другими, но разве это главное? Это все равно будем мы.

19.10.1997 г.

Зима

Снег. Он падал с неба, колол лицо, скапливался в складках одежды. Осень кончилась так неожиданно, что холод и резкий ветер вызвали у Него головную боль. Люди сидели по домам, пили горячий чай и постепенно привыкали к мысли, что зима – вот она – ждет за дверью, заглядывает в окна, поет в печных трубах.

Он шел по улице, и Ему это нравилось. Даже промокшие ноги. Дома – лопнувшие трубы и нет горячей воды. Там действительно холодно. Промчавшаяся мимо машина подняла столб серебристой пыли. Долю секунды, пока свет фар не миновал Его, Он любовался мерцанием алмазного облака. Машина свернула за угол, свет пропал.

Что нового принесет эта зима? Осень была отвратительна. С ее приходом, Он как никогда тяжело заболел действительностью. Как всегда грубо, она ворвалась в Него и осталась, а не ушла, поиздевавшись вволю, как это случалось раньше. Чтобы выжить, Он придумал себе драконов, единорогов и магию. Это помогало, но осенью все не так, и полностью выздороветь Он не смог, а найти спасение у кленов было уже невозможно. Им было не до Него, им самим было тоскливо.

Иногда, сидя в своей комнате, Он чувствовал, как близко подступает к нему безумие. Стоит только протянуть, руку и оно рядом, стоит только признать его своим и оно уже никогда не покинет Его. Он знал это и, поэтому, также как и сегодня, убежал из дома, оставляя сумасшествие в промерзшей комнате, и бродил по улицам, пытаясь найти следы лета, которые оно оставило, покидая город. Он хотел догнать его и уйти вместе с ним куда-то в неведомые дали. Но осень начисто подмела улицы, а миллионы людей оставили миллиарды ложных следов. И Он заблудился в этом проклятом городе и остался.

Зима. Он не знал, для кого Он до сих пор один. Люди приходили и уходили, оставляя Ему после себя только разочарование от встреч. Ему никто не был нужен. Той единственной, которую Он любил, Он так и не смог сказать о своем чувстве. Он боялся услышать в ответ: «Извини, но...» О, если бы не этот страх. Если бы Он увидел хоть тень надежды на счастье. Он никогда бы не отпустил ее. Но страх сковал Его, и главные слова не прозвучали. Он не простил себе это.

Она ушла вместе с летом, а Он незаметно положил в ее сумочку свою душу. Без нее, зачем Ему она? Он больше не хотел чувствовать. Может быть, она найдет Его душу, вытряхнув содержимое сумочки в поисках какой-нибудь вещицы. Но как она поступит с ней? Да и поймет ли, что это Его душа? Ведь кто знает, как выглядят души?

Он поехал. Холодно. Зима укротила город. Она покрасила все белой краской и перевернула страницу календаря. Прошлого больше не было. Он повернулся и пошел домой чтобы наконец сказать «Да» ждущему Его безумию. А внутри Него, там где когда-то была душа, медленно кружась пошел снег.

7.11.1995 г. – 4.11.1997 г.

Ночная прогулка

Вечер закончился
Влажным блеском витрин
Отражением фар
Проносящихся мимо машин
В мокром асфальте
А мы
С показным безразличием в глазах
Все равно заблудились
В бетонно-асфальтовых джунглях
Фамильярно подмигивает
Желтый глаз светофора
Запах бензина и пота
Как снег оседает белесая пыль
На дома
На дороги
На тебя и меня
Город сам хоронит себя
Хочется кофе
Ну, совсем уж в крайнем случае, чаю

Где же ты
Наглый блеск рекламных щитов?
Открытые двери кафе
Для нас
Предел всех желаний
Где же ты
Святящийся алчно неон?
Как птицелов
Город ловит нас
В силос перекрестков
Как загонщик
Заставляет бежать и бежать
Площадь
Здесь есть небо и звезды
Здесь можно свободно дышать
Отдохнем?
Знаешь
Давай завтра отсюда уедем
У меня есть предчувствие
Этот город прикончит меня
Представляешь
Мы можем увидеть
Степи и горы
Ходить босиком по траве
А еще ведь есть океан
Вообрази
Вода бесконечна как небо
И нет никого
Только боги, мы и вода
Можно снять все костюмы и маски
Забыть свои роли
Стать собой
Отпустив на свободу себя
Можно просто лежать на песке
И смотреть на беспечно бегущие волны
Чувствовать радость и солнце
И забыть про боязнь
Террористов, машин и долгов...
Ты смотришь куда-то
На серую скуку проспектов
Жаль

Ты не поверила мне
Я ведь знаю
Это место тебе кажется всем
Всем, что есть в этом мире
Всем, что было
Что будет
И хоть это не так
Попробуй тебе докажи
Путь домой
Скрыт за номером рейса
Трамвая
Троллейбуса
За названием станций метро
Значит нам до утра
Быть рабами замерших улиц
А хотелось
Туда, где есть кофе
Туда, где тепло
Город скончался
Но с рассветом восстанет из мертвых
Словно кровь
Заструится по грязным артериям улиц
Бесконечный поток
Равнодушных машин
И спешащих куда-то людей
Мы вернемся домой
Отсыпаться
И видеть во сне бесполезность
Всех наших наивных попыток
Стереть свои имена
С надгробного камня спящих домов
Но осталась надежда
Что когда-нибудь утром
Город растает
Бесследно, как сон
Испарится
Уже навсегда
Ну, а мы
В это утро проснемся
На зеленой постели из трав
Под сенью деревьев

А главное
Вместе
Вдвоем

16.11.1997 г.

Миг падения

Я – пылинка в песочных часах вечности. Я – камешек на галечном пляже бесконечности. Придет время, и я соскользну вниз, как миллиарды песчинок до меня. Я отсчитаю долю секунды вечности; долю секунды я буду на вершине настоящего, прежде чем стану прошлым, погребенный под такими же, как я песчинками. Тот краткий миг падения сквозь узкое стеклянное горлышко вселенских часов и есть жизнь. Лишь миг продлится головокружительный полет из небытия к небытию, а затем – тьма и ожидание хозяина часов, который придет, чтобы перевернуть их. И вновь падение и ожидание, падение и ожидание. И становится ясно: жизнь – череда падений. Бесконечная череда. А вечность это так долго...

21.11.1997 г.

Один день

Дай мне всего один день, чтобы снова ощутить себя целым. Мне хотелось бы снова настроиться на твою волну, почувствовать магнетизм твоего тела. Неужели это так тяжело – подарить один день? Поверь мне, я не стану срывать зло на ни в чем не повинных зеркалах.

Конечно, я виноват. Я ходил кругами, хотя видел прямую дорогу. Но ты же прекрасно знаешь – я калека, последний год вышиб мне мозги почище любой разрывной пули. Я собирал себя по крупичам, я коллекционировал себя и знаешь, я почти уже целый. Дай мне день, и я обещаю, что найду последний кусочек себя. Моя коллекция будет полной. Не откажи, дай мне шанс. Ведь ты же слишком прекрасна чтобы быть сном. Ты не сон это точно, сны ужасны, а ты нет. Ты дашь мне этот день.

Солнце взойдет и опустится, прочертив по небу огненную линию. Ты и не заметишь, как он окончится, этот лишний день, а я стану другим, и ты полюбишь меня, покажешь мне нужную ручку, и я

настроюсь на твою волну. Ты заберешь меня из моих кошмаров, и нам будет хорошо. Дай мне всего лишь один день.

6.12.1997 г.

Звук

Я смотрел вниз
Были звуки
Какие-то
Странные звуки
Внизу
Шорохи
Тихий плач
Почему-то
Мне стало страшно
Я закричал
Какофония звуков
Раздалась мне в ответ
Я спросил
У того
Кто был рядом
Почему
Есть эти звуки
И есть я?
Он засмеялся
И толкнул меня
Вниз
Я падал
Звуки приблизились
Я различил
Очертания
Странных созданий
Им было больно
Они умирали
Тот
Кто был рядом
Схватил меня за руку
Он сказал
Что я тоже
Должен быть там

И умирать
Но я
Буду здесь
Смотреть
И слушать
Пока не пойму
Что звук
Это страдание
Вплетенное
В ткань вселенной
Поэтому
Он есть
А Я
Это вселенная
Поэтому
Есть я.

7.12.1997 г.

Листопад

Сезон дождей
Люди осыпаются, как листья
Они просто падают
По дороге на работу
Во время прогулки с собакой
И уже не встают
Кому они нужны
Опавшие листья?
Дворники
С мутными от похмелья глазами
Сметут их с тропинок
И в сердцах матеря дождь
Может быть подожгут
А может и нет
Эти влажные кучи
Был бы бензин
Тысячи желтых листов
Черепицей выложат ржавые крыши
Может это и к лучшему
Будет теплее зимой

Только вряд ли найдется хоть кто-то
Чтобы зажечь огни
На веселой рождественской елке
Окна
Неживые холодные окна
Люди-листья
Не способны согреть их дыханием
А капли дождя разбиваются о стекла
Капли дождя разбивают стекла
Опавшие люди
Ложатся вокруг замерзающих луж
Рамка
Для зеркал
Отражающих немую реальность
Осень все уберет
Листьями
Подметет все дороги и скверы
Передаст эстафету зиме
А лета
Для опавших листьев-людей
Никогда уже больше не будет.

12.12.1997 г.

Я подчинился

До крови искусаны губы
Кровь – густая солоноватая жидкость
Красного цвета
Эритроциты и лейкоциты
И еще что-то
Тонкой струйкой
Стекают на воротник моей белой рубашки
А она такая дорогая
Versace
И чего я так испугался?
В твоих словах был скрытый подвох
Теперь я это понимаю
В твоем взгляде был тонкий намек
Ты гнала меня
Но не хотела, чтобы я подчинился

А я заблудился
В тумане твоих черных волос
И своих
Смеясь
В темноте не могли разобраться
Где чьи
В тишине мы стали не мы
Ты гнала меня
Я подчинился
Клоун покинул арену цирка
Воин оставил поле битвы
Сердце остановило свои биения
Жизнь опустела...
Ты не гнала меня
Я теперь понимаю
Мы распутали волосы
И каждый остался
Сам по себе
Я подчинился
Искусал до крови губы
Но подчинился
Приказу, который ты не отдала
Может напрасно?
Глупости
Не бывает боли без цели
Может быть это
Ты хотела сказать мне на прощанье
Но я заткнул уши
Боль – фильтр чувств
Очищение яростью растревоженных нервов
На пробирке с осадком
Я нацарапал «Любовь».

14.12.1997 г.

«Возвращайтесь!»

Когда корабли уходят в море
Мне хочется плакать
Я теряю покой
Прислушиваюсь

Не загремит ли якорная цепь
Возвестив о возвращении
Морского бродяги
По утрам
Первым делом бегу на кухню
Там, на стене
Старинный дедовский барометр
В медном корпусе
И с треснувшим стеклом
Смотрю
Не упала ли стрелка
Не приближается ли шторм
Цельми днями
Пропадаю на берегу океана
Встаю на цыпочки,
Пытаясь заглянуть за горизонт
И увидеть паруса
Собираю ракушки
Напеваю песенки
Всячески стараюсь отогнать
Мрачные предчувствия
Воскресения на мессу
Бреюсь
Одеваю чистую рубашку
И спешу в костел
По брусчатому тротуару
Спускаюсь на центральную площадь
Прохожу рынком
Киваю знакомым
Торговки улыбаются мне
Они знают
Я буду молиться
За их сыновей и мужей
За тех
Кто сейчас в море
Иногда окликают
Просят помолиться
За такого-то и такого-то
И угощают меня мандаринами
Им известно
Я очень люблю мандарины

И когда они возвращаются
Я счастлив
Сижу рядом с ними
В каком-нибудь баре
Молча слушаю байки
Рассказы о бурях
Морских чудовищах
Пиратах и алчных таможенниках
Смеюсь их шуточкам
Потягиваю текилу
Мне хорошо
Хорошо с этими грубоватыми людьми
Пропахшими
Солью и потом
Норд-остом
И экзотикой заморских портов
Хорошо оттого, что
Они все вернулись
Тревога уходит
Можно спокойно уснуть
Но иногда
Я просыпаюсь в холодном поту
Мне снятся
Поломанные мачты
Борта, пробитые ниже ватерлинии
Крики и стоны умирающих
Острые рифы
Зубы акул
Тоска и обреченность
В глазах моряков
Просыпаюсь и понимаю
Всем кто в море
Больше, чем луч маяка
Нужно, чтобы кто-то их ждал
Против здравого смысла
Когда не осталось
Ни надежды, ни веры
И я жду
Жду их всех
Даже тех, кто уже никогда не вернется.

20.12.1997 г.

Сумерки

Еще одно утро. И снова пустой почтовый ящик. Просто удивительно, как долго не можешь к этому привыкнуть. В сером плаще я выхожу на улицу. В сером никто не заметит меня в таких же серых сумерках.

Беззубые тигры улыбаются мне из окон соседских домов. Они голодны, это видно по их взгляду. Своих хозяев они уже съели. Это я так думаю. Хотя, может быть, это мои беззаботные соседи превратились в тигров. Было бы смешно...

Вчера прошел дождь из пивных жестянок и сейчас улицы сверкают, а я как на зло потерял свои темные очки. Ладно, можно просто завязать глаза шарфом. Я знаю все улицы, мне не нужно их видеть. Я столько раз пьяный добирался до дома ползком, что на ощупь изучил каждую трещинку в асфальте. Дорогу к тебе я найду даже с завязанными глазами.

Я хорошо подготовился к нашей встрече. Вряд ли ты будешь ей рада. Да, на тебя не подействовали все мои яды, но теперь ты уже не уйдешь от моей тьмы. Я сделаю мир черно-белым, а ты слишком светлая, чтобы выдержать это. Я хочу заглянуть в твои глаза прежде, чем ты станешь ничем. Став ничем, ты наконец-то станешь собой. Ты – ничтожество, просто удивительно, как долго ты мешала мне погрузиться во мрак. Ты ничего не понимала. Тьма – это сила и власть. Теперь я могу все. И ты будешь первой жертвой для моих страшных богов.

Пусть тигры улыбаются мне, я накормлю их. В этом городе столько ненужных людей. Ну и что, что земля стонет под моими ногами, а звезды прячутся от страха. Эй, людишки, посмотрите мне в лицо, если сможете! Это только начало.

Вы еще ничего не видели!!!

7.01.1998 г.

Вся победа

Полчаса после победы
Меч в крови
А раны

Только еще начинают болеть
Лихорадка сраженья прошла
И начинаешь искать
Тех, кто был рядом
Тех, кто должен быть жив
Но нет никого
Ты остался один
Вся победа – твоя
Не сотая доля
Не маленький ломтик
А вся
Почему же
Нет радости?
Почему же
Не хочется жить?

21.02.98 г.

Сезон дождей

Небо

Серое небо, серые деревья. Как в черно-белом кино. Дует ветер, обжигающий и сухой, как будто из доменных печей или Ада. Он дует сквозь меня, а потом подхватывает и уносит, как сухой лист – след ушедшей осени. Это полет, но я не чувствую себя легким, наоборот, чем выше я поднимаюсь, чем дальше я прозреваю, тем сильнее меня тянет вниз, в такую уютную и хорошо знакомую грязь. Все мышцы напряжены, кажется, еще чуть-чуть и они с треском лопнут, и я стану безвольной игрушкой сил, которых не понимаю. Может расправить крылья? Так странно, я давно не пользовался ими. Там внизу они не нужны. Они ослабли и вдруг не выдержат? Потихоньку, осторожно расправляю крылья, и меня сразу закидывает еще выше, в облака. Земля исчезает в белом тумане. Несколько минут я парю в белом ничто, потеряв ориентацию, не зная где верх, где низ, а затем меня выносит за облака. Я ожидал увидеть голубое небо, но надо мной, сколько хватает глаз грубая кирпичная кладка, неряшливо покрашенная голубой краской. Неба нет. Меня несет под самым потолком мира. Я успеваю заметить, что кое-где кладка потрескалась, а где-то не хватает нескольких кирпичей. Зарешеченные окошки залеплены пожелтевшими газетами, а те двери, что мне попадались, забиты досками. Я пытаюсь махать крыльями, чтобы вырваться из объятий ветра, но он с силой зашвыривает меня в большой пролом в небесном куполе. Я хватаюсь за обломки кирпичей, но кто-то со злобным криком бьет меня по лицу и спихивает вниз. Я падаю. Поломанные крылья безвольно болтаются. Потолок мира отдаляется. Сначала исчезают швы между кирпичами, затем сливаются со стеной проломы и окошки, и какое-то мгновение надо мной сияет яркое голубое небо, каким я привык его видеть. Я пробиваю облако и стремительно несусь к черно-белой земле. Скорей бы упасть. Там я залечу, свои раны и выживу. Выживу хотя бы ради того, чтобы, когда кирпичная кладка неба не выдержит и рухнет посмотреть, а что там, за ней?

31.10.1998 г.

Бич и копье

Три дня минуло с тех пор, как подземные пауки наконец-то поймали солнце в свои паутины. Три дня в беспросветной тьме не стихает бой барабанов. Три дня как шаманы из всех окрестных деревень, забыв прежние распри, собрались в долине черных камней, и выкурив корень медвежьего глаза погрузились в транс, чтобы в подземных мирах помочь солнцу разорвать паутины племени Сшехса. Третий день войны, сидя у тлеющих костров, точат мечи, хотя понимают, что в этой войне они им не помогут. Они в полголоса поют древнюю песнь-пророчество великого воина Эрлина из клана Горгов, сложенную им в смертный час в ледяных пустошах Каркарелла:

«Не страшись темных дней,
Рожденный под звездой Иттары.
Двери земли распахнутся
И найдутся бич и копье
Для избранной руки».

Третий день вожди кланов искали того, кто родился в весенний месяц Алл, под благословенным светом звезды Иттары. Того, кто дал бы им надежду вновь увидеть рассвет. Третий день как он, единственный, со стрелой с черно-зеленым опереньем в горле, вмерзал в вековые льды Миртии.

30.11.1998 г.

Эта дверь

Дождь
Вечный дождь
И страх
Я захлебываюсь в адреналине
Ночь без конца
И холодные тени
Бродят рядом
Верные псы Неназываемого
Тьму за окном
Рвут на части
Зеленые молнии
Режут глаза

Закрою их
Тьма...
Тишина...
И...
Гул толпы
На улицах незнакомого города
В криках ненависть
И страх закричать громче всех
Головокружение...
Падение в бездну...
И...
Шелест волн
Серый берег
Камни прикованы льдами к земле
Драккар.
Костры
Пьяные крики
И звон мечей -
Сакский набег
Пустота...
Кто-то шепотом считает секунды:
- Тридцать восемь...
- Тридцать девять...
И...
Голый холм
Три луны играют тенями черных камней
Алтарь
Человек в багровом плаще
С кривым ножом из обсидиана
Мертвый голос шепчет слова
Которых нет
Темнота...
Полет между спиралей галактик...
Уже виден конец вселенной
И...
Дождь
Вечный дождь
На стеклах нарисована осень
Стереть нет сил
Тени тихонько скребутся у двери
И страх

Оттого, что она есть
Эта Дверь...

26.12.1998 г.

Сны

Мне снятся сны
Я убегаю
Прячусь
И смотрю в щелочку
Как в город входят тучи
Они смеются
И мне холодно
Изо всех сил тру руки
И пытаюсь уговорить себя
Встать и крикнуть:
«Я здесь!»
Но мне холодно
Тучи рядами проходят мимо
И я прячу лицо в ладони
Чтоб не видеть их лиц
Это так страшно
А вдруг
У них мое лицо?
Вдруг они – это я?
Вдруг это моя тьма
Захватывает город
И смеется надо мной?
Они поворачивают за угол
И я просыпаюсь
А когда меня спрашивают
Что мне снилось в эту ночь
Я говорю:
«Что-то странное, но я уже не помню».
И я почти верю в это
Почти...

6.08.1998 г.

Штиль

За окном темно
Давно
Радиоволны
Несут мне слова
На чужих языках
И музыку
Телефон
Нем полгода
Холодильник пуст
Это штиль
Я бросил весла
И жду у моря погоды
Бесполезное дело
И плевать.
Есть кофе
Случайный джаз
Из динамиков
Заполняет мой дом
И мой мозг
Он синий
В нем можно плавать
Не вставая из кресла
И я плыву
Может завтра
Примчится циклон
Шквалом телефонных звонков
Взорвет тишину
Будет топтаться у двери
Или хуже -
Звонить
И долбить в нее кулаком
Так кончается штиль
Снова ветер
И застывшие волны
Опять побегут
Искать мифический берег
Чтоб разбиться в тысячи брызг
И уснуть
Я поставлю парус

И меня галсы
Скоро стану точкой на горизонте
Лишь ветра и морские дороги
Так начинается штиль.

30.04.1999 г.

Вне игры

...и будет свет и тьма
И поглотит их хаос
Без остатка
Сорвав безумие
С потертого лица
Тень ворона
Оставит отпечаток
И смерти нет!
Бежать туда, где край
И в пропасть
Выбросить одежды
Пропитанные страхом
И горькой солью слез
Чужих
Забывших
Бесполезных
Не искать
Какой-то скрытый смысл
В тоскливом крике
Вырванном из горла
И главное:
Ни взгляда вниз
Не надо знать
О дне
Коварно превращающем
Полет в паденье
А значит в смерть
Но в истинной игре
Конец лишь пауза
И будет продолженье
Но пусть без нас
Кто вспомнит тех

Кто не шагнул за край
Чтоб обрести бессмертие
И встать на лестницу
Ведущую наверх?
Забвенье – пусть
И выйдя из игры
Мы обретем покой?

9.08.1999 г.

Сон богов

У прохладных камней
Под раскидистым дубом
Мы спешились
В землю воткнули мечи
И сбросив железо доспехов
Упали в траву
И нам были посланы сны...
Без проклятий и страхов
Без грозных знамений
Нам снились
Огни в темноте
Шум волн
И шелест листвы
Гул ветра
Золотая парча
Уходящих в закат кораблей
И знание
Бог где-то здесь
Первый солнечный луч
В глыбах льда
Пряный воздух
Неизведанных стран
Крики птиц
Острова
В сердце южных морей
Мерцающий в свете луны
Океан
И уверенность
Бог где-то в нас

И проснувшись
Заглянули друг другу в глаза
Оседлали коней
И разъехались
Каждый, зная свой путь
Каждый, зная свой час
Каждый, зная – он бог.

22.12.1999 г.

Вопрос

Сотню раз
Мир умирал на моих глазах
Без плача и стона
Разжав сведенные судорогой пальцы
Он падал вниз
Туда где нет тишины
Туда где утилизаторы порядка
Быстро растащат его на куски
Смрадный труд...
Иногда мне казалось
Что «здесь» - это крыша небоскреба
А внизу – улицы
Толпа безмозглых людей
Но всегда оставался вопрос
Что же тогда мир?
Запах весны?
Тонкий стебель цветка
На мертвом асфальте шоссе?
Полет стрекозы?
Ветер веков
Всегда пахнувший пылью дорог?
Или мир это я?
Тогда кто топчет пальцы
Висящего над пропастью мира?

21.01.2000 г.

Чердак

Мы будем умирать
Рука к руке
Бессилие и злоба
За спиной
Отброшены
И мы чисты
Покой
Я никогда не знал
Что он такой
Как небо голубой
И золотой
Словно листва
Осенних кленов
Не нужно никуда бежать
И некуда
Все двери заперты
Лишь от одной
Есть ключ
И мы войдем
Подъем по лестнице
Чердачное окно
На толстом слое пыли
Странные слова
И знаки
Выведены пальцем
Сотрем
И за окном
Луна и Солнце
Ночь и День
Начало и конец
Так мы умрем

23.10.2000 г.

Rain without end

Дождь без конца
Неряшливые серые тучи

Запутались в ветках деревьев
Застрали в узких улочках
Города
Где мне жить
Еще целых два дня
Потом
Я надеюсь
Не будет других городов
Будут тучи
Другими
Но дождь
Он один и тот же
Всегда
Лужа
Под промокшим насквозь плащом на вешалке
Носки на батарее
Горячий чай
Без сахара и глупая книга
В яркой обложке
Но сон не идет
Два дня
Употребить их на поиски смысла?
Бессмысленно
Глупо думать
Что можно найти тишину
Когда дождь без конца
Когда фары промокших машин
Чертят линии на мокром асфальте
Когда хочется жить так же ярко
Как обложка на книге
Утонуть в бездонном колодце
Мистических тайн
И искать...
Но найти ли?
Там где вечер
Встречается с ночью
Там где дороги
Превращаются в трапы
Где леса
Хранят священные рощи

Может быть там
Кончается дождь?

30.05.2001 г.

Teiwaz

Битва закончена
Отбросив изрубленный щит
Я ухожу
Кровь еще не успела остыть
И пар поднимается к небу
Жертва алчным богам
Тишина
Стоны стихли
И кто-то
Уже разжигает костры
В почерневших от гари котлах
Закипает вода
Песен нет
Присев у огня
Слышу
На той стороне
Бьют в барабан:
- Один, кто победил?
Кто входит в Вальгаллу
Из тех кто на поле
На пропитанной кровью земле
Лежит
Глядя в небо
Пустыми глазами
В которых тоска
И отраженье ущербной луны?
Из тех
Кто перед битвой вошел в заповедную рощу
С жертвой тебе?
Кто из них?
Меч из ножен
Оселком
Аккуратно исправить
Избитый металл

Завтра
Может быть снова
Придется пополнить
Чертоги Вальгаллы
И как знать
Может быть
Завтра
И я буду там.

5.06.2001 г.

Занавес

Все просто
Деревья, луна
Небо и звезды
И не хочется спать
Нет смысла считать
Окурки
В пепельнице
В пачке
Еще пяток сигарет
Значит ночь
Еще будет идти до утра
Десять тысяч секунд
Все просто
Звезды
Отражаются в черном омуте глаз
Днем не будет
Только...
Случайная фраза
Взгляд
И что-то сверкнет в глубине
Холодок по спине
Это звезды в глазах
Все просто
Лежать на черной траве
И смотреть
Как небесная сфера
Секунда за секундой
Градус за градусом

Завершает свой оборот
На мгновенье
Вообразить себя центром
Цепляясь за ось мироздания
Вскарабкаться выше
Деревьев, луны
Выше неба и звезд
На миг
Отдернуть занавес
И рухнуть в траву
Чтоб смотреть как восток
Грозит небу солнцем
Улыбаться
И уже без сомнения знать
Все так просто!

1.07.2001 г.

Пейзаж

Безликое море
Окаменевшие кости
Чудовищных рыб
Пейзаж без конца
Образ
Похороненный забытым поэтом
В толще страниц
В черном жемчуге букв
Извлечен как и я
Из воспаленного мозга.
В хаосе снов
Не увидеть приход
Не узнать его новое имя
Не услышать слова
Не почувствовать сталь
Не уйти...
Если только...
Попробовать...
Вырваться в день
По колено в листве
И со злобной усмешкой

Расстаться с последней надеждой
Увидеть новый рассвет
Выйти на берег
И там
Средь камней
Смотреть
Как уставшее солнце
Падает в море
Для меня
Навсегда
...безликое море
Окаменевшие кости
Чудовищных рыб
Пейзаж без конца...

30.08.1999 г.

Histeria

Миг
Из опрокинутой чаши на землю
Смех
Ничего нет
Будет агония
Желтые змеи во снах
Пробужденье как смерть
Праздник, новоселие
Кто-то в черном
Откроет замок
И последней двери
Нет
Хочется жить
Собственной кровью чертить
Знаки огня
Лихорадка прошла
Серым страхом
Полны глаза
Отражение не оставляет след
Все зеркала лгут
Ничего нет
Почему молчат небеса?

Горят облака
Вокруг пустота и сны
Прости...
Где-то на западе
Люди и города
Где угодно,
Но только не там
Снова
Тишина мешает дышать
Почему
Все всегда уходят туда
Где
Ничего нет
Только магия и боль
 Лишь звук и тьма
 Безумие и я?!

10.01.1999 г.

Lacrima

Не плачь
Зима не будет вечной
Хотя не спрашивай
А верю ли я в это сам
Я твердо знаю
Лишь две вещи бесконечны
Моя любовь
Твоя тоска
Беги.
И да пребудет счастье
В твоих руках
Не трать слова
Они еще сгодятся
Заткнуть зияющие дыры
В тишине
Не жди утра
И не бери с собой
Вещей
Отмеченные прошлым
Они ведут ко мне

Спеши
И там
Где новый день
Тебя застанет
Скажи: «Прощай!»
Не думай
Я услышу
И пойму...

1.02.1999 г.

Ветер II

Срывай листву
Мой ветер
Довериться тебе?
Когда придет конец
Уныло серым дням
У моря
На скале
Открытой всем ветрам
Я буду ждать тебя
Прошу, приди
Мне дорог только ты
Мой ветер странствий
Помнишь –
Паруса
Когда гребцы
Измученные штилем
Валились с ног
Ты наполнял
И флот дошел
И Византия пала
И жертва первая
Была принесена тебе
А помнишь
Мой драккар
Нагруженный добычей
Ты посадил на мель?
Мы золото кидали в воду
Пока корабль

Не опустел до дна
И только потому
Мы от погони скрылись,
Что трюм был пуст
А паруса полны
Что золото,
Ты подарил нам жизнь
Я помню все
Сражения и стычки
Шторма и штили
Бури и дожди
И знаю помнишь ты
Поэтому
Прошу тебя, приди
Там, на скале
Мои наполни руки
И мой полет
Хоть и последний
Пусть он будет долгим
За все, что было
Его
Я задолжал тебе.

25.11.2001 г.

Чужой

Пролог

Бывают такие дни, а вернее вечера, когда ветер останавливает тучи и спускается в Город. Он раскачивает фонари, и ожившие тени мечутся в агонии, пытаясь кричать от боли. В такие вечера люди не выходят на улицы. Они не принадлежат им. Эти вечера отданы тем, кто в тени, тем, кто смотрит на вас из темных подворотен, тем, чей тихий шепот перекрывает скрип болтающихся фонарей и сводит с ума. Но он смог повернуть ключ страха в своем сердце так же легко, как повернул ключ в дверном замке, перед тем как вышел на улицу и навсегда покинул этот проклятый город. Он ушел из Города, но он остался в нем вечно жгущим клеймом тьмы.

Эпизод первый

Он стоял оперевшись на водную гладь этого тихого океана. Вода, бесконечная как дорога, простиралась куда-то далеко и без всякого горизонта переходила в небо. "Выдумки все это про горизонт, - думал он. - Красиво, конечно, романтично, но – выдумки".

В желтых скалах прокричала птица. Он посмотрел на часы, стряхнул воду с джинс и, закинув за спину рюкзак, зашагал по кромке воды. Заметив проход в скалах, он свернул в сторону и через несколько минут карабканья среди валунов ничто уже не говорило о близости океана.

Перед ним раскинулась скучная равнина, покрытая отцветающим вереском, да кое-где торчали кочки низкорослого кустарника. Однообразие пейзажа нарушал лишь одинокий холм, возвышавшийся километрах в трех от него. На его голой вершине он разглядел какие-то странные камни неровно торчащие из земли. В их расположении он уловил какую-то систему, что навело его на мысль о искусственном происхождении холма, хотя с такого расстояния это могло оказаться и просто обманом зрения.

«Интересно, что, это может быть? - подумал он, шурясь, что бы лучше разглядеть нагромождение камней, - Может какое-нибудь древнее святилище? Пожалуй, стоит взглянуть». Бодро перепрыгивая с камня на камень, он начал спускаться на равнину. Он не преодолел и четверти спуска, когда за его спиной раздался голос.

- Подожди минутку, Эрлин.

Он обернулся. На одном из замшелых валунов сидел старик-индеец в пыльном неопределенного цвета пончо и засаленной по краям широкополой шляпе из под которой выбивались белоснежные пряди волос.

- Кто вы такой, черт возьми? И что вам от меня нужно?

Индеец усмехнулся, неторопливо достал кисет и стал набивать трубку табаком, наслаждаясь его недоумением. Выдержав паузу, он произнес.

- Да ты присядь, твоя дорога никуда от тебя не убежит. И ты от нее тоже.

Он кинул рюкзак на землю и послушно сел напротив старика на один из камней.

- Ты избран, - сказал тот и посмотрел ему в глаза.

Эпизод второй

Он затянулся сигаретой и, выпустив дым, закрутил его смерчем и послал к потолку. Свет далекого фонаря, проникающий через окно, вывел на стене тень его сторбленной фигуры и вспыхнул в глубине рубина на его руке. Сигарета дотлела до фильтра и потухла. Смерч распался на отдельные струйки и подхваченные сквозняком они, вытянувшись в тонкие голубые нити, выплыли в окно.

«Тень облака на губах принцессы не должна была остановить возмездие, - думал он, - Облако было обычным белым конем Хуррама, вечного пастыря небесных табунов, вряд ли у него был здесь свой интерес. Хотя...». Он машинально погладил перстень на левой руке. «У демонов и богов везде свой интерес. Даже у таких незначительных как Хуррам.»

Включилось радио. Он вскочил, уронив стул, и схватился за рукоять меча. Мгновение он стоял готовый отразить любое нападение, а затем, поняв причину шума, опустил руки и сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы успокоить стучащую в висках кровь. «И все-таки я всего лишь человек, - подумал он, нервно сминая пачку, откуда достал последнюю сигарету, - Я могу ошибаться». В воздухе вспыхнул зеленый огонек и, прикурив от него, он опустился на пол и сел, прижавшись затылком к стене. И только тогда он понял, как устал.

- Я всего лишь человек, - произнес он вслух и удивился, как глухо прозвучал его голос. Усмешка исказила его лицо. Он вспомнил, как гордо звучал этот самый голос в Рубиновом зале Песчаного замка, где он был посвящен богине Шоно.

«Порой бывает грустно оттого, что боги не знают что такое благодарность, - подумалось ему, - Хотя иначе чем бы они отличались от людей?» Он посмотрел в окно. Светало. Из принесенных с юго-запада туч моросил дождь. Свет фонаря растворился в молочно-белом тумане. Нужно было собираться на работу. Он отстегнул ножны с мечем и, завернув их в плащ сунул под кровать. Зашел на кухню и, намочив под краном руки, загладил назад волосы. В прихожей заглянул в зеркало, отметил бледность нервность во взгляде, подхватил кейс и открыл дверь. Уже запирая замок, он услышал, как зазвонил телефон. Проигнорировав это, он спустился на первый этаж, бросил ключи в почтовый ящик, и вышел из подъезда.

Эпизод третий

Он лежал в объятьях тишины. Еще минуту назад ее не было. Были ее шаги, затихающие на лестнице. А может быть нет? Он уже ни в чем не был уверен. Может быть, ему только казалось, что он слышит шаги, шаги человека навсегда уходящего из его жизни. Еще пол часа назад он чувствовал тепло ее тела, ее губы на своих губах, ее взгляд. Именно он и выдал ее. В ее глазах он прочитал: «Это конец». Уходя, она закрыла за собой дверь с какой-то обреченной определенностью. Этим она как бы сказала: «Мы не увидимся больше никогда». И она знала, что он понял это. А он молчал. Он лежал, даже не пытаясь догнать, удержать ее. Зачем? Он любил ее. Любили за то, что она всегда делала то, что задумала. Пытаться остановить ее, значит не уважать ее выбор, ее свободу. На простыне, там, где она лежала, остался отпечаток ее тела. Он переполз и лег в него, пытаясь впитать остатки ее тепла. Он подтянул колени к груди и замер.

Эпизод четвертый

Когда она проснулась, он сидел на краю кровати спиной к ней и курил. Какое-то время она сонно смотрела на него, пытаясь, что-то вспомнить.

- Вот черт, я даже не знаю как твое имя.

Потянувшись, она села, подсунув под спину подушку.

- Представляю, какого ты обо мне мнения. Но ты не думай, я не часто оказываюсь в постели с мужчиной, забыв спросить его имя. Можешь принять это как комплимент.

Неожиданно рассмеявшись, она ткнула кулачком ему в спину.

- Эй, да как же тебя зовут? Может, все-таки соизволите представиться?

Он воткнул сигарету в пепельницу, задвинул ее под кровать и повернулся к ней.

- Зови меня Агасфер.

- Ну и имечко ты себе придумал, - фыркнула она, - Ты что, от кого-то скрываешься?

- Хочешь кофе?

- Все поняла. Без глупых вопросов. Так?

Он ничего не ответил, а поднял с пола и поставил перед ней поднос с кофе, тостами и баночкой клубничного джема. Она нежно посмотрела на него и, потянувшись, поцеловала в плечо.

- Ты прелесть.

- Я знаю.

- Зазнайка.

Отхлебнув кофе, она поставила кружку обратно и стала тщательно покрывать тост джемом. Некоторое время он с улыбкой наблюдал за ней, а потом поднялся с кровати и стал одеваться.

- И откуда ты такой взялся? – спросила она в промежутке между вторым и третьим тостами. Он пожал плечами.

- Отовсюду.

- Где же тогда тебя так долго носило?

- Хочешь еще что-нибудь?

Он надел брюки и застегивал рубашку.

- Да хочу. Тебя.

Он склонился над ней и поцеловал в сладкие от джема губы.

- Я принесу еще кофе, - сказал он и вышел из спальни. Через минуту она услышала, как захлопнулась входная дверь. Когда она, завернувшись в простыню, выбежала из дома, его уже нигде не было

Эпизод пятый

Он проснулся за семь минут до рассвета. Этого времени ему хватило, что бы оценить свое состояние как удовлетворительное, встать, накинуть халат в черно-зеленую вертикальную полоску, в гостиной оценить масштаб разрушений после вчерашней вечеринки, пройти на кухню, выключить поставленную на таймер кофеварку, налить в чашку горячего кофе и сесть у окна.

За окном был нехотя просыпающийся город и осень. Небо цвета вытертых джинс, чахлая трава на газоне у дома и на разделительной полосе дороги, а дальше трехэтажная бетонная коробка супермаркета. Просто и уныло... А еще дальше, где-то за городскими свалками, был восток, во всяком случае солнце каждое утро упорно вылезало именно от туда.

Он сделал глоток и достал сигарету из пачки забытой кем-то на столе. Прикурил, затянулся и стал изменять мир. Трава вспыхнула и мгновенно превратилась в пепел. Супермаркет стал оседать и плавиться, как масло на сковороде, потом стены провалились внутрь подняв клубы пыли. Асфальт покрылся трещинами, вздыбился, образовав провалы из которых польхнуло голубое пламя. Зеленая машина, вывернувшая из-за угла, резко затормозила, ее закрутило, потом неожиданно подбросило вверх. Она успела сделать два оборота, показав серое днище, прежде чем нырнуть в разверзшуюся пропасть.

Небо, впитав поднявшуюся пыль, стало светло серым. А потом наступила тишина...

Теперь за окном на сколько хватало глаз простиралась серая пустыня, лишь кое-где торчали странно перевитые колючие кусты между которыми лавировали пылевые смерчки. Он воткнул окурок в пепельницу и, над горизонтом появились первые щупальца восходящего солнца. Он допил кофе, наблюдая как уродливое голубое светило неуклюже заползло на небо. Пустыня, казавшаяся в предрассветных сумерках серой, засверкала, будто усыпанная осколками зеркал.

Какой-то шорох, отчетливо прозвучавший в наполненном тишиной доме, заставил его поставить чашку и подняться. За окном, у супермаркета остановился красный минивен, исторгнув семейство в ковбойских шляпах. Он вышел в холл.

На лестнице, ведущей на второй этаж, стояла девушка в черных джинсах и футболке с неразборчивой надписью. Было видно, что она только что проснулась: помятая одежда, смазанная косметика и глаза, которые никак не хотели открываться. Вцепившись в перила, она видимо тщетно пыталась понять, где находится. Услышав его шаги, она убрала с лица спутанные волосы.

- Э – э...

- Ванная по коридору направо. Аспирин там же на полочке. А я пока налью кофе. Хорошо?

- Э – э... Спасибо.

Неуверенно ступая и держась за перила, она спустилась и отправилась в указанном направлении. Он услышал, как открылась дверь и полилась вода. Усмехнувшись, он вернулся на кухню, налил две чашки кофе и вставил хлеб в тостер...

(Указать дату написания крайне затруднительно. Некоторые эпизоды начинали писаться еще году в 1993... Поскольку произведение пока не закончено (и не уверен, что будет) придется обойтись без нее)

Маг и Безумие

В сердце Хаоса

Я поймаю свое имя.

Произнесу его вслух

И черный ворон унесет его в Бездну,

 Алексей Букин

Оставив меня погружаться во мрак.
И тогда,
Безумие протянет мне руку.
Но пожму ли я ее?

04.1998 г.

Врата

Прощание

О, мой город,
Время и деньги
Исковеркали твое лицо
Пока меня не было в тебе.
Но сейчас я здесь,
А твоя душа укрылась где-то
Стыдясь себя.
Мне грустно.
Рекламная пошлость
Грязью прилипла
К стенам твоих старых домов
И в лицах людей
Теперь что-то не так.
Может неон горит в их глазах?
Или боль,
Осознание того,
Что все уже не будет как прежде?
Горечь от утраты себя?
О, мой город,
Прости, я не смогу
Тебя больше любить.
Может улочки,
Что ты спрятал от нашествия денежных знаков
Всколыхнут во мне что-то,
Но это не будет любовь.
Скорее печаль,
И жалость к тебе,
Эхо прежнего светлого чувства.
Но ты будешь во мне,
Будешь прежним
Навеки.
Прощай...

8.01.2002 г.

Голос

Слушающие ветер и слышащие ветер – глухи. В голосе ветра все тайны мира с начала времен, когда змей Хаоса возлежал на бегущих в никуда волнах возможного. В нем можно различить слова на не существующих ныне языках, слова, смысл которых тут же, в голосе ветра. Шум волн, из которых все вышло и куда все вернется. А если прислушаться, то можно услышать, как звучит Руна Конца. Я знаю это, но я, как и вы, глух.

8.01.2002 г.

Вспоминай про меня

Утопая в крови
Артериально изогнутых мыслей.
Достигая высот
Обнажающих сущность времен.
Убегая из снов
В поисках молчаливого смысла.
Иногда
Вспоминай обо мне.
Не стучи в мою дверь –
Не услышу,
Ключ в замке повернуть –
Не тебе.
Твое имя
На этой странице
Не звучит.
Но...
Вспоминай обо мне.
О моей искалеченной прозе,
О моих низкопробных стихах,
О словах, в которых ошибся,
Об игре,
Где я проиграл.
Ты ушла.
Я остался.
Напрасно.
Лучше было бы

Наоборот.
Приходи,
Когда я не услышу.
Поздно ночью,
Когда я уже сплю.
Я боюсь тебя снова увидеть.
Я боюсь.
И в то же время хочу.
Но если тебе это сложно,
Ведь реальность
Так алмазно тверда,
То прости
И забудем про это.
Но...
Иногда
Вспоминай про меня.

11.01.2002 г.

Па

Я тону
В твоём молчании.
Нет слов
И чувства
Кажутся пустыми
Сквозь призму
Покрасневших глаз.
Ты или я?
Кто первый?
Есть ключ,
И есть замок
И у двери две стороны.
Я вязну в тишине,
Как мотылек
Попавший в паутину
И биться
Не осталось сил.
Я истощен.
Нет света,
Нет энергии,

И нет тепла.
А может...
Нет меня?
Есть ты.
Есть тишина.
Молчание – стена.
За ней -
Холодный ветер,
Осень
И тоска.
Та,
Что со мной
Всегда.
И если вдруг,
Молчанье треснув
Отольется в слово,
Мне одному не быть.
Она
Со мной
Всегда.

15.10.2001 г.

Сомнение

Города.
Ночь как сон
Тяжело ложится на крыши.
И кажется,
Сон будет вечным.
Холод дорог
И бесконечная череда воплощений –
Все прах,
Пыль на траве
Еще не придуманных стран.
Тени звезд
В небе,
Где бог давно уже умер,
И всем правит ночь –
Все что есть.
А хотелось бы больше.

Хотелось бы плакать и плавать
В осенних дождях,
Тонуть в грязных лужах,
Листвой ложиться на дно
И не искать продолжений.
Находить тишину
И железной стрелой
Вонзаться в закат,
Разрывая ее
Громом сверхзвуковых ускорений.
Сомнение:
А будет ли день?
Или ночь будет сном городов
И не будет утра
И начала?
Есть отличие
Правда и ложь?
Может быть это все
Только снится?
Разобраться,
Кто сможет помочь?
Где же те,
Кто смог возвратиться
И закончить прогулку в аду
У камина?
Или все это мне только снится?

24.01.2002 г.

Великая Определенность

«Она нежданно нагрянет, когда ее совсем не ждешь...»- это о Ней. Вроде бы рыскаешь по Internet'у в поисках приличной гитаренки за вменяемые деньги, пытаешься накапать ужасные black-metall'ические тексты, пьешь пиво, строишь планы – в общем, все то, чем я занимаюсь последнее время, и кажется, что все в порядке. И вдруг оборачиваешься, а Она за спиной, совсем рядом и тебя от «нежданно нагрянет» отделяют какие-то миллиметры. Первая мысль: «Fucking situation!». Не то чтобы ты не знал, что это произойдет, Ее голос звучит всегда, где-то на пределе слуха, но с годами к нему привыкаешь, и он уже не мешает уснуть, не заставляет рыдать,

уткнувшись в подушку. С ним свыкаешься, как, живя возле железной дороги, привыкаешь к бесконечным гудкам и нескончаемому топоту колес. Вторая мысль: «Я не мог об этом забыть, это же так очевидно». Но Она за спиной, а ты стоишь, опустив руки, и не знаешь, что делать. Третья мысль: «Но Она же не протянула мне руку, значит все не так уж плохо, значит можно отвернуться и идти дальше, как ни в чем не бывало». Но видеть Ее лицо и остаться таким, каким ты был уже невозможно. Ее взгляд оставляет никогда не заживающие раны. Но в этой боли можно черпать силу и идти по дороге точно, и уже как-то обречено, зная, что вон за тем поворотом настанет миг великой определенности. Мало того: знаешь, что точно будет определенно и взвешенно на вселенских весах и знаешь, что Она скажет. Если Ее взгляд причиняет боль, то слова, как порыв ветра, забрасывает высоко в небо, откуда, медленно кружась, как осенний лист, опускаешься все ниже и ниже. Уже не имея тела и астральных оболочек, голая душа пребывая в страхе и смятении, погружается в изначальный Хаос, чтобы перестать быть. Навсегда. И нет никакого тоннеля, а тем более света в конце.

7.03.2002 г.

Рубины

Так глупо
Машина из-за угла
Россыпь алмазов стекла
Среди них
Почти не заметны
Рубины...
А когда-то
Так странно
Всего лишь вчера
Жизнь была
Вернее,
Казалось была...
Было завтра
И «через два дня»
Было лето
И как-то в тумане
Зима
Не хотелось

Тащиться в кино,
Вышел новый альбом?
Все равно...
Я потом заскочу
Хорошо?
Не пойдем сегодня гулять,
Может завтра?
Так хочется спать...
Завтра нет
Осталось вчера,
Блики солнца
В осколках стекла
И почти не заметны
Рубины...

17.03.2002 г.

Порванная нить

(битва близ Йеллинге 18 февраля 759 года н.э.)

Из ран
На землю-
Кровь
Снег превратился в грязь
Приняв тепло
Остывших тел
Сквозь пелену в глазах
Я вижу дев
Летающих над полем
Где пал и я
Кольчуга порвана
Там,
На груди
Куда удар секирой
Нанес мне воин
С боевым безумием в глазах
И ног не чувствую
Сталь прилипает к телу
Боль прошла
Уже не долго ждать...
Горит камин,

Эль в кружках-
Лучший, зимний эль,
На блюдах
Туша вепря истекает жиром
И я не вижу
Край дубового стола
Отец и дед
И братья-
Рядом,
Меч на коленях
И душа полна
Восторга
Кто-то просит песню
И скальд поет...

Придет весна
И пот мечей
Взрастет травой
Ржа съест металл
И нежную ступню
Он не поранит
Той,
Что лунною тропой
Взойдет на твой курган
И северным ветрам
Свое подарит имя...

Но Рагнарек не за горами!

5.06.2002 г.

Поле

Трава сочней
Там, где земля,
Удобренная кровью,
Смешавшись с пеплом
Погребального костра,
Рождает жизнь.
Где на курганах,
Ночью,

Плач семи ветров
О тех,
Кто бился здесь,
О тех,
Кто не вернулся,
Чьи имена
На рунном камне
Ты не прочтешь.
Тех, кто стал землей.
Их помнит ветер.
В шелесте прибоя –
Их имена,
А в капельках росы –
Их лица
Сможешь ты увидеть?
...был славный бой.
Сталь к стали,
Кровь кипела
На лезвиях мечей,
А крики
Разрывали небо.
Казалось, время
Прекратило бег:
Прошел и день,
И год,
И сотня лет
И вечер пал...
Взошла луна.
Все примирило поле.
Ярость отступила,
Ушли в века живые
Унося в сердцах
Тоску и боль.
Наедине с луной
Лишь те остались,
Те,
Кто стал землей.

29.06.2002 г.

Мой день I

Утро. Я проснулся. Позавтракав бутылкой пива и половиной упаковки крабовых палочек, иду на работу. Восемь часов электронных таблиц, шестнадцать сигарет, один бутерброд с сыром, другой с колбасой, пара неудачных шуток, пара кривых ухмылок в ответ на такие же неуклюжие шутки и я свободен. Что сделаешь, работа - самый простой способ добывания денег (из легальных). Сажусь в троллейбус. Проезжая мимо центрального банка, внимательно изучаю здание (когда-нибудь я его ограблю). Выйдя на конечной, докуриваю последние две сигареты, в ларьке у чахоточного вида девицы покупаю две пачки. В старом пятиэтажном доме поднимаюсь на третий этаж. Стучу в железную дверь. Меня там знают, поэтому открывают сразу. Покупаю «корабль». Мне предлагают кем-то сданный за долги V.C.Rich с кофром. Отказываюсь и ухожу. Еду домой. По дороге сворачиваю самокрутку. Дегустирую. Неплохо... Даже очень неплохо... В магазине с мебельным названием «Пиноккио» покупаю четыре бутылки пива. В подъезде поднимаюсь на этаж выше и захожу к соседке. Ее родители на даче и мы сидим на кухне пьем пиво, курим «траву» и треплемся о Гае Ричи. Приходит ее подруга, и они удаляются в спальню. Допиваю пиво, отказываюсь от предложения присоединиться и иду домой. Дома варю кофе и сажусь смотреть телевизор. Звонит приятель и говорит, что в субботу Black-металльный концерт. Говорю, что приду и кладу трубку. Время первый час, а спать не хочется. То ли от кофе, то ли от «травы». Одеваюсь, беру пару дисков и иду в круглосуточный магазинчик. Там сегодня, я знаю, дежурит симпатичная продавщица (кстати, фанатка Cradle Of Filth) я у нее постоянный ночной клиент. Покупателей нет, она рада меня видеть. Мы ставим диск и два часа разговариваем о музыке и вообще за жизнь. Я приглашаю ее на концерт, она согласна. Договариваемся о времени, и я возвращаюсь домой. Завожу будильник и ложусь спать. Сплю.

1.07.2002 г.

Мой день II

Утро. Просыпаться не хочется, но звонок будильника выцарапывает меня из сна. Открываю глаза. Странные тени на полу от *Euphorbia milii*, которая стоит на подоконнике. Солнце. Много солнца.

Слишком много солнца. Будильник продолжает звенеть, но уже как-то неуверенно. Шарю по полу, пытаюсь его найти, опрокидываю бутылку с минералкой. Будильник найден. Выключаю его и сажусь на кровати. Она что-то шепчет и отворачивается к стене. Обнаруживаю пачку сигарет, прикуривая от ее зажигалки, которая валяется тут же. Иду на кухню варить кофе. Конечно, у меня есть и растворимый, но поскольку я не в цейтноте (будильник звонит в 6.30, но за ночь он умудряется убежать вперед минут на 20 – 25, то реально еще только начало седьмого) можно потратить время на кофе, да и ей, я подумал, будет приятно. Пока закипает вода, головная боль, которая, к сожалению, проснулась вместе со мной, заставляет меня проглотить две таблетки темпалгина. Я знаю, что позже мне придется расплачиваться за это головокружениями и дезориентацией, но я привык. В турку насыпаю кофе и заливаю его кипятком, еще десять секунд и разливаю его по чашкам я возвращаюсь в спальню. Она уже не спит. Я натыкаюсь на ее взгляд, как на шип, оставленный нерадивым цветочником на двадцати пяти долларовой розе.

- Ты меня осуждаешь?
- Нет.
- О чем ты думаешь?
- Что кофе остынет, что ты прекрасна.
- В таком порядке?
- Извини, нет, конечно.
- Тебе понравилось?
- Да.
- А я думаю, зачем все это...
- Что?
- Ну... все это. Секс, утро, кофе, эти слова...
- Показать где дверь на балкон? Мы на девятом этаже, короткий полет все эти мысли потеряют смысл.
- Ты не понимаешь...
- Да, не понимаю.
- Ты когда-нибудь пил кофе с голой женщиной?
- Да, приходилось.
- Тебя можно чем-нибудь удивить?
- Не думаю.
- Вчера ты не казался мне таким холодным.
- Вчера ты не задавала мне такие вопросы.
- А ты пил кофе с голой женщиной на кухне?
- У тебя какая-то склонность к эксгибиционизму.
- Тебе это не нравится?

- Да нет, совсем наоборот...
- Ты не ответил на мой вопрос.
- Какой?
- Предпоследний.
- А..., нет, не пил.
- Тогда идем.

Она откинула одеяло и встав с кровати потянулась. Чудесное зрелище. Если бы не две чашки кофе в руках, то можно было бы что-нибудь предпринять, а пока я соображал куда их деть она уже выскользнула из спальни. Я последовал за ней.

- Мои сигареты у тебя? – она обернулась ко мне. Я протянул ей одну чашку и достал пачку.

- Прикури мне, пожалуйста.

Она села на низенький диванчик, который стоит у меня не кухне, положив ногу на ногу. Я прикурил две сигареты, одну протянул ей. Она глубоко, совершенно не по-женски, затянулась и откинулась на спинку.

- О чем ты думаешь? – она выдохнула дым и улыбнулась.
- Что ты прекрасна.
- Хорошо, а еще?
- Что я, наверное, уже опаздываю на работу.
- Останься.

- У меня в голове промелькнул коротенький мультик о последствиях моего не выхода на работу.

- Извини, но я не могу.
- Что мне сделать, чтобы ты остался?

Ее нога соскользнула с ноги и улыбка стала такой, что я невольно сглотнул.

- Давай я принесу твою футболку?
- Ты меня боишься.
- Нет, я просто опаздываю на работу.
- Для тебя работа важнее, чем я?
- Меня раньше никогда не ревновали к работе.
- А их было много?
- Кого?

- Ну, тех, кто ревновал.

- Тебе это действительно интересно? Или ты просто пытаешься меня задержать?

- Это же твой дом, ты можешь выставить меня и идти куда захочешь.

- Я не хочу тебя выгонять, я хочу, что бы ты осталась.
- А я хочу, что бы остался ты.
- Извини, но я не могу. На такие вещи я, наверное, уже не способен.
- А раньше был?

Раньше... Раньше я мог автостопом проехать половину страны, ходить в драных джинсах, торговать наркотой, чтобы свести концы с концами, прогуливать учебу ради того, чтобы встретить восход солнца, наплевав на работу, ехать к морю, драться с гопотой из-за длинных волос. Раньше...

- Давай экскурс в мое богатое прошлое предпримем потом?

- Когда мы познакомились, я думала что ты другой. Днем - солидная работа, компьютеры и все такое, а ночью – безумие: наркотики, оргии, какие-то темные обряды. Теперь я вижу, что это не так...

- Ты разочарована?

- Наверное, да. Хотя... Не знаю. Ты не такой как я думала, но все равно в тебе какая-то загадка. Под одним слоем оказался другой и я не знаю сколько их еще. Ты не пускаешь меня. Почему ты не пускаешь меня?

- Давай поговорим обо всем позже. Я должен бежать. Я оставлю тебе ключ.

- Хорошо, но предупреждаю, я буду рыться в твоих вещах.

- Отлично если найдешь пятьдесят баксов, которые я куда-то сунул я буду только рад.

Я быстро оделся. Она ждала меня в прихожей.

- У тебя есть «Cruelty and the beast»?

- Да, он где-то среди дисков на полке.

- Я сегодня ночью работаю, ты придешь?

- Конечно.

Я обнял ее и наши губы встретились... Спустя долгое, очень долгое время я сказал:

- Может быть, ты дождешься меня?

- Может быть...

- Знаешь, меня никогда раньше не провожала на работу голая женщина. Обалдеть!

Она рассмеялась, я открыл дверь и махнув рукой вышел в подъезд.

Когда я вернулся домой ее, конечно, не было. На кухне, на столе лежали пятьдесят баксов.

3.08.2002 г.

Мой день III

Утро. Троллейбус. Я еду на работу. И вдруг:

- Ты?

Поворачиваю голову. Да, это она. Воспоминания... Какая-то глупая вечеринка, абрикосовый ликер, песни, сигаретный дым. Она. Мысль: «Да, у меня никогда не будет такой женщины». Воспоминания... Третий раз за окном здание театра. Я катаюсь по кольцевой и смотрю в окно. Тоска.

« - Привет.

Поднимаю голову. Это она.

- Ты куда-то спешишь?

- Нет, - отвечаю я.

- Поедем ко мне домой? »

Воспоминания... Мы в общежитии, в переходе между корпусами, сидим на подоконнике и пьем на брудершафт шампанское. Из горла. Из одной бутылки. Не спрашивайте, как это у нас получилось. Потом, вкус ее губ... Пряности и почему-то соль. Воспоминания... Ее письмо, написанное зелеными чернилами. В нем: «Ты мой Рыцарь...» Воспоминания... Грохот музыки за стеной. Мы лихорадочно срываем с себя одежду. Дверь не запирается... Воспоминания... Я лежу на земле, шум битвы удаляется. Слышу ее крик: «Скорую! Ну, кто-нибудь...». Надомной склоняется Демон: «Ты живой?» Воспоминания... Голос. Ее голос. Слова: «...я не могу, понимаешь, не могу, у меня тоже интересы, люди... я не хочу чтоб они думали... не знаю... давай встретимся и все обсудим... завтра... в девять... на остановке...» Воспоминания... Часы. Стрелка упала на цифру «4». Телефон. Голос. Ее голос: «Извини, я забыла что...»

- Ты?

Она, это действительно она.

- Я.

- Просто... Ну... так неожиданно, так странно встретить тебя... вдруг... Как ты?

- Спасибо, прекрасно. А ты?

- Да так...

Молчание. Я чувствую, что она хочет меня о чем-то спросить, и я молчу.

- Ты... вспоминаешь обо мне?

Страшный вопрос... Сколько раз я представлял себе такую ситуацию. «Ты вспоминаешь обо мне?» - спрашивает она, а я в ответ... А я в ответ... Я отвечаю...

Ночи, проведенные без сна. Сотни, тысячи выкуренных сигарет. Одиночество. Оно страшит только вначале, потом к нему привыкаешь, а затем начинаешь получать удовольствие оттого, что ты один и ни кто, как кажется, тебе не нужен. Свобода.

Так что я отвечаю?

- Ты молчишь. Я спрошу по-другому. Ты вспоминал обо мне?

Троллейбус останавливается. Хлынувший в салон поток людей стискивает нас так, что я чувствую тепло ее тела.

- Да, но давай об этом не будем...

Молчание, слишком много молчания...

- Ты женат?

- Нет.

- У тебя кто-нибудь есть?

- Да.

- Какая она?

- Не похожа на тебя...

- Не сомневаюсь, ... Она знает кто ты?

- Нет, ей это не мешает.

- А я думала о тебе.

- Правда?

Ирония, мне всегда хорошо удавалась ирония.

- Ты сомневаешься?

- Ну что ты, нет, конечно.

Снова ирония.

- Я думала: «А что будет, если мы случайно встретимся через много лет и я предложу ему все вернуть. Интересно, что он мне ответит?»

- Извини, но мне пора выходить. Был рад тебя увидеть.

- Ты не ответил на мой вопрос.

- А я думаю, что ответил. Прощай.

Проталкиваюсь к двери, и толпа выносит меня из троллейбуса. Двери закрываются, троллейбус трогается, я чувствую ее взгляд, но не поворачиваюсь. Закуриваю. Руки дрожат. Я знал, что однажды, это может произойти, но ни как не ожидал от себя такой реакции. Страшно встречать мертвецов нашей памяти. Броня дала трещину в самом неожиданном месте. Но этим я займусь позже, сейчас попробовать не опоздать на работу, ехать на самом деле еще долго. Скорее влиться в толпу спешащих людей и забыть обо всем.

А вечером, как это не глупо, я напился...

Полет над реальностью

Может быть вам знакомо это чувство? Все как обычно: вечер, обычная городская тишина, т.е. что-то невнятно бормочет телевизор, шумит вода, устало переругиваются соседи за стеной, за окном шум машин и голоса далеких сирен, шаги, чей-то смех. Все это обматывает как смирительная рубашка, мешает вздохнуть, хотя дверь на балкон открыта и на ее пороге стоит прохладная ночь. Но в то же время какая-то необыкновенная свобода берет сердце в теплые ладони. Свобода ничего не делать или делать то, на что никогда не хватало времени. Свобода жить или умереть. Свобода уйти или остаться. Свобода ничего не выбирать из ограниченных вариантов. Свобода летать или упасть. Свобода, которая не мешает. Реален мир, но реально и это чувство. Реальность где-то там наружи, а свобода внутри тебя. Нет. Не верно. Между миром вокруг и твоей свободой нет преграды, но она и не выплескивается во вне. Она... Над. Да. Полет над реальностью. Или шуточка эндокринной системы? Вам знакомо это чувство?

30.08.2002 г.

Три липы (Антихристианин)

Когда-то здесь рос лес. Потом пришли люди и на этом холме построили сначала часовню, а потом деревянную церковь. Селение росло, богатело, превратилось в город.

Шли годы, деревянная церковь обветшала и тогда купцы, поплевав на пальцы, отсчитали ассигнации и заказали в губернии проект новой, каменной церкви. Безвестный архитектор начертил проект, не вот вам шедевр, но для небольшого уездного городка в самый раз. Проект утвердили и купцы, вздохнув, дали деньги на строительство. Старую церковь разобрали, но не распилили бревна на дрова и не сожгли. Их сложили на отдых. Пропитанные ладаном и молитвами почерневшие от свечной копоти даже бревна были в глазах тех людей святынями.

Два года ушло на строительство и роспись нового храма. И может быть тогда, или чуть позже кто-то посадил, а может они и сами выросли, три липы возле самой церкви.

Шли годы. Нарастали годовые кольца, тянулись ввысь ветви, благоухали каждый год цветы. Отшумели войны и революции. Наступил 39 год. В конце апреля пришло много людей с красными

флагами и транспарантами, с кувалдами и ломami. Отгремел митинг, и началась работа. Неделя понадобилась, чтоб превратить храм в грудy битого кирпича. Еще живы люди, которые это помнят. Церкви не стало, но никому и в голову не пришло тронуть старые деревья.

Прошло еще несколько десятков лет и на этом месте, вполне в духе времени, построили кинотеатр. Показывали там фильмы и, как ирония, антирелигиозные программы. Годы шли. И вспомнили вдруг люди о вере, сразу поверили все в бога, да вот незадача, креститься то новым христианам, не где. Вспомнила новая власть, что была когда-то церковь там, где кинотеатр. А поскольку кинотеатр был уже какое-то время закрыт по причине убыточности (тогда в кино мало кто ходил) его передали русской православной церкви...

Мне довольно часто доводилось приезжать в этот город. И одно из мест которое я непременно посещал в каждый свой приезд, это были те три липы, которые росли у церкви-кинотеатра. Огромные стволы без единого изъяна, которые не то чтобы одному, втроем-то не обхватить. Я мог часами изучать причудливый рисунок коры. Прикосновение к ним дарило какое-то необъяснимое чувство незамутненной силы, древней как эта земля. В один из последних приездов я долго смеялся над уродливыми куполами из оцинкованного железа, которые нахлобучили на крышу бывшего кинотеатра.

Но в этот раз все было по-другому. Не буду врать, что смутные предчувствия терзали меня всю дорогу. Въезжая в город я просто смотрел в окно автобуса, предвкушая долгие пешие прогулки по древним лесам (основная причина, почему я туда приезжал), когда, проехав мимо «церкви», я вдруг понял, что лип... нет. Сойдя на автостанции, я бегом бросился туда. Что я увидел? За новым забором из не крашенного штакетника лежали мои липы. Уже распиленные на подходящие для колки на дрова чурки, они были сложены у ограды.

Какой-то мужик бомжеватого вида с опухшим лицом, матерясь пытался выдрать колун, застрявший чураке, рядом валялась небольшая куча поленьев, видимо весь результат его труда. Окликнув его я спросил, зачем спилили деревья. Мужик, стрельнув у меня сигарету, поведал, что отцу Александру не понравилось, что деревья заслоняют вид на «церковь» с дороги, да еще решил сэкономить на покупке дров. На днях ждут приезда епископа, поэтому побелили здание и за одно спилили липы.

Сплюнув и выругавшись, мужик посетовал, что жутко продешевил, нанимаясь колоть дрова, что за липу (кто не знает, липа очень мягкое дерево колоть его практически не возможно, да и дрова так себе) надо

было, просить пять «пузырей», а не три. Выпросить у попа дополнительную плату, уже не получится.

Уходя оттуда, меня трясло от ярости. Деревья, которые простояли полторы сотни лет (на оставшемся пне одной из лип я насчитал 156 годовых колец), пали по приказу какого-то жадного попа, которому они заслонили вид с дороги на его жалкую «церковь»! Попадись он мне тогда, я, наверное, его убил. Но ему повезло. Но я вернулся ночью, с баллончиком красной краски и на свежепобеленной стене изобразил аккуратную пентаграмму и добавил еще кое-что от себя.

В середине девяностых в Норвегии полыхали церкви. Те, кто их поджигал, верили, что так они смогут заставить людей задуматься о том, что христианство отняло у них. Конечно, они были идеалистами, обанкротить Jesus International inc. не так просто. Но если бы я жил там и тогда, я думаю что я был бы среди этих людей. Христианство вымирает медленно, но неотвратимо, жаль только, что я не доживу до его полного падения. А очень хотелось бы!

19.09.2002 г.

Последний?

Он вышел из дома, когда на улице окончательно стемнело. Опасное путешествие по скудно освещенным улицам не страшило его. Местная шпана узнавала его по эху шагов и старалась скрыться подальше. Он не вникал в страх своим телосложением и не носил оружия, просто они боялись его. Без причины, по определению.

Он прошел два квартала и остановился у освещенной витрины книжного магазина. Прошептал: «... и грациозна словно лань, но когти рыси...». Провел рукой по стеклу и не торопясь свернул в темный переулок, ведущий на набережную.

Он не прошел и половину пути, когда ветер, пахнувший солью, подхватил полы его плаща и повлек за собой. Шум города постепенно уступил могучему голосу океана. Он как-то подобрался, глубже натянул шляпу и зашагал быстрее.

Выйдя на набережную, он остановился и глубоко вздохнул. Не оборачиваясь, он спустился к воде, где его ждала лодка. Сев на корме он молча махнул рукой и также молча, гребцы дружно опустили весла. Пятнадцать минут молчания, скрипа уключин и плеска волн закончились мягким ударом о борт корабля. Быстро взобравшись на

палубу по сброшенной веревочной лестнице, он произнес одно слово, ни кому конкретно, но услышанное всеми: «Отплываем».

Скрипя снастями «Летучий Голландец» направился к выходу в открытое море. Стоя на мостике Ван Страатен думал, как и много раз до этого, что на этот раз мыс Горн не устоит перед его натиском.

2.10.2002 г.

Я не знаю...

Я не знаю кто ты.
Бесполезно пытаться найти
Твое имя.
Я не знаю кто ты.
Мягкий голос из темноты
Нарушает мой сон.
Я не знаю кто ты.
В чистых водах отраженье луны –
Это знак?
Я не знаю кто ты.
Почему я не в силах встать и уйти?
И забыть?
Я не знаю кто ты.
Ночью слушать звон тишины
Не пытаюсь уснуть.
Я не знаю кто ты.
Это как встреча на дальнем пути,
Пожатие рук.
Я не знаю кто ты.
Что-то теплое прилетело на крыльях зимы
В этот день.
Я не знаю кто ты.
Солнечный луч сквозь дебри тоски.
Он еще есть!
Я не знаю кто ты.
Я наверно не прав, ты прости
Все оттого, что
Я не знаю кто ты.

6.10.2002 г.

Девять тысяч имен

Умереть в октябре.
Так смешно и нелепо
Прыгнуть
В почти закрытую дверь
И не увидеть финал.
Без игры
Все теряет свой смысл.
Может так оно лучше?
Проигравший не платит,
Проигравший играет опять.
И так без конца...
Ставка - свобода от жизни
И ставка стоит игры.
Заблудившись в своих именах,
Потеряв нить причины и следствий
Ты поймешь, о чем я...
Мое имя –
Девять тысяч имен.
В них,
Километры дорог,
Мегабайты тоски,
Бесконечность надежд,
На финал
Без игры.
Помнить все имена,
Помнить все
Девять тысяч рождений и жизни,
Помнить все -
Это Ад
Умереть в октябре,
Только так
Чтоб в колоде
Не оказалось тузов,
Кости встали ребром,
А в рулетке рассыпался шар.
Пусть – ничья,
Приз - не нужен.
С меня хватит

Тишины в темноте
И отсутствия Я.

4.11.2002 г.

Железная Рука

Сейчас я, наверное, уже и не вспомню, какой это был день. То, что был сентябрь – это точно и, наверное, вторник это отчетливо читалось на испуганных лицах людей, прошедших утром мимо моих окон. Прекрасный день начала осени. Дожди, слякоть и грязь были еще впереди, и об этом никто еще не думал. По инерции все еще жили в лете с его нудным солнцем и льющими невпопад теплыми дождичками. Но и кроме этого было еще, о чем задуматься...

Помню, что уже вечерело, дым пожаров охвативших город, стал опускаться на затихшие кварталы. Стемнело и из сизых облаков застрывших среди телевизионных антенн и шпилей громоотводов, черным снегом повалил пепел. Сидя у окна мне на мгновение показалось, что кто-то показывает мне негатив фильма о зиме. Так странно – черный снег. В комнате запахло жженой резиной, и я закрыл форточку. Помнится, я тогда подумал: «Интересно, что было бы, если они (имеются ввиду те испуганные существа, которые сидя по квартирам, спешно упаковывали свои пожитки) узнали, что это я поджег город?»

Сейчас, плывя на галере Его Величества Императора Горсии и Кидмийских островов, сидя на стульчике из бивней морских драконов и покуривая трубку с лучшим захонским табаком, я понимаю, как я это было глупо. Но если бы не это, что было бы сейчас со мной? Плыл бы я, посланником в этот чертов Аян?

Тогда, я, повинуюсь импульсу, неожиданно для самого себя, схватил стул, высадил им окно, запустив изо всех сил, высунулся по пояс и закричал: «Эй, люди, это я поджег ваш долбаный город! Проклятые ублюдки, чтоб вы все сгорели! Это вам праздник, уроды!» И в таком духе я распинался минут десять. Размахивал руками, грозил кулаком небу и смеялся. Взглянув вниз, я увидел, что улицы пусты. Только на другой стороне дороги, прямо напротив моего окна, стояла девушка в белом платье с букетом желтых гладиолусов в руках. Ничего удивительного, во время кризисов из всех щелей выползают психопаты разной степени помешанности. Моя ярость иссякла так же неожиданно, как и возникла. И только тут я заметил, что осколком стекла, оставшимся в раме, я рассек запястье и из раны

фонтаном хлещет кровь. В глазах зарябило, ноги подкосились, и я упал прямо у окна. Первой мыслью в захлебнувшемся в панике мозге была: «Вызвать «скорую»!» Я даже прополз немного в сторону тумбочки у кровати, на которой стоял телефон, прежде чем понял, что я идиот и ничем, оказывается, не лучше чем все эти высокомерно презираемые мной людишки. Какая еще «скорая», в городе на три четверти охваченном пожарами, какая еще «скорая», для меня, того, кто его поджег?!

Как же глубоко сидят стандарты поведения! Вроде бы вытравил из себя все человеческое, очистился от морали и общепринятых «нравственных ценностей», забрался на вершину и возомнил себя едва не полубогом, не тут-то было! Какая-то царапина и скорей набирать 03.

Поиздевавшись над собой и повалившись в луже собственной крови, я с трудом дополз до бельевого шкафа и вытащил стопу полотенец. Пользуясь одной рукой и зубами, я затянул на руке импровизированный жгут из одного полотенца, а другим замотал порез. Кто-то забарабанил во входную дверь. «Катитесь, все к черту!» - крикнул я. Стук прекратился и женский голос произнес: «С вами все в порядке?» «Какое тебе дело! Проваливай!» - прорычал я. Не без труда мне удалось, цепляясь за дверцу шкафа подняться на ноги и сделать несколько шагов в сторону прихожей. «Я видела, вы поранились, а огонь уже близко – опять этот голос. Она не ушла. Борясь с дурнотой, я добрался до входной двери и распахнул ее. Ну, конечно же, это была та самая девушка с гладиолусами. Но теперь она была без дурацких цветов, а платье, как, оказалось, выглядело белоснежным только издали, оно было порвано в нескольких местах и заляпано сажей. «Уходи, я сам разберусь» - произнес я. Видимо при этом я пошатнулся, потому что она вместо того чтоб уйти, сделала быстрый шаг в прихожую и подхватила меня. От нее пахло какими-то пряностями. Я хотел что-то сказать, но тут мир повернулся, и кто-то очень быстро погасил освещение.

Забавно я раньше никогда не терял сознание, хотя имел для этого массу подходящих случаев. До сих пор не знаю, от чего это произошло, потеря крови или ее запах, тяжелый запах неизвестных трав.

Сознание вернулось резко и обрушило на меня волну непонятных звуков и запахов. Голоса, лошадиный топот, бряцанье железа, крики, скрипы, шум ветра, запах дыма и конского пота. Я лежал на чем-то мягком плавно двигающемся то вверх, то вниз. Я открыл глаза. Ничего не изменилось, все та же тьма. Попытался пошевелить рукой, и по телу

стеганула невыносимая боль. Видимо я застонал, потому что движение прекратилось. Чей-то голос произнес:

« - Лежите спокойно, граф. Все в порядке. Слава богам, вы, наконец, очнулись!»

« - Где я? Что со мной?» - прохрипел я. Язык не ворочался, в горле пересохло.

« - Воды!» - крикнул голос.

Я ощутил на губах влагу и сделал несколько глотков.

« - Вы ранены, граф. Мы возвращаемся в столицу. Возвращаемся с победой только благодаря вам. Ваши панцирьники просто растоптали их порядки, приди вы на четверть часа позже, все было бы кончено. Император будет доволен».

« - Что с моими глазами, почему я ничего не вижу?»

Голос помолчал.

« - Это доктор, граф. Он приказал завязать вам глаза, чтобы мы успели сказать вам прежде чем вы увидите сами».

Голос вновь замолчал, а потом тихо произнес:

« - Ваша рука, граф... вы потеряли руку...»

Я тогда не очень понимал, что со мной произошло, где я нахожусь, что это означает. Все было похоже на кошмарный сон. Очень реальный, надо признаться. Но тогда я не смог из него проснуться. Не могу и сейчас. Где разница между сном и реальностью? Просыпаясь в своей постели, просыпаемся ли мы? Тогда, из образов толпящихся в моей голове я выловил лицо девушки в белом.

« - Девушка в белом платье, где она?» - спросил я.

« - Не было никакой девушки, - удивленно произнес голос, - Вас подобрали на поле, после того как враг бежал».

« - Да нет же! Я точно помню, она обняла меня».

« - Возможно, это была Смерть, граф. Вы три дня были без сознания, бредили, говорили о каком-то городе в огне. Мы опасались за вашу жизнь, но теперь все будет в порядке».

И все в порядке. Я, Граф Харлуг, по прозвищу «Железная Рука», наместник Шаалы, посланник Императора в Аян, обласканный почестями и вниманием. Видения горящего города почти уже не беспокоят меня. Наверное, я был лишним там. Она это поняла. Моя судьба в моих руках и мне наконец-то не скучно. У меня есть планы. Очень далеко идущие планы.

- Земля!

Этот крик означает, что хватит воспоминаний. Значит, что нужно сжать свой прославленный железный кулак и приняться за

осуществление задуманного. Значит, что пора действовать. Мое время пришло!

30.10.2002 г.

Мир привычных вещей

Каждый день я возвращаюсь домой. Возвращаюсь в этот мир вещей. Привычных вещей. Каждый день я поднимаюсь на лифте на девятый этаж и отпираю дверь тремя оборотами ключа. Первым я запираю замок на второй оборот, а затем отпираю его. Это не чудачество, просто иначе он не отопрется совсем. Я к этому привык и почти уже не замечаю странности своих манипуляций. Конечно, замок можно сменить и я периодически об этом задумываюсь, но это уже привычка, а сменив замок, кто знает какие странности будут у него?

Войдя в дверь, кидаю рюкзак под вешалку и, разувшись, иду на кухню. Меня никто не ждет, все так, как я оставил утром, на своих обычных местах. Я знаю, что спички лежат в нижнем ящике стола, потому что у их туда кладу, а в холодильнике стоит несколько бутылок пива, кефир, пара упаковок крабовых палок, бутылка рафинированного масла, кетчуп-чили, банка зеленого горошка. Бутылка медицинского спирта. Его я использую в сугубо технических целях и странно, что он стоит в холодильнике. Я не помню, зачем я его туда поставил, но я настолько привык, что он там, что мысль о том, что для протирания «мышь» температура спирта не критична, меня раньше не посещала.

Ставлю чайник. В пиалу насыпаю чайную ложку заварки и три – сахарного песка. Конечно, она грязная, в подтеках и липкая от сахара, но помыть ее – зачем? Не знаю, почему я пью чай из пиал. Может мне приятно потешить ту четверть восточной крови, что во мне есть? Вообще-то я даже не помню, когда у меня появилась эта привычка. Давно. Очень давно. Есть у меня мечта: хочу настоящую японскую пиалу ручной работы, из фарфора. Но это из того разряда, которые не сбываются.

Чайник кипит. Заливаю кипятком заварку и размешиваю сахар. Пить из пиалы не самый удобный процесс. Сколько раз содержимое оказывалось на полу или хуже, на джинсах, несмотря на мой приличный опыт в этой области. Но в посудном шкафу у меня есть еще две пиалы, про запас.

После чая я иду в зал. Первое, что бросается в глаза – мой Ibanez. Черный, сверкающий лаком, предмет зависти всех моих знакомых он

привычно возлежит на одном уз кресел. Но он уже не соблазняет меня. Раньше – да. Несколько часов после возвращения домой я крайне болезненно воспринимаю звуки и яркий свет. Поэтому меня встречает тишина и тьма. И пальцы уже не рвутся пробежаться по струнам, ощутить тепло драгоценного красного дерева. В примочке батарейка наверно уже села. Теперь я больше играю на акустике, которая прилегла тут же рядом, на диване. Если вспомнить скольких движений он мне стоил, то получится целая повесть, причем весьма неправдоподобная. Теперь это одна из вещей, не более того.

В рабочую комнату я не захожу. Там только компьютер 900 MHz Celeron, 128 RAM, 40 Gbt HDD давно молчаливо молящий об апгрейте, книги и диски. Единственное, что заслуживает внимания, это картина на стене, которую мне подарил один знакомый. Вид сверху: вода, плывущие желтые кленовые листья и от туда, из под воды, на вас смотрит огромная рыба. Были времена, я часами просиживал, глядя ей в глаза пытаясь понять ее чувства. Я увидел только тоску. Теперь я не вижу и этого.

В спальне темно, шторы из плотного зеленого шелка не раззанавешены. Утром я не успеваю это сделать, вечером это делать глупо, поэтому моя спальня мне иногда напоминает склеп. Хранилище снов, которые я не помню.

Так среди привычных вещей я ложусь спать, зная, что завтра спички все так же будут лежать в нижнем ящике стола, мое пиво никто не выпьет, а в глазах рыбы будет стоять все та же тоска. Та, к которой я уже привык.

19.10.2002 г.

Женщины, которые нас возбуждают. . .

В основе творчества любого мужчины лежит (ну, или находится в любом другом положении, если кого-то смущает этот глагол) Женцина. Именно так, с большой буквы. Не всегда это очевидно, но, взглянув внимательней и призвав на помощь дедушку Фрейда, все встает на свои места. Примеров – масса. Но здесь я не собираюсь рассказывать о женщинах, которые возбуждали и продолжают возбуждать меня на творчество. Все они стервы. Так получилось, что именно такой тип способен заставить меня что-то создавать, и я им благодарен за это. Но речь не о них.

Уж не знаю, кто так решил и почему, эта мысль укоренилась в сознании, но считается, что не бывает нормальной гетеросексуальной

дружбы. Мол, все равно кто-то кого-то в постель тянет. Не знаю. Может это придумали люди, которые и гомосексуально-то дружить не могут? Не пытаюсь судить обо всех, хочу рассказать о своих подругах, т.е. друзьях противоположного пола. Даже пояснять приходится, поскольку «подруга» уже устойчиво ассоциируется с сексуальным партнером.

За те четверть века, что я топчу тропы этой планеты, я не могу сказать, что узнал себя полностью. Но я более или менее хорошо знаю, какие люди мне нравятся, кто мне интересен. Ко всем моим друзьям смело можно применить определение «странный». Они не такие как все, они необычны, неформальны и зачастую с точки зрения общепринятой морали – аморальны. А с точки зрения прикладной психологии – ненормальны. Что подтверждается неоднократно заключенными медицинскими комиссиями военкоматов. Надеюсь, что мои друзья могут сказать то же самое и обо мне. Все это в полной мере относится ко всем, не взирая на пол.

Жанна. Родись она лет 200 – 300 назад, блистать ее в высшем свете. Рыжеволосая (на данный момент) красавица обладает редчайшим даром собирать вокруг себя интересных людей. Мы знакомы так давно, что я уже и не помню, как это произошло. Мы учились в параллельных классах, но познакомились только в районе десятого – одиннадцатого. Когда родители купили ее квартиру, у нее образовался своеобразный салон. Куча интересных людей от университетских интеллектуалов до неферов разной степени сложности. У нее всегда можно без вопросов переночевать или занять денег. Когда вся страна мечтает любым путем умотать за границу, Жанна отшивает богатых иностранцев. Жертвой пали баварский немец, владелец какой-то там фабрики, японец, из высшего менеджмента известной компании. Когда сидя у нее на кухне и попивая пиво, я спросил почему, она ответила: «А нахрена мне сдалась их Япония – Германия? Ну «бабки», ну и что? Я же там с тоски загнусь, они же развлекаться не могут!» Вот такая она, Жанна. Сейчас юристит в крупной строительной фирме и ни чуть не изменилась. Жанка, я тебя люблю!

Есения. Да, вот такое вот имя. А фамилия, знаете какая? Мечтаева. Есения Мечтаева – представляете! Я думаю, у вас уже возник образ. И он верен на 100%. Девушка – ангел. Воздушная, как фея. Тоненькая, хрупкая, как цветок фиалки. Голубые глаза бесконечной глубины. А познакомились мы, как ни странно, после концерта моей группы. Я был практически трезв (или слегка пьян, это с какой стороны посмотреть), мы уже отыграли свою сессию, идти рубиться под игравшие после нас команды не хотелось, тем более, что принятая

доза была явно недостаточна. Я упаковал свой Ibanez , спустился в зал и там сразу же увидел ее. Среди толпы обдолбанных хайратых, панков и естественно, как и на всех таких мероприятиях, скинов, она выглядела, как инопланетянин на Красной площади. Желто-голубое пончо, волосы, заплетенные в две косички – моя тяга ко всему необычному просто поволокла меня к ней. Я подошел и сказал: «Привет!», а она не испугалась (это прикол, я забыл смыть грим, как я выглядел, можно увидеть на фото Abbath из Immortal) и сказала: «Привет, а у тебя быстрые пальцы». Так мы и познакомились. У меня нет более приятного собеседника, чем Есения, а говорить с ней можно абсолютно на любую тему. Я редко хожу в театр, но если иду, то только с ней. Она понимает то, что я понять никогда бы не смог, а главное она умеет это объяснить. Есения заканчивает филологический, пишет стихи, поет, играет на пяти(!) инструментах. Мы даже записали акустический альбом с ее песнями. Но ее наивность – это что-то! Как вам, например, учиться ругаться матом с помощью учебника? Есения – самый светлый и дорогой мне человек. Вот даже сейчас, пишу, и как-то тепло становится от одного ее имени. Маргарита Петровна, Валерий Сергеевич спасибо вам за вашу дочь. Есения, оставайся всегда такой, какая ты есть. Я люблю тебя!

Ольга. Я думал это будут просто легкие 20 баксов. Через каких-то знакомых попросили сходить к человеку и довести до ума свежешкупленный компьютер. Человеком оказалась Ольга, а настройка компа вылилась в дружбу. Ольга – человек необычный, ну, хотя бы в том, что она – порномодель. Не профессиональная, конечно, профессионально она – экономист. Просто она любит фотографироваться обнаженной и экстремально обнаженной, а фантазия у нее о-го-го какая! Причем снимки не прячутся в дальний-угол-нижнего-ящика-писменного-стола, а рассылаются друзьям на e-mail или телефонным звонком народ собирается в гости на презентацию новой галереи. Ни комплексов, ни предрассудков. А еще у нее есть хобби: она собирает фотографии брюнеток в определенной позе (как бы помягче выразиться, вид сзади , короче) и коллекция уже приближается к тысяче. Нет среди моих друзей более авантюрного и легкого на подъем человека. Быть поднятым в 3 часа ночи телефонным звонком: «Ты должен это увидеть!» или вытасненным черноволосой затейницей из постели не свет ни заря, чтобы куда-то ехать – это в порядке вещей. Никогда не забуду, как меня вызвали на вахту, сказав, что меня ждет моя жена. Конечно, это была Ольга. Когда я спросил, зачем ей понадобилось придумывать мне жену, она ответила: «Так же интересней! Сюрприз!» Думаю, вахтеры до сих пор мне завидуют.

Однажды она мне сказала: «Если захочешь со мной переспать, позвони». «И ты», - ответил я. Она никогда не звонила, не звонил и я. Наверно, мы оба слишком дорожим нашей дружбой, чтобы что-то менять. Ольга, ты прекрасный друг и лучшая порнодевушка среди экономистов. Я тебя люблю!

Инга. Моя соседка. Живет этажом выше. Знакомство – банально. Помог отпереть дверь, «здравствуйте» на лестнице. Потом – «привет». Потом – диск с «Карты, деньги, два ствола». Смотрели на моем 17-дюймовом мониторе, пили пиво. Потом... Да, куча мелочей, которым не придаешь внимания, а потом оказывается, что уже не соседи или знакомые, а друзья. Инга. Врожденное чувство стиля. Одевается – безупречно, заодно старается одевать меня. Забавно, но иногда ей это удается. Инга. Ей тяжело. Она – би. Об этом знаю я, но не знают ее родители, а если узнают, то не поймут и не примут это. Счастье, что они часто уезжают и она может встречаться со своей подругой. А так, я оставляю ей ключи от своей квартиры. Они любят друг друга. Плакать она приходит ко мне. Жуткое чувство собственной инности. Мне оно знакомо. Я утешаю ее, говоря, что ей можно завидовать, шансов найти свою половинку у нее в два раза больше чем у обычных людей. До сих пор не понимаю, что движет ее, когда она зовет меня присоединиться к ним. Я ни в коей мере не ханжа, но всегда отказываюсь, потому что это может завести в такие дебри отношений, из которых выбраться без потерь не удастся. А я не хочу терять друга. Инга, мой портрет написанный тобой лежит рядом, на столе. Ты изобразила меня рыцарем. Спасибо за комплимент. Пусть у тебя все будет хорошо. Будь счастлива! Инга, я люблю тебя!

Вот такие они, женщины, которые возбуждают на дружбу. Наверное, мы гораздо больше даем, друг другу, как друзья, раз не пытаемся перевести дружбу в другую плоскость. Наши отношения чище, потому что свободны от такой мерзости, как ревность. Мы ценим, друг друга, заботимся и никогда не надоедаем и не устаем друг от друга. И главное, мы это понимаем. И потом, только послушайте, как это отвратительно звучит: «Переспать с другом». Не правда ли?

6.12.2002 г.

Новый год = тоска

Какое сегодня число? Странно, до Нового года еще так много времени, а это мерзкое настроение уже накатывает. Новогодняя тоска. Так было и раньше. Вспоминая предыдущие праздники, понимаю, что

даже лучшие из них, пришедшиеся на студенческие годы, были окрашены этим чувством. Причем, алкоголь не уменьшает его, а действует наоборот, как катализатор. Я покидал праздник, когда было уже совсем невыносимо делать вид, что мне весело, брал что-то пишущее и забивался в какой-нибудь дальний угол общаги. В такие моменты почему-то удивительно хорошо пишется. В моем «архиве» до сих пор хранятся эти вещи, написанные на обрывках газет, кусках оторванных обоев, разорванных сигаретных пачках. А если удавалось утащить свою гитару, то я играл блюзы до боли в пальцах.

Прошли годы, но ничего не изменилось. Все так же достаешь пыльную маску радостного возбуждения и играешь эту роль. С завистью вспоминаешь беззаботное детство, когда Новый год – любимый праздник, ожидание подарков, новогодней елки, даже то, что можно не спать всю ночь было необычно и радостно. И это никогда не вернуть. В детстве мы видим праздник снаружи, только бантики и мишуру. Мы радовались, не понимая механизм этого действия. Теперь все иначе. Мы сами делаем праздник в меру сил и финансовых возможностей. Я люблю тратить деньги, но я люблю это делать тогда, когда мне этого хочется и на то, что мне нравится. Новогодние набег на магазины в этот разряд не попадают.

А еще, Новый год почему-то считается семейным праздником. Семьи у меня нет. Хотя, конечно, это не совсем правда. Мне просто нравится так считать. Мои родные постарались забыть о моем существовании, и видимо сделали это с большим успехом, поскольку вот уже несколько лет я лишен «счастья» какого-то общения с ними. И как это не кощунственно звучит, я этому рад.

Что же такое Новый год? Ожидание чуда, привязанное к определенной дате. Мифы и легенды, которые лучше всего используют рекламные компании, что бы всучить нам то, что не нужно. Телевизионный китч, становящийся все более лживым и неискренним. Повсеместная распродажа сентиментальности.

Может сложиться впечатление, что я циник и мизантроп. Это не совсем верно. Просто, это – новогодняя тоска. Что-то уходит... И я не могу этому радоваться.

Я думаю встретить этот Новый год один. Никого не приглашу к себе и никуда не пойду сам. Только свечи, шампанское, благословенное растение Cannabis и божественный квартет Вивальди.

С наступающим Новым годом вас!

12.12.2002 г.

Сумрачный бог

Я – сумрачный бог.
В моих снах
Не рождаются звезды.
В моих думах
Не плещится свет.
И прощения – нет.
Я играю.
Мои игры
Похожи на веру,
Но героев ждет
Не однозначный финал.
Но я оставляю им выбор:
Можно сжечь свои крылья
И раствориться во тьме,
Как когда-то и я...
Как когда-то...
Милосердие...
После напишут:
«Нет ужасней богов,
Чем те,
Что пришли из людей».
Это правда.
Кровь алтарей,
Крики жертв –
Не нужны мне
Мне хватает страданий и боли.
Это – тебе.
Мой подарок,
Мой путь,
Моя помощь
Тем, кто смог
Перешагнуть за черту
И уже нечеловек.
И когда-нибудь
Тьма
Смоет кровь убиенных

И я сумрачный бог
Скажу тебе:
«Брат!»

16.12.2002 г

Упустили...

Я лгал. А ты говорила только правду. Понятно, у нас не было будущего. Я искал повод. Ты искала способ. Это превратилось в кошмар. Я так и не смог тебя понять, но всегда говорил, что я понимаю. И ты в это верила, и считала, что я причиняю тебе боль намеренно, зная, что я делаю. Ты страдала. Ты говорила, что не понимаешь меня, просила объяснить. А я лгал. И все повторялось. Я не знаю, чего ты хотела, хуже того, я даже не попытался это понять. По этому я дарил тебе дорогие подарки, пытаюсь за их ценой спрятать свое незнание, чего бы ты хотела. Ты смеялась и прощала меня, а я не делал выводы. Мы были обречены. Ты говорила правду, мне казалось, что ты хочешь меня обидеть. Я лгал, ты думала я пытаюсь тебе что-то объяснить. И ты ушла. Нас не стало, остались ты и я. Стыдно, но я признаюсь, я почувствовал облегчение. Потом ты говорила мне, что, не смотря ни на что, ты была счастлива. Странно, но я тоже был счастлив. Мы шлем друг другу новогодние открытки, звоним по телефону и считаем себя вполне цивилизованными людьми. Но иногда возникает горькое чувство, что чего-то мы так и не поняли, что-то мы безвозвратно упустили...

6.01.2003 г.

Графит и кровь

Рисую образы
Беспомощных созданий
Я забывал о сне
Точка карандаши
Я резал пальцы
Заливал бумагу кровью
Мой стиль –
Графит и кровь
Сплелись в узор

Кошмар
Для отупевших глаз
Рожденные
Из страха перед жизнью
Мои созданья
Терпеливо ждут
Что час пробьет
И все они уйдут
Туда
Где кровь моя
Их оживить не сможет
Но долог этот час
И кто-то там в начале
Ему дал имя –
Жизнь
Моя –
Течет не торопливо,
Но ей назначенный предел
Настанет в срок
И вот тогда
Когда дыхание перестанет
Когда остынет кровь
К свободе!
Улетайте прочь!
С листов срывайтесь
Бумагу
Оставляйте чистой
Я тоже
Свой оставлю белым лист

28.12.2002 г.

Привал

Небо кипит облаками
Солнца –
Почти уже нет
У прохладных камней
Сброшен груз
Долой - сапоги
По траве босиком

Вниз
К реке
Смыть усталость
И пыль километров дорог
Пара спичек
Огонь поедает валежник
Предложенный мной
Ночь пришла
На карте созвездий
Нет этих звезд
Подложив под затылок суму
Я смотрю как небесная сфера
Совершает свой оборот
Сон нейдет
С реки
Наползает туман
Погрузив в нереальность
Что-то шепчущий лес
И меня за одно
Тлеют угли
И небо становится ближе
Серп луны
Зацепился за ветви
Застывших в безветрии ив
И кажется –
Времени нет
Но восток наливается светом
Голоса проснувшихся птиц
Разрушают хрусталь тишины
Но я уже сплю
А проснувшись
Втисну ноги в свои сапоги
И закинув за спину поклажу
Я продолжу свой путь
А может быть...
Путь, продолжиться мной ?

24.12.2002 г.

Ты – ПРЕКРАСНА!

В городе,
Где смерть
По улицам шастает,
Где ушастые псы
Охраняют врата,
Где в заливе – луна,
И луна между звездами
Ты живешь
Ты жила...
Ночь на часах
Спрятав взор
Под вуалью
Ты выходишь за дверь
И чужой экипаж
Увозит тебя...

Там – огонь и вино,
Там – безумная страсть,
Там – мораль и запреты
Смешны и нелепы
Там – это здесь
И привозит тебя
Запряженная четверкой
Моих вороных
Цвета синих фиалок карета

В тусклом свете свечей
Отдаваясь гостям –
Отдаешь себя без остатка
Ты – это то,
Что их приводит сюда
Моя тайна
Находка
Загадка...

Они – люди
Им тебя не понять
Как бы просто им не казалось
Мне кажется я

Понимаю тебя
Но не знаю,
Не знаю
Не знаю...

И настанет момент
Все разъедутся,
Свечи погаснут
В тишине только мы
Остаемся вдвоем
И мы знаем, что это значит...

Ты – прекрасна
Утомленна, нага
И ты ждешь моих прикосновений
Ради этих мгновений ты едешь сюда
Я живу ради этих мгновений...

Как всегда
Время выйдет
И солнце взойдет
Слишком рано
Тебе нужно ехать...

Но ты знаешь
Еще будут сотни ночей
И ты будешь властвовать ими
И доставит тебя
Как сейчас
Как всегда
Цвета синих фиалок карета...

09.2003 г.

Атмосфера непонимания (Проеточия...)

2. Тишина, пробежала по крыше грохоча ржавым железом,
половинкой кирпича высадила стекло в чердачном окне и со смехом
спрыгнула вниз...

3. Умиравший король задул свечи в изголовье своей кровати и в темноте, дрожа от холода, шепотом произнес слова, от липких щупалец которых он пытался избавиться всю жизнь...
7. Вечность, высунувшись из-за угла, злобно оскалилась и зашипела, когда он поднес горящую спичку к стопе измятых листов...
12. Капля, сорвавшаяся с поляк его шляпы, упала прямо на сигарету и та, тихо фыркнув, с шипением потухла. Шепотом выругавшись, он швырнул ее в лужу и в кармане насквозь промокшего плаща нащупал рукоять револьвера...
13. Реторта лопнула, уродливое розовое существо шлепнулось на каменный пол жалобно пища и дергая беспальными лапками. Отложив в сторону перо, он некоторое время наблюдал, как корчится в агонии его творение, яростно думая: «И они говорили, что это лучшее венецианское стекло!..»
14. Он потянул сильнее и со всхлипом меч вышел из камня. Он чувствовал, что через мгновение толпа стоящая за его спиной взорвется криками и в этот короткий миг тишины, он успел подумать: «И все? Теперь – вечность?..»
17. Она никогда даже не мечтала, что придет к нему. Но когда копьё легионера коснулось его иссушенного безжалостным солнцем тела, его глаза до этого мутные и безумные вдруг вспыхнули и посмотрев в них, она увидела отражение смерти...
19. Только что они смеялись и хлопали друг друга по спине и вот как один они бросились к упавшему. Только он остался стоять в тени ясеня. «Боги, боги, что же вы будете делать, когда на Биврест ступят мои дети?...»
24. Он смеялся. Он смеялся, когда толпа ворвалась в его дом. Он смеялся, когда, рубя своих убийц, спускался по залитой кровью лестнице. Он смеялся, когда в зале увидел тело своей жены. Он смеялся, когда удар алебарды опрокинул его на землю. Он смеялся, когда его подняли на пиках над площадью. И даже когда он уже не мог смеяться, его смех все так же звенел в ушах его убийц проснувшихся посреди ночи в холодном поту...

26. И когда поднялись они на крышу храма божьего, ужас обуял их, ибо то, что с земли как крест святой виделось, вороном оказалось железным с крыльями распростертыми, в злобном крике клюв свой поганый раскрывающим...

2003 г.

Королева Дождя

(Не ставший героем)

Я не заметил, как он вошел в вагон, лишь, когда он сел напротив меня я оторвался от книги, чтоб посмотреть, кто стал моим соседом. Хиппи. Типичный. Длинные светлые волосы, немислимый балахон, застиранные голубые джинсы, пузырящиеся на коленях, сандалии на босо ногу, какие-то фенечки и прибабасы – в общем, самый обыкновенный представитель вымирающего вида Hippie Vulgar.

Не люблю я их, по мне, так эти тихо помешанные ничего не смогли толком разрушить, а уж тем более создать что-то приличное. Строят из себя чуть ли не спасителей человечества, этаких мессий несущих свет и любовь, а на деле – ноль, большой волосатый ноль. Сам-то я нормальный, никакие неформальские штуки меня не трогают, но мне всегда больше нравилось наблюдать за буйными психопатами, они, конечно, глаз тоже не радовали, за то хоть могли крушануть что-нибудь.

Этот хиппи бросил свой рюкзак с буквой «В» на клапане рядом с собой на сидение, а сам придвинулся к окну. Я перевернул страницу и снова углубился в чтение.

- Хотите, я расскажу вам историю?

Я вздохнул. Ну вот, начинается. Почему-то каждый встречный хиппи, оказавшись рядом со мной, считает себя просто обязанным просветить меня на счет своих принципов и идеалов. У меня на лбу не написано: «Собеседник для хиппи», я проверял.

- Если о Вудстоке, Джоплин или Сэллинджере, то лучше не стоит.

- Такой вот я вежливый, другой послал бы его куда подальше, я же так не могу, то есть думать-то я именно так и думаю, а открыто послать не могу даже хиппи, воспитан так. Мама – учительница, папа – военный.

- Нет, это другая история. Может она даже интересней чем, то, о чем вы читаете.

Читал я жутко умную книгу о банковских системах.

- Странно, я думал, хиппи не рассказывают других историй.

- Я не хиппи.

Да он оригинал! Мне еще не попадались хиппи, утверждающие, что они не хиппи. Слушать мне его не очень-то хотелось, но читать надоело, а всю дорогу пялиться в окно – скука смертная

- Что ж, - я захлопнул книгу, - давай свою историю.

- В том, что я расскажу вам, нет ни капли вымысла, - начал он, - Хотя я понимаю, что в это трудно будет поверить. Это история моего взлета и моего падения.

Он сделал паузу и взглянул на меня, видимо ожидая каких-то комментариев или чтобы оценить мою реакцию на такое вступление. Я кивнул, мол, продолжай дальше. Ничего другого я и не ожидал, чего еще ждать от хиппи кроме взлетов и падений?

- Несколько лет назад я сел в эту электричку, в том смысле, что шла она в то же время и в том же направлении, что и эта. Хотя может быть это и есть та самая электричка, но я не уверен. Я ехал на свадьбу к своему другу. Да, друзья имеют привычку время от времени жениться. Настроение было великолепное, день, в отличии от сегодняшнего, был ясным и солнечным, сессия была сдана на отлично, я предвкушал предстоящее веселье – все было отлично. Ехал я налегке, подарок я собирался купить на месте, так что ни что не тяготило меня ни морально, ни физически. Поезд уже сделал три остановки, и вот на четвертой в вагон вошла она.

Я часто пытаюсь вспомнить свое первое впечатление, которое она на меня произвела. Вот раздается шипение и, двери открываются, проходит несколько мгновений, затем тяжело раздвигаются двери в вагон, входит она, и я равнодушно отвожу взгляд. Да, все именно так и было. Нулевая реакция. Она не производила впечатления: просто девушка, каких миллионы, плохо одетая, ну, а кто одевается идеально?

Я заметил, как он окинул меня взглядом, видимо в поиске подтверждения своим словам и я думаю, что не нашел. Я, конечно, одеваюсь не идеально, иногда подобрать галстук для меня проблема, но на одежду денег мне не жалко, да и вообще, люблю я хорошие стильные вещи.

- Поток пассажиров быстро иссяк, - продолжил он, - и я отвернулся к окну. В стекле я видел как она пробирается между расставленными в проходе сумками и корзинами, был как раз самый разгар садово-огородной поры, и когда она проходила мимо моей скамьи поезд тронулся и толчком ее бросило на сидение напротив меня. Она быстро поднялась и хотела было уже идти дальше, но потом видимо передумала и осталась. Так решила моя судьба.

В этот момент поезд начал тормозить перед очередной станцией. Несколько минут мы молча смотрели на пустую бетонную площадку за окном. Легкий толчок, перрон медленно проплыл мимо нас. В наш вагон так никто и не вошел.

- Она оказалась напротив тебя, и что же случилось? – решил помочь ему я, а то молчание затянулось, а мне почему-то захотелось послушать продолжение его «love story».

- Ничего. Какое-то время мы ехали молча. Да и с какой стати нам было разговаривать? У меня такого желанья не было точно. Я смотрел в окно на вьющиеся серебряные ленты рельс встречного пути. И тут она неожиданно сказала: «Тебе не кажется, что нет ничего унижительней, чем видеть свое отражение в зеркале?» Странное начало для разговора, правда?

- Да уж, точно, тема не из самых обыденных.

- Честно говоря, мне лень было придумывать в ответ что-то столь же заумное. И я пошел по пути наименьшего сопротивления и тупо спросил: «Почему?» Она ответила: «Потому что оно не может показать твое отражение. То, что в зеркале – это не ты. Оно всегда притворяется и лжет в глаза без стеснения, потому что ты думаешь, что смотришь в глаза себе».

Тогда я в душе посмеялся над ней. Но сейчас я, кажется, понял, что она имела ввиду. Сейчас я не чувствую себя человеком, я могу быть кем угодно, но я не человек. А стекло лжет, в нем я отражаюсь таким же, каким я был тогда, в электричке, только вот волосы чуть отросли.

«Мы не всегда те, кто отражается в зеркале» – вот что, как мне кажется, она хотела сказать. Тогда я с усмешкой посмотрел на нее и, хотел уже было что-то съязвить, но не смог. Что-то произошло со мной, я до сих пор не могу объяснить себе, что же это было. Может что-то сверкнуло за окном вагона и эта вспышка отразилась в ее глазах или тени сплелись на ее лице в магический узор – я не знаю. Но, взглянув на нее, я захотел всегда быть с ней. Нет. Это не была любовь с первого взгляда. Просто я почувствовал желание быть рядом с ней, и плевать на весь мир. Хотя... Может это и есть любовь?..

Вот так все и случилось. Поезд ушел. Она и я остались на перроне. Не МЫ, а именно ОНА и Я. Мы не были одним целым. Это трудно объяснить, странное ощущение, что вот, мы вместе, но в то же время далеко друг от друга и это расстояние не физическое, которое можно преодолеть, сделав несколько шагов, а другое, лежащее на ином уровне и сократить его можно, только переместившись туда, к ней, разместившись в ее системе координат.

- Ну и где же вы оказались?

- Не знаю. До сих пор я не могу вспомнить, что это была за станция, хотя уже не один десяток раз я проехал по этому маршруту, выходил на каждой остановке, но то место так и не нашел.

Я помню, мы бежали к ближайшему магазину, чтобы укрыться от внезапно хлынувшего дождя. Первым попавшимся оказался «Продукты». Магазин как магазин, таких я видел сотни и до и после нашей встречи. Мы вошли. Кроме продавщиц там никого не оказалось. Под их недовольными взглядами мы прошли к окну. Судя по тому, как на нас смотрели, более живописной пары здесь не видели. Она, с сожженными гидроперитом волосами, была в безмерно растянутом бледно голубом джемпере, из горловины которого виднелся воротник вылинявшей фланелевой рубашки, первоначальный цвет которой угадать было уже невозможно, в красных вельветовых джинсах с пузырящимися коленками и новых кедах. А я же ехал на свадьбу и одет был соответственно, в костюме и при галстук. Костюм мой был, конечно, не такой отличный как у вас, но тоже весьма приличный. Я в то время предпочитал теплые тона, и костюм мой был светло коричневой тройкой. Наверно я производил впечатление вполне обеспеченного человека. В отличие от нее...

Да, мы были загадкой для продавщиц. Она сказала, что хочет курить, я дал ей деньги и она направилась к прилавку. Я стал свидетелем долгого и мучительного выбора, который, в конце концов, был остановлен на Gitanes. На сдачу ей дали карамельку Choora-Choors. Ее она преподнесла мне.

Он пошарил по карманам, извлек белую пластмассовую палочку и показал мне.

- Видите, это от той самой карамельки.

И палочка исчезла в какой-то из складок его балахона.

- Вскрыв пачку, - продолжил он, - Она достала сигарету и оторвав фильтр вставила ее в мундштук, сделанный из оранжевого фломастера. И вот тут я подумал: «Какого черта я тут делаю? Сейчас я должен ехать на свадьбу друга, а я вместо этого торчу в городе, названия которого даже не знаю, с девушкой, на которую раньше бы и не посмотрел, трачу подарочные деньги и не представляю, чем все это окончится».

Иногда, я корю себя за то, что не бросил ее тогда и не поехал дальше. Все было бы иначе. Но если задуматься: грех судить себя тогдашнего, это сейчас я кажусь себе умней и сделал бы все по другому, но и тогда я поступил правильно. Я, тот, каким я был тогда, поступил верно, просто в отличие от меня нынешнего, он не знал, чем это обернется. Я остался.

Мы вышли из магазина. Дождь почти прекратился. Серые клочья туч стремительно мчались на юг, выглянуло солнце. Она достала спички и попыталась прикурить сигарету. У нее была неподражаемая

манера зажигать спички. Скорее казалось, что она хочет проткнуть коробок, чем зажечь огонь. Изломав, наверное, пол коробка ей все же удалось прикурить. Глубоко затянувшись, она запрокинула голову и выпустила вверх струйку голубоватого дыма, улыбнулась и посмотрела на меня. И вот тут я понял, почему я здесь и с ней. Она отбрасывала цветные тени...

Видимо на моем лице отразилось недоумение, потому что он с горячностью продолжил:

- Да, да! Это правда! Я сам с трудом поверил своим глазам, но это - правда. Солнце опустилось уже достаточно низко и тени были отчетливы. Я случайно посмотрел вниз и увидел их. Вокруг ее ног танцевали цветные тени. Их было много синие, желтые, красные, зеленые. Они накладывались друг на друга и рождались новые цвета. Но они не только разных цветов, они были разными. Казалось, что их отбрасывает не она одна, а множество людей в разных необычных одеждах. Здесь были тени и в старинных платьях с шлейфами в шляпках и без, и в вполне современных строгих деловых костюмах, в вечерних платьях и костюмах для верховой езды, в юбках и брюках, с веерами, зонтиками и зеркалами в руках, с разными прическами и в разных головных уборах. Одни казались легкомысленными и веселыми, другие – серьезными, а некоторые печальными и даже мрачными. Но среди них была одна, которая показалась мне главной. Темно синяя тень с короной на голове. Она была величественна... Эта тень не танцевала как все, она была неподвижна и я чувствовал на себе ее тяжелый взгляд.

Я с трудом оторвался от созерцания этого хоровода теней и посмотрел на нее. Что творилось у меня в голове передать невозможно. Я всегда считал, что не обладаю богатым воображением, жизнь не баловала меня мистическими переживаниями, я не верил ни в бога, ни в переселение душ. И тут такое... Было с чего тронуться...

Вот тут я полностью с ним согласился. Парень действительно тронутый, но забавный. Вслух я, конечно, ничего такого не сказал, зачем обижать и без того обиженного... Не берусь судить на какой почве у него крыша поехала, но поехала она конкретно! Пускай рассказывает. Опасности от него никакой, вроде не буйный, а с фантазией у него все в порядке чтобы он там не говорил. Я даже представил, какой фурор вызовет мой рассказ об этом хиппи и его истории среди моих друзей. Это будет что-то! Тем временем он продолжал.

- Я стоял как оглушенный. А она спросила: «Ты хочешь меня?». «Да» – ответил я почему-то. «Тогда пойдем со мной». Она взяла меня за руку и как ребенка повела за собой.

Мы прошли несколько кварталов, свернули в какой-то переулок, потом долго шли вдоль бетонной стены, вновь куда-то свернули и я окончательно потерял направление. Поплутав таким манером еще минут двадцать мы в итоге оказались у спуска к реке. А том берегу стоял замок.

Не смейтесь, я сам понимаю, что это невозможно, но он там был. И он был прекрасен. Казалось, что весь замок, каждый камень в стенах, чешуйка черепицы, каждый шпиль с вымпелом или флюгером на конце стремятся оторваться от земли и взлететь высоко в небо. Тонкие башни, стрельчатые окна даже бойницы на стенах создавали ощущение легкости, почти невесомости всего здания. Над замком висела одинокая тучка, и из нее шел дождь. Неторопливый и настойчивый он стучал по крышам и, разбиваясь в водяную пыль, туманом стекал вниз к основанию стен. Туман клубился, накрыв белой пеленой деревья и кустарники, сгладив неровности рельефа, что еще более усиливало ощущение оторванности замка от земли. А над крышами, выгнувшись дугой и играя красками, стояла самая яркая из когда-либо виденных мной радуг.

Я наверно долго мог бы любоваться замком, но она потянула меня за руку. «Пойдем» – вновь сказала она, и мы стали спускаться к реке. Подул ветерок и у меня на глазах белесый туман, висевший над водой стал уплотняться и когда мы оказались у реки перед нами был широкий арочный мост один конец которого лежал у наших ног, а другой упирался в ворота замка на той стороне. Я уже ничему не удивлялся. Даже чудеса перестают волновать если их происходит слишком много.

Мы перешли реку и через бесшумно распахнувшиеся ворота вошли в замок. Нас тут же окружила толпа людей в каких-то немислимых средневековых нарядах. Хм, нас... Нас они окружали всего несколько минут, а потом меня аккуратно оттеснили в сторону и возбужденно галдящая толпа сомкнулась вокруг нее. Я пытался поймать ее взгляд, но видимо среди всех этих охов и ахов она совершенно забыла обо мне. Ей целовали руки, поздравляли с возвращением и обращались к ней не иначе как «Ваше Величество» и «Королева». Я видел, как сверкали у нее глаза и на губах играла странная улыбка, а я почувствовал себя совершенно не нужным. Я отошел в сторону и облокотившись на перила лестницы ведущей куда-то вверх стал ждать когда на меня обратят внимание. Это произошло минут через десять. Я

заметил, как она несколько раз окинула взглядом толпу, словно ища кого-то, а потом, увидев меня, улыбнулась и что-то сказала стоящему справа от нее человеку в бордовом. Пробравшись сквозь толпу, он направился ко мне. Подойдя, он вежливо поклонился и сказал: «Королева приказала мне проводить вас в ваши покои». И жестом предложил следовать за ним. Я посмотрел на нее, она поймала мой взгляд, и утвердительно кивнула и я последовал за моим провожатым.

Мы долго шли по извилистым коридорам, поднимались и спускались по лестницам, миновали бесконечное количество огромных залов, украшенных фресками на стенах и потолках, какими-то потемневшими портретами и рыцарскими доспехами – символами древних побед. Я уже потерял счет времени, когда мой проводник остановился у высоких дверей из темного дерева с золочеными ручками в виде изогнувшихся драконов. Молча, распахнув створки, он жестом предложил мне войти и тихо закрыл двери у меня за спиной. За все время нашего путешествия не было сказано ни слова.

Я оказался в апартаментах, которые надолго стали моими. Что я могу вам сказать о них? Я думаю, что ни вы, ни кто-либо еще не видел такой роскоши. Паркет из разных пород дерева собранный в затейливый рисунок и застеленный бесценными коврами, панели из палисандра покрытые резьбой, гобелены с мифологическими сюжетами на стенах, благородный бархат штор, причудливая мебель из слоновой кости, позолота везде, где только можно, расписанные потолки – я был потрясен. Во всех росписях и украшениях центральным элементом был дракон. Позже я узнал, что эта часть замка так и называлась – «Залы Дракона».

Не успел я придти в себя от всего этого великолепия, а неизвестно откуда появившиеся слуги уже раздели меня и стали облачать в странный костюм. Я не знаток истории, но что-то подобное моему новому костюму я как-то видел в фильме про Генриха IV. Весь процесс одевания занял минут пятнадцать. Я только и делал, что поднимал и опускал руки и крутился в разные стороны, все остальное делали за меня, я тогда еще подумал, что я и за сутки бы не разобрался во всех этих шнурках, ремешках, крючках доведись одеваться самому. Последним элементом костюма оказалась шитая золотом перевязь (я тут же вспомнил Портоса) со шпагой в ножнах. Разглядывая свое отражение в услужливо принесенном зеркале, я не мог избавиться от ощущения, что я участвую в какой-то игре, в правила которой меня забыли посвятить. Довольно неудобное положение, для того чтобы сыграть, как следует. Я попытался выяснить у слуг, что все это означает, но напрасно, они молчали как рыбы. Мне захотелось курить.

И представьте, на серебряном подносе мне принесли KENT, золотую зажигалку и пепельницу, разумеется, в виде головы дракона. Только тогда я подумал, а был ли вообще табак в те времена?

- Не знаю. По моему еще нет.

Мне показалось, что вопрос был обращен ко мне. Его рассказ невольно заинтересовал меня. Конечно, я и мысли не допускал, что это правда, но разве не выдуманы книги, которые мы читаем взахлеб, от корки до корки? Полет его фантазии увлек меня.

- Что вы сказали?

Прерванный моим замечанием он смотрел на меня с видом человека, которого только что разбудили.

- Ничего особенного. Я сказал, что табак тогда, наверное, еще не завезли. Но зажигалок уж точно не было. Да и KENTа тоже...

- Да, это было совершенно противоестественно: KENT – сигареты с фильтром и обстановка XVI века. Противоестественно настолько, что я невольно рассмеялся. Я еще подумал: «А на кухне здесь наверно стоят микроволновые печи». Я смеялся, а слуги стояли с таким подобострастием, написанным на лицах, готовые тотчас выполнить любое мое желание, что это меня окончательно добило. Я смеялся и не мог остановиться, лишь неимоверным усилием воли мне удалось подавить начинающуюся истерику. Отдышавшись, я упал в одно из кресел и закурил. Но докурить мне не дали. Двери распахнулись, вошел человек с жезлом и провозгласил: «Ее Величество Королева Дождя ждет вас». Я поднялся, затушил сигарету и машинально хотел сунуть пачку в карман, но их не оказалось. Наверно и карманы тоже не изобрели... Оставив сигареты на столе я последовал за ним.

Бедные предки, как они могли носить такую одежду?! Движения связаны, где-то тянет, где-то жмет, шпага бьет по ногам, цепляется за все подряд. Кошмар! Я наверно был похож на неуклюжего клоуна. Аристократом за час не становятся. Со временем я более или менее привык, но удобной я эту одежду не назову и сейчас.

Вот так ковыляя и чертыхаясь на каждом шагу, я подошел к высокой золоченой двери. И как по волшебству она медленно раскрылась передо мной. Что мне оставалось делать? Я вошел...

Это был тронный зал. Конечно, я до того момента никогда не видел настоящий тронный зал, но я сразу догадался, куда меня привели. Он был огромный как футбольное поле. И народу там было не меньше, чем собирается на финальный матч. У меня похолодело внутри, когда я понял, что мне предстоит на глазах у всей этой толпы преодолеть

расстояние до трона. Наверно я был весь красный от стыда за свою неуклюжесть.

Позже я понял, что как бы нелепо ты не выглядел, какие бы глупости не говорил, как бы эксцентрично себя не вел, если у тебя есть статус, если ты на вершине никто не посмеет сделать тебе замечание, не засмеется у тебя за спиной и не станет крутить пальцем у виска. А тогда я еще не знал, что иду, чтобы подняться на самую вершину.

Я остановился в трех шагах от первой ступени мраморной лестницы, ведущей к трону. Лестницы ведущей к ней... О, она теперь совсем не была похожа на девушку из электрички. На троне сидела та, кому принадлежала та величественная темно-синяя тень. Она была из льда и пламеня, в ней было что-то от грозовой тучи и теплого летнего дождика, холодного блеска молнии и радостной игры цветов радуги. И я полюбил ее...

- Только тогда? – удивился я, - Что же тебя раньше заставляло идти за ней?

- Тайна. Тайна, которую я хотел узнать. Ее необычность притягивала меня. Еще в электричке мне показалось, что она может изменить меня, помочь узнать о себе что-то новое. Она представляла собой другой загадочный мир, который я не знал. У меня был выбор, и я пошел за ней. А потом меня подхватил вихрь этих необычных событий. Все происходило так быстро, что я не успевал опомниться, пока он не опустил меня перед ее тронном из черного мрамора в главном зале замка, который как я позже узнал, назывался Дождь...

Она поднялась, и тихий гул разговоров стих. Повинуясь ее жесту, я подошел ближе. Она спустилась на две ступени и тихо сказала: «Дай мне свой меч и приклони колено». Кое-как я достал шпагу из ножен и протянул ей рукоятью вперед, а потом мгновение колебался, не зная на какое колено опуститься. Решил, что на правое. Она взяла шпагу и возложив ее на мое левое плечо громко произнесла: «Сегодня в день пятнадцатый месяца мечей года Белой башни, я, Королева Дождя, милостью своей посвящаю тебя в Рыцари Королевы». И все. Шпага переместилась с левого плеча на право, провела черту перед грудью и оказалась у губ. Я с трудом сообразил, что нужно поцеловать эфес. Видимо все традиции были соблюдены, я поднялся с колен и под приветственные крики толпы придворных занял свое место на обитом бордовым бархатом позолоченном стульчике, который поставили на последнюю перед тронном ступеньку. Так я стал Рыцарем Королевы...

После церемонии посвящения был устроен грандиозный пир, а потом бал. Мне были представлены все видные вельможи королевства,

послы, из стран с труднопроизносимыми названиями, военачальники и маги, их жены и дети. По тому, как заискивающе они себя вели со мной, я окончательно убедился, что Рыцарь Королевы большая честь и что теперь я важная фигура. Не смотря на все эти старинные костюмы и антураж, обычаи были вполне свободными, и ничто не помешало нам незаметно скрыться, оставив двор развлекаться без новоиспеченного рыцаря и королевы. Она провела меня в свою спальню, где я познал одну из своих привилегий.

Он опустил голову и замолчал. Поезд остановился на очередной станции. Двери открылись и в вагон вошли два здоровенных парня в камуфлированных костюмах.

- Приготовить билеты, - громко один из них. Весь вагон пришел в движение. Кто полез в сумочку или бумажник, кто начал шарить в карманах. Странно, я даже не заметил, когда в вагон успело набиться столько народа. Довольно быстро контролеры добрались до нас. Я протянул одному из них свой билет.

- О, и Рыцарь здесь, - произнес он, щелкая компостером.

- Все катаешься в поисках того места? – обратился он к моему спутнику.

- И как всегда без билета, - добавил второй.

Мой хиппи только развел руками.

- Ну ладно, удачи тебе, - пожелал ему первый и, вернув мне, билет они двинулись дальше.

- Тебя что, не штрафуют за то, что ты без билета?

Я удивился, зная, какими могут быть эти ребята, если им попадается «заяц».

- Они ко мне привыкли. Я уже месяца три езжу на этой электричке почти каждый день. Первое время, конечно, «трясли», но потом по нормальному подсади и расспросили что и почему. Я рассказал им свою историю, и они меня больше не трогают. Мне почему-то кажется, что они думают, что я не в себе. Жалеют...

- А почему же ты не покупаешь билеты? Ты что же, будучи VIP персоной не «сколотил» себе состояние, так сказать на «черный день»? Коррупция, брат, она везде.

Он посмотрел на меня потрясенный.

- Я никогда об этом не думал. Переводить чувства на деньги, по моему, это низко. И потом, там у меня было все и я не думал, что вновь окажусь здесь. Я не хотел возвращаться.

Он спрятал лицо в ладони и замолчал. Я ждал.

- Сейчас, вспоминая то время, - начал он, - Мне тяжело выделить какие-то конкретные события. Все слилось в полосу нескончаемого счастья. Я чувствовал себя нужным, я чувствовал себя единственным...

Рыцарь Королевы, то место, которое я занял при дворе, это что-то вроде официального фаворита, телохранителя и начальника дворцовой стражи в одном лице. Ну, плюс еще несколько церемониальных обязанностей и прочих мелочей не очень затруднительных. Все это было традицией и давно утратило смысл. Никто даже и подумать не мог о покушении на Королеву, о войнах и осадах там никто не помнил, стража была чистой формальностью. Просто обычай требовал, чтобы у Королевы был Рыцарь причем не из местной знати. Почему так – никто не знал, на мои вопросы мне отвечали, что так было всегда. Рыцарь должен был быть и им стал я.

Со временем я привык к шпаге, но владеть ей так и не научился, да этого и не требовалось. Зато довольно быстро освоил верховую езду, и мы часто выезжали на охоту или просто на прогулки в окружающие замок леса.

Какие там были места! Холмы плавными волнами уходили за горизонт. Древние дубравы скрывали под своими кронами звенящие на разные голоса ручьи. Река, через которую мы перешли по туманному мосту, неспешно несла свои воды на встречу восходящему солнцу. Мне рассказывали, что она, плавно изгибаясь, через много сотен миль впадает сама в себя, замыкаясь в кольцо вокруг ее королевства. Дни были тихими и глядя в синее небо я чувствовал как на меня снисходит покой...

Мы любили, отослав двор остаться на ночь в одном из охотничьих домиков, растопить камин и сидя с бокалом вина в удобных креслах слушать как потрескивание дров, гудение огня и тихий шелест листьев за окном сплетаются в неповторимую музыку счастья.

Наверно там я прожил лучшие дни своей жизни. Я любил ее, она была со мной, и мне ничего больше не было нужно. Но если бы счастье длилось вечно, могли бы мы тогда понять, что это было счастье? Обычно понимание приходит после, когда уже все потеряно, когда есть с чем сравнить. Но с ней было иначе.

Меня бросало то в жар, то в холод, она могла поднять тебя на необозримую вершину блаженства, а потом сбросить в бездну страданий. Она была разной. Тысячи теней толпящиеся у ее ног, были тенями образов, которые она могла принимать. Она могла быть холодной и равнодушной, любящей и заботливой, быть высокомерной и недоступной для нее было столь же естественно, как и нежной и

снисходительной. Она меняла образы как перчатки. «Жизнь – игра» - говорила она. Я спорил, доказывая, что нет, жизнь это очень серьезно, но теперь я с ней согласен. Хотя наверно она имела ввиду театр, а я склонен сравнивать жизнь со спортом, потому что там всякая игра теряет смысл, если не принять чью-то сторону.

Да, она была великолепной актрисой. А я был слишком плохим критиком, чтобы догадаться, что пьеса подходит к концу. Но у меня есть оправдание – я, несмотря ни на что, слишком сильно любил ее, а от любви, как известно, развивается близорукость. Поэтому-то падение занавеса и топот спешащей к выходу публики застали меня врасплох.

А все было очень просто. Однажды я проснулся и, открыв глаза, увидел над собой грязный потолок. Оказалось, что я спал на лавочке в здании железнодорожной станции. На мне был мой коричневый костюм, часы и бумажник кто-то предусмотрительно положил во внутренний карман пиджака.

Так все окончилось. Сначала я подумал, что это сон, но когда ко мне подошли два милиционера и потребовали предъявить документы, я понял – это все правда... Меня выбросили как ненужную больше вещь. Патрульные долго рассматривали мой паспорт, поглядывая то на меня, то на фотографию, перебросились несколькими словами, а потом предложили пройти с ними. Я встал и молча пошел за ними. За какое-то мгновение я опустел. Все чувства, все мысли вытекли из меня. Я потерял все...

В дежурной части я долго сидел на стуле, пока там звонили и что-то выясняли. Оказалось, меня объявили в розыск. Только там, в дежурке, я узнал, что меня не было почти два года. На все вопросы я отвечал, что ничего не помню. О, как бы я хотел ничего не помнить! Меня посадили в машину и отправили в областное управление. Туда на следующий день примчалась рыдающая от счастья мать, и я оказался дома. Еще с месяц длилась волокита, меня расспрашивали, что со мной произошло, где я был все это время, но я только повторял, что ничего не помню и в конце концов от меня отстали. Какое-то время я лежал в больнице, где мне пытались вернуть память, но понятное дело им ничего не удалось. Меня выписали. Я был в жуткой депрессии, как автомат ел, пил и все время молчал. Думаю, все боялись, что я с собой что-то сделаю, и старались за мной присматривать, от чего было еще хуже. Мысль о самоубийстве хотя и посещала меня, но на долго не задержалась. Боль разъедала меня изнутри как кислота. Это было страшное время... Но жить я теперь хотел как никогда! Долгими бессонными ночами я перековывал свою

любовь к ней в ненависть. И я ненавидел ее! Моя ненависть стала той энергией, благодаря которой я выжил. Конечно, я страдал, но я испытывал странное удовольствие от своей боли. Она сделала меня мазохистом.

Прошло пол года и на меня накатила ностальгия. Какая-нибудь фраза, ситуация или пейзаж возвращали меня в прошлое, в замок по имени Дождь. «Мы в ответе за тех, кого приручили» - любила повторять она чьи-то слова. Да, она меня приручила, но перед кем ей было отвечать? Только перед собой, а себе, как известно, многое можно простить.

После моего возвращения домой многое изменилось в моих отношениях с людьми. Я не нашел общего языка с моими прежними друзьями, начались разлады в отношениях с родителями. И в итоге я собрал вещи, написал записку и пока все были на работе, ушел из дома.

Да, я же забыл сказать самое главное. Она же сделала мне прощальный подарок. Может быть, она хотела как лучше, но меня этот сюрприз привел в ярость. Она подарила мне тень.

- Здесь плохое освещение, - сказал он, заметив, что я посмотрел на пол.

- Я прожил с ней почти год, не замечая ее присутствия. Но как-то ночью я возвращался с какого-то концерта, мне в спину светил фонарь и только тогда я увидел эту тень. Тень Рыцаря Королевы. И что я мог сделать? Психовать и на все лады проклинать ее. Сделать что-то реальное я был не в силах. Она оставила на мне свое клеймо. Эта тень надолго отравила мне жизнь. Мне казалось, что все замечают ее, тайком поглядывают на меня, оборачиваются и смотрят в спину. Я стал избегать людей, старался появляться на улице только в самых крайних случаях, вел какую-то абсолютно безумную жизнь. Ей даже не понадобилось личного участия, чтобы загнать меня в угол. И когда я это осознал, то решил, что не дам ей одержать еще одну победу. А с той ненавистью, что у меня тогда была, можно было побороть и не такой страх. Я принял свою вторую тень как неизбежность, привык и почти смирился с ней. Ну а люди так редко смотрят себе под ноги, что волноваться я уже давно перестал.

И вот теперь в это время года я уже традиционно езжу этой электричкой с глупой надеждой вновь встретить ее.

- Ты же говорил, что ненавидишь ее. Зачем же тебе нужна эта встреча?

- Я говорил, что ненавидел ее. Теперь уже нет. Моя ненависть утихла. Мне просто интересно было бы закончить все тем же

вопросом, с которого все началось: «Почему?» Почему она ничего не сказала мне, почему ничего не объяснила, почему решила уничтожить меня этой тенью... А может быть и поблагодарить за то, что благодаря ей я стал таким какой я есть сейчас. Она заставила меня испытать такой диапазон чувств, который мне прежнему и присниться не мог.

- А если ты встретишь ее, и она даст тебе новый шанс? Ты вернешься?

Впервые за все время он улыбнулся.

- Коварный вопрос. Я сам часто об этом думаю. Хотелось бы сказать: «Нет». Но это будет неправда.

Вернее было бы сказать: «Не знаю». Несмотря на всю ту боль, что она мне принесла, где-то в глубине сидит совершенно безосновательная надежда: «А вдруг все еще может быть хорошо?» Человек такое нерациональное существо.

- И долго же ты еще собираешься так кататься?

- Думаю, что это последний раз. Хватит жить прошлым, которого не вернешь. Я – художник. У меня в голове роится столько образов, которые просятся на холст, что у меня просто нет выбора. Пора остановиться и заняться тем, что я люблю и хочу делать до конца своих дней. Искать неизвестно что – это путь Рыцаря, к счастью я уже не Он. Или просто хочу в это верить...

Поезд стал замедлять ход и я с удивлением увидел за окном огни Курского вокзала. Как быстро пролетело время. Видимо мой попутчик угадал мои мысли, потому что, положив рюкзак на колени, сказал

- Не правда ли моя история оказалась интересней, чем ваша книга?

Я кивнул, интересней-то оно, конечно, интересней, но в полезности этого бреда я сильно сомневался. Им можно повеселить друзей, а вот книжка... Завтра мне предстояла важная встреча от которой многое зависит, а я столько времени потратил на выслушивание фантастической чуши какого-то хиппи вместо того чтобы подготовиться к разговору. Мне стало даже досадно за свое малодушие, надо было его сразу «отшить». Поздно, сделанного, вернее не сделанного, не воротишь.

По вагону пробежала дрожь и он замер. Вместе со всеми мы поднялись и направились к выходу. Я не торопился, выйдя из вагона, я достал сигареты и закурил. На какое-то время я потерял из вида моего хиппи, но поток пассажиров быстро иссяк и я увидел его. Он шел в противоположную от вокзала сторону. На соседний путь в это время подходила еще одна электричка и в свете ее прожекторов четко вырисовывалась его фигура. Но я увидел не только это. Свет, обогнув его со всех сторон, вывел на бетоне перрона тени. Их было две. Первая

– обычна черная тень человека с длинными волосами и горбом рюкзака за спиной, а вот вторая была необычной. Она была густо зеленой тенью рыцаря в доспехах и с мечем. Мир перевернулся у меня в голове. А он уходил все дальше, но видимо что-то почувствовав он обернулся и помахал мне рукой. Первая тень в точности повторила его жест, а вторая отсалютовала выдернутой из ножен шпагой. И его поглотила хлынувшая из подошедшего поезда толпа. А я стоял и пытался соединить осколки моего мира. Соединить так, чтобы в нем мог существовать человек с зеленой тенью рыцаря, а значит и замок Дождь, и Королева, и страна в кольце реки. Мир не всегда таков, каким мы привыкли его видеть.

* * *

Прошло два года. Жизнь моя кардинально изменилась. Я получил место в одной из быстро развивающихся инвестиционных компаний и начал успешно делать карьеру. На электричках я уже больше не ездил, не тот у меня теперь статус. И моя личная жизнь тоже изменилась. На какой-то из многочисленных презентаций я познакомился с дочерью президента крупной нефтяной компании, и через полгода она стала моей женой. И дело тут вовсе не в деньгах, как многие могут подумать. Мы действительно любим друг друга. Жизнь стала стабильной и ровной. Я не забыл об уроке, который преподавал мне Рыцарь, но со временем шок прошел, и я научился жить с этим знанием.

Однажды я привез жену на консультацию к врачу. Мы ждали ребенка, и я настоял на еженедельных осмотрах в лучшей частной клинике Москвы, хотя, по словам докторов, все протекало как нельзя лучше. Проводив Ольгу в кабинет, я вышел в коридор и столкнулся со своим бывшим одноклассником. Мы не виделись много лет и хотя я слышал, что он с отличием окончил медицинский встретить его здесь никак не ожидал.

- Какая встреча! – пророкотал он своим громоподобным басом, стискивая мою руку.

- Какими судьбами? Хвори одолели?

Я объяснил ему причину моего пребывания здесь.

- Поздравляю, - пробасил он, - Слушай, это надо отметить.

Он взглянул на часы.

- У меня сейчас перерыв, айда ко мне.

Я тоже посмотрел на часы – время у меня было.

Следуя за ним, я оказался у двери с надписью «Психолог».

- Вот, в мозгах копаюсь, - прокомментировал он, изобразив это копание, пошевелив пальцами у висков, - по-моему, это лучше чем в кишках.

И я вспомнил, что он еще в школе был редкостным чистоплюем...

- ...чертов замок. Заходи.

- В кабинете, который оказался весьма милым, я сел в кресло, а он достал из шкафа бутылку коньяка и два бокала.

- Вот, держим для богатых психов... А ты, что подумал? – усмехнулся он.

- Ну, чтоб все у вас было хорошо! – провозгласил он. Мы чокнулись.

Потягивая коньяк, он рассказал несколько забавных историй из своей практики. Поговорили о жизни, вспомнили школьные годы и одноклассников. Обычной треп двух не очень близких людей, которые давно не виделись. Повисла пауза. Он наполнил свой стакан и сказал:

- Тут случай один был... расскажу – не поверишь. Месяца два назад пришел ко мне на прием парень. Парень как парень, одет прилично, внешность, так, ничего особенного. Сел вот в это вот кресло и так преспокойно говорит: «Вы не можете мне избавиться от второй тени?»...

Видимо он заметил мой ошалелый взгляд, но истолковал его по своему, даром, что психолог.

- Вот и я сначала подумал, что у парня точно проблема. Я его давай загружать обычным профессиональным «базаром». Он же мне: «Мне кажется, вы мне не верите. Можно воспользоваться вашей лампой?» Разворачивает ее на себя, и ты можешь себе представить, на стене точно две тени! Одна серая, ну обычная тень как у всех людей, а вторая какая-то зеленая, да мало того, она еще в каком-то нелепом костюме. Я за телефон. Звоню нашему спецу по нетрадиционной медицине (каких только чудаков не держим, эх, псевдолекари!), говорю, все бросай скачи сюда. Эта дура примчалась, увидела, в чем тут дело, схватила за голову и тоже к телефону. Через час тут была куча каких-то экспертов, курят, шумят, глаза светятся, руки дрожат, как у алкашей, а парень этот сидит как ни в чем не бывало, его, мне кажется, этот бардак даже забавлял... Пошумели, пошумели и в итоге его увезли в какой-то исследовательский центр, какой – не говорили, но подозреваю что при ФСБ. А я всю ночь просидел в баре, упился до чертиков... Вот такие, брат, у нас тут вещи порой случаются...

Я вспомнил свою реакцию. Тогда я тоже ночевал в баре. До чего же странно мы, люди, реагируем при встрече с запредельным... Сначала пытаемся себя убедить, что все показалось, ничего не было, это плод

нашего воображения, но если есть свидетели, врать себе мы уже не можем и тогда скорее за стакан, лишь бы только не думать! Мы гордимся нашей разумностью, но сколько же человек придумал способов возвращаться в животное состояние! Стоило ли ради этого из него выходить, если нам не хватает смелости признать нашу ограниченность и слабость перед загадками, которые порой нам задает Вселенная?

- Где же он сейчас? Ведь это же сверхсенсация! О таком феномене все газеты должны были трубить.

- Газетчики ничего не успели пронюхать. Он ведь умер через пару дней после визита ко мне. Да не смотри на меня так! И не спрашивая откуда я это знаю... Нет, не думай, его не замучили злобные ученые своими экспериментами. Просто был страшный ливень, может помнишь, это было месяца два назад, тогда чуть наводнения не случилось?

- Нет. Мы с женой были в Швейцарии...

- Хм, счастливчик! Ну так вот, был ливень, он переходил дорогу, поскользнулся, упал, а водитель «КамАЗа» не успел затормозить. Вот, собственно, и все. Никто не виноват кроме дождя.

«Она его все-таки достала» - подумал я. У нас не было ничего общего, кроме той истории, я его, можно сказать, совершенно не знал, но почему-то я почувствовал боль как от потери близкого человека, друга. Или учителя...

- Где его похоронили?

- Тебя что, это так заинтересовало?

Мой приятель посмотрел на меня взглядом профессионального психолога, уловив перемену настроения в беседе.

- Ты его знал?

- Нет. Сам не знаю, зачем спросил.

Он понял, что я солгал, но не подал вида.

- Где похоронили его, я не знаю, но у меня есть телефон галереи, где он выставлялся. Он, оказывается, был художником и, как говорится, довольно известным в узких кругах. Тебе записать?

Я кивнул. Он достал объемистый блокнот, найдя нужный лист, переписал с него номер на какую-то картонную карточку и протянул мне. Положив ее в свой бумажник, я посмотрел на часы и поспешил попрощаться.

- Заглядывай, будешь у нас появляться.

Я пообещал, что непременно.

- Что случилось? – спросила Ольга, когда мы возвращались домой. Она всегда очень тонко чувствовала мое настроение. Я промолчал.

- Я отлучусь не на долго, родная, - сказал я проводив ее до подъезда. Теперь промолчала она. Только во взгляде – тревога. Торопливо поцеловав ее, я вернулся к машине. Она еще стояла на порогах, когда я отъехал от дома. И тут я почувствовал, как я виноват – оставил одну наедине с тревогой, ничего не объяснив... Я не подумал что в ее положении вредно волноваться. Но что-то гнало меня вперед, я не развернулся чтобы вернуться и рассказать обо всем. Я продолжал двигаться в центр, еще не зная толком, куда ехать и что предпринять.

Почему я решил, что мне так важно побывать на его могиле? Может, чтобы убедиться, что он был? Глупо. Я это и так прекрасно знаю и мне не нужно никаких подтверждений. Что же тогда? Что вообще влечет к нас к могилам великих или просто значимых для нас людей? Наверное, возможность стать ближе к ним. При жизни они далеки и недоступны. Смерть приближает их к нам. Кладбище – место встречи героев и их поклонников. Но мой ли это случай? Не знаю...

Я перестроился в крайний ряд и свернул в первый же переулок. Остановившись, я откинулся на спинку сидения и взял телефон и достал из бумажника карточку. На ней по-медицински корявым почерком было написано: «Встреча миров» и семь цифр телефона. Я набрал номер. Некоторое время в трубке раздавались гудки, а за тем я услышал щелчок и мелодичный женский голос произнес:

- Здравствуйте. Галерея «Встреча Миров».

- Здравствуйте. Вы не могли бы сказать, могу ли я приобрести в вашей галерее картины художника * ?

- Мне очень жаль, но это увы невозможно. После смерти художника все права на его работы в соответствии с завещанием перешли к его подруге, а она сняла их с продажи.

- Как жаль... Может быть вы сможете сообщить мне ее координаты? Я думаю, что мое предложение сможет ее заинтересовать.

- Я боюсь, что вы напрасно потратите время. Вы не первый, кто интересуется возможностью приобрести картины *, но, насколько нам известно, она отвергла все предложения.

- Может быть, я смогу ее убедить. Вы не могли бы дать ее телефон.

- Хорошо, подождите минутку.

Я достал блокнот и записал продиктованный мне номер.

- Большое спасибо за помощь.

- Желаю удачи.

Дав отбой, я посмотрел в блокнот. Только теперь мне пришлось в голову, что я мог бы узнать, где похоронен * спросив у дамы из

галереи. Наверняка, она должна это знать. Но перезвонить ей мне почему-то показалось неуместным. Что ж, будем придерживаться первоначального плана. Теперь у меня был нужный мне телефон, осталось только придумать, как объяснить свой звонок. Позвонить и прямо спросить, где он похоронен... или повторить номер с покупкой картины?

Первоначальный порыв угас и я уже начал думать не оставить ли мне эту затею. В конце концов кто он мне? Я включил радио. «Люди чужие, когда ты чужой, лица кажутся уродливыми, когда ты одинок...» - пел голос. Он затягивал... Было в нем что-то пробирающее до глубины души... В нем была магия. Магия как и у него... И я решил позвонить. Я ведь ничего не теряю, а отступить, когда остался последний шаг – не в моих правилах. Хотя может быть кое-что я теряю. Возможно, я теряю покой...

Песня кончилась, голос диджея произнес:

- Для Лены из Гомеля прозвучала песня «People are strange» группы «The Doors»

Я убавил громкость и набрал номер. Очень долго никто не подходил к телефону, так долго, что я уже хотел дать отбой, но трубку наконец сняли и я услышал женский голос.

- Да?

- Извините за беспокойство. Я видел в галерее «Встреча миров» картины * и хотел бы приобрести одну из них. Но там мне сказали, что теперь нужно обращаться к вам.

- Нет, это невозможно. Картины не продаются.

Отказ был категорическим. Я понял, что через секунду она положит трубку. Нужно было что-то делать и я вдруг сообразил – что...

- Я звоню по поручению Ее Величества Королевы Дождя...

Я солгал. Какое-то время она молчала. Это молчание подтвердило мою догадку, что она должна знать эту историю. Наконец она очень тихо сказала:

- Хорошо, приезжайте. Я буду ждать вас.

И продиктовала адрес. Оказалось, что это очень не далеко от того места, где я находился. Дорога заняла едва ли больше пяти минут.

Все это время я думал, как мне себя вести. Назвавшись посланником Королевы Дождя, я создал себе проблему, поскольку не представлял себе, как ведут себя вельможи ее двора. Но потом резонно решил, что если я не знаю этого, то вероятно и она не имеет об этом понятия. Тем более, что я тут вроде как не официально. Я решил – пусть все будет как будет.

Дом был образчиком сталинского неоклассицизма. Учитывая его расположение, я примерно представил сколько может стоять квартира в таком доме. Должно быть Рыцарь был действительно гениальным художником. Или удачливым. И поднимаясь на третий этаж, я решил на самом деле купить какую-нибудь из его картин. Если средства позволят.

Нажав на кнопку звонка, мне не пришлось долго ждать. Почти сразу я услышал шаги, в замке повернулся ключ и дверь приоткрылась.

- Это я звонил вам.

Дверь открылась.

- Входите.

Она стояла рядом со мной. В халатике и домашних шлепанцах, хрупкая девушка с огненно рыжими волосами. Она была красива, но болезненная бледность и круги под глазами делали ее похожей на призрак. В ее красоте не было жизни. «Может быть это его смерть ее так подкосила?» - подумал я.

- Идите за мной – произнесла она.

И голос ее был голосом призрака. Бесцветный, лишенный живых интонаций... Я последовал за ней и пройдя по темному коридору вошел в большую комнату, освещенную лампами дневного света.

Видимо это была мастерская. В комнате абсолютно ничего не было кроме картин развешанных на выкрашенных в белый цвет стенам.

- Какую картину вы хотели купить?

Она достала длинную сигарету и прикурила от кажущейся необычно огромной в ее тонких пальцах зажигалки Zippo. Нужно было играть свою роль до конца, ведь подразумевалось, что я уже видел эти картины. Но это оказалось легко. Как только она включила свет, я сразу увидел ЭТУ картину. Я подошел ближе...

Я не знаток в искусстве и не очень хорошо разбираюсь в картинах, но тут что-то подсказало мне, что передо мной шедевр.

Тонущее в водах океана солнце окрасило небо во все цвета радуги. И там, где оно было темно-синим, зажглась первая звезда. Волны, слегка пенясь, набегали на песчаный пляж. Недалеко от кромки воды лицом к океану сидела обнаженная девушка с волосами цвета вороного крыла. Я не знаю как ему это удалось это, но я почувствовал, что она, закрыв глаза, улыбается последним лучам солнца и легкому бризу, чуть колышущему ее волосы. Одной рукой она опиралась о землю, а из другой чуть приподнятой и сжатой в кулак, тонкой струйкой сыпался песок. Длинные тени протянулись от лежащего боком солнечного зонта, раскрытой книги, темных очков небрежно

воткнутых дужками в песок. Покой и тихая радость струились от картины, но была в ней какая-то нереальность. Я не сразу понял, что же в ней не так, но потом до меня дошло. Девушка на картине не отбрасывала тени и поэтому казалось, что она не сидит на песке, а висит в воздухе в нескольких сантиметрах над землей. Я понял, она не принадлежит нашему миру. На мгновение мне показалось, что я вижу ее лицо и почти узнаю ее, но потом все исчезло.

- Я хотел купить вот эту картину. Сколько вы за нее хотите?

Она подошла ко мне и, встав рядом, долго молча смотрела на полотно. Так же молча, она вышла из мастерской и через минуту вернулась с белой простыней. Разложив ее на полу, она бережно сняла картину со стены и положив на простыню аккуратно завернула. Протянув сверток мне она сказала:

- Я дарю ее вам.

Я открыл рот что бы сказать, что не могу принять такой подарок, но она не дала мне ничего сказать.

- Прошу вас, не нужно отказываться. Мне почему-то кажется – он поступил бы так же. Пожалуйста, возьмите. Не отказывайтесь получить в дар то, за что вы готовы были заплатить деньги. Берите.

Ее голос ожил, в нем зазвучало страдание. И я взял картину. Я подумал, что сейчас надо было бы поблагодарить ее от имени Ее Величества. Но почему-то мне показалось это неуместным. Она ничего не спросила о Королеве и я решил держаться той же линии и не поднимать эту тему первым.

- Позвольте мне выразить свои соболезнования в связи со смертью *. Я не знал его, но по-моему достаточно посмотреть на эти картины чтобы понять как много мы все потеряли с его уходом.

- Спасибо вам. Его картины это больше чем просто рисунки – это он сам. Только по этому я все еще могу жить. Он так много вложил в них себя, что я до сих пор чувствую его присутствие.

Она закурила новую сигарету и спросила:

- Вы случайно не были на Серафимовском кладбище когда его хоронили? Мне кажется я видела вас там. Нет? Может быть раньше или на одной из его картин? Мне кажется знакомым ваше лицо.

Я невольно посмотрел на висящие на стенах картины, готовый увидеть там свой портрет, но ничего похожего там не было. Она уловила мой взгляд и улыбнулась.

- Теперь я вспоминаю. Этой картины здесь нет, она давно уже продана. Там было изображено поле битвы покрытое телами воинов и их коней. Человек с вашим лицом стоял уперев меч рукоятью в землю, а острием себе в грудь. На нем были латы, шлем валялся у ног и у него

были длинные волосы, поэтому я не сразу поняла, что вы так на него похожи. Картина называлась – «Не ставший героем».

- Почему такое странное название?

- Это какая-то легенда, а может он сам придумал эту историю, но суть в том, что между двумя графствами шла война и два войска встретились в решающем сражении. Но одному рыцарю досталась ночью чересчур страстная маркитантка. Он проспал. Когда он проснулся битва уже закончилась. Войны его сеньора победили увенчав себя неувядающей славой. Но не многие остались в живых. Прискакав на поле битвы рыцарь увидел там только мертвых. Все и живые и мертвые – стали героями, о них поют песни и складывают легенды. Он же остался жив не проявив не трусости не отваги. Что скажут о нем? Лишь то, что он переусердствовал в постели и пропустил сражение. И тогда он бросился на меч не в силах перенести позора. Такая вот история.

Уже стоя у выходной двери, она тихо спросила:

- Вас никто не посылал. Ведь так?

Я посмотрел ей в глаза, и мне расхотелось громоздить новую ложь, настаивать на придуманной миссии. Я узнал то, что мне было нужно и я стремился покинуть этот дом.

- Как вы догадались?

- «Вечер на пляже» - картина, которую вы выбрали, нигде не выставлялась. Она не покидала мастерской., вы не могли ее раньше видеть. И потом, у вас всего одна тень,- сказала она показывая мне под ноги.

Действительно тень у меня была одна. Я не мог не усмехнуться, надо же так глупо засыпаться.

Уже отперев дверь, она коснулась моей руки.

- Заезжайте как-нибудь. Расскажите, где вы узнали его историю. Мне здесь так одиноко. У меня давно уже никого не было...

Утвердительно кивнув и пробормотав что-то я уже хотел выйти, но она задержала меня за рукав и подойдя вплотную встала на цыпочки и поцеловала в губы. Но я все равно ушел

Положив картину на заднее сидение я сел за руль и выехал на дорогу.

Серафимовское кладбище находилось за городом. Как и все новые кладбища, это было унылое место. Деревья еще не выросли, чтобы сомкнув кроны в зеленую крышу, создать особый, только кладбищам присущий, полумрак. Здесь не было мрачного величия храма смерти, не было ощущения, что в этом месте как нигде близко сходятся мир мертвых и мир живых, да что говорить, здесь даже не было вечных

плакальщиц галок. Тут как нельзя явно проступала санитарно-эпидемиологическая идея – зарыть то что гниет...

Я остановил машину метрах в пяти от стены. Захлопнув дверцу я направился к сторожке смотрителя на порогах которой сидел мужчина лет шестидесяти в телогрейке и с самокруткой в зубах.

- Чегой-то поздновато ты надумал – просипел он – Кончилось время-то...

Он закашлялся и сплюнув равнодушно посмотрел на меня. Подойдя ближе я молча достал бумажник и достал из него двадцатидолларовую купюру. В его глазах вспыхнул интерес. Он поднялся, похлопал по карманам и извлек объемистую связку ключей.

- Эх, чего не сделаешь для добрых людей. Пойдем, ворота отопру.

- Подождите, Здесь один человек похоронен, но я не знаю, где его могила. Можно это по плану посмотреть?

- От чего ж не посмотреть? Посмотрю. Звать-то его как?

- *. Его месяца два назад похоронили.

Сторож скрылся в домике, а появившись от чего-то довольно шурясь сказал:

- Ага. Есть такой. Сектор Ш329. Это, значит, будет от центральной аллеи сразу налево, там три поворота пройдешь на четвертый поворачивай... Хм, или на пятый? Чего-то не припомню...

Я достал из бумажника вторую купюру.

- Может лучше проводите, если вам не сложно?

- От чего ж не проводить? Провожу. До самого места. Пойдем.

Минут десять поплутав по пустынному кладбищу среди однотипных бетонных надгробий, он привел меня к скругленному дождями земляному холмику, над которым возвышался покосившийся временный деревянный крест с табличкой из оцинкованного железа. Синей краской было выведено имя. Без дат. Получив деньги, мужик удалился.

Ну, вот и все. Я здесь. Уже вечерело, тишина окружала меня, и не верилось, что в пяти километрах отсюда жило, работало, любило и умирало двадцать миллионов человек. А в двух шагах от меня на глубине двух метров, тот, кто не принадлежал этому городу, да и этому миру, наверно. А оказался здесь, но это не приблизило меня к пониманию, зачем я здесь.

У каждого человека есть главное мистическое переживание в жизни – кто-то видел «летающую тарелку», кто-то участвовал в спиритическом сеансе и общался с духами, кто-то столкнулся с «магом» или экстрасенсом. Для меня – он был таким мистическим переживанием. Наверное поэтому я здесь. Я не подумал о цветах, у

меня не было запасено каких-то слов. Я просто сел на врытую в землю деревянную скамейку. И, наверно, я был готов к тому, что это произойдет, потому что я не удивился, когда к моим ногам скользнула она, темно-зеленая тень рыцаря.

- Здравствуй, - просто сказала она.

- Здравствуй. Странно, что ты здесь. Разве ты не должна быть с ним? Он мертв. Разве ты, его тень, не должна была следовать за ним?

- Он сейчас в месте, где нет теней. Его тень умерла вместе с его телом, но я – не его тень. Вернее не совсем его тень.

- Кто же ты?

- Я тень рыцаря, которым он был, и которым он так мечтал перестать быть. Я тень его любви к Королеве, любви, которая не может умереть. Поэтому я здесь. Гораздо интересней почему здесь вы?

- Я сам хотел бы это знать...

- Хотите я подскажу вам ответ?

- Ну и...

- «Не ставший героем». Так ведь?

Я хотел рассмеяться в ответ на такую чушь. При чем тут картина? Но почему-то не смог...

- Вы поняли меня. Он был героем, а вы нет. Он жил по другим законам, отличным от ваших. Он видел то, что не видел никто кроме него. Он был не таким как все с самого начала, и она увидела в нем это. Он был рожден что бы стать героем и она дала ему такой шанс.

- Судя по тому, что я слышал от него, он не стал от этого счастливей.

- А кто вам сказал, что герой должен быть счастлив? Он должен его искать, а найдет он его или нет, не так уж и важно. Только путь делает героем. Но что такое путь без цели? И она дала ему цель – вернуться к ней. Вернуться через расстояния и миры, преодолевая боль и ненависть.

- Но он же не вернулся!

- Но он пытался. Даже герои устают и сбиваются с дороги. Но разве не достигнув цели, он перестал быть для вас героем?

- При чем тут я?

- А вы прислушайтесь к себе. Да, занимаясь бизнесом, вы можете стать хозяином жизни. Вы можете иметь все, но никогда банкир или бизнесмен не станет героем. А вы ведь хотите стать таким как он? Вы хотите стать героем. Он притягивает вас как пример, которому вы хотели бы следовать.

- Но это же невозможно!

- Почему?

- Он стал таким благодаря случаю. Он же не стремился стать героем или рыцарем. Все решил случай.

- А тот кто стремиться стать героем, никогда стать им и не сможет. Все действительно в руках судьбы.

- Но со мной же такого не случилось.

- Нет? А разве не случай столкнул вас с приятелем, который рассказал вам о нем, не случай вел вас сюда?

Тень была права.

- И я хочу сказать вам – у вас есть шанс встать на путь доблести. Собственно ради этого я все еще здесь. Одно только слово и я проведу вас через сотни сказочных миров. Вы увидите, как тысячи золотистых драконов кружатся в танце, вспыхивая искрами в свете заходящего солнца над далекими островами. Раз увидев это, уже никто не в силах забыть величие и грацию этих древних существ. Вы увидите, как морские змеи поднимаются в воздух вспенивая своими молодыми крыльями гладь безымянного океана, чтобы отправиться на север и там, познав сущность мира, стать людьми. Я покажу вам страну висящих камней. Они висят над бескрайней зеленеющей равниной, и на них вьют свои гнезда крылатый народ – мудрый и прекрасный. Я проведу вас через страны, где народы томятся в ожидании того, кто придет и сядет в пустующие троны, чтобы властвовать над ними. Вы можете стать таким человеком. Вы станете владельцем несметных сокровищ, свидетелем великих чудес, участником исторических событий. Наконец вы сможете прийти в страну в кольце реки и найти приют в замке по имени Дождь. Вам нужно только сказать Слово и все это случится.

- Что я должен сказать?

- «Да».

- И все? Так просто?

- А в мире нет ничего сложного. Это вы, люди, привыкли все усложнять, а истина и сила – в простых, и даже примитивных вещах и словах. Делайте свой выбор. Слово и все исполнится.

Пока она говорила, передо мной проплывали картины чудесных миров. Я видел драконов и змеев, я стоял на высочайших вершинах и плыл по неизведанным морям. Я видел сокровища, и толпы, склоняющие передо мной головы. Я видел армии, приносящие мне победы, магов творящих для меня волшебство. Я был героем, я был всемогущим. И вдруг, как будто ветер всколыхнул гладь воды, видения исказились и поплыли, а вместо них я увидел женщину с ребенком на руках. Она приближалась, и я узнал в ней Ольгу. Она подняла ребенка

над головой, и я посмотрел в глаза своему сыну. Все исчезло. И я сказал Слово.

* * *

Вчера моему сыну исполнилось три года. Мы назвали его Артур.

Много еще чего произошло. Я переселился в новый кабинет, на двери которого золочеными буквами написано «Председатель правления». И честно сказать – мне это нравится!

Я несколько раз заезжал к Елене, его подруге. А однажды она позвонила и предложила мне купить все оставшиеся картины. Я купил их и до сих пор продолжаю разыскивать и покупать его картины. Как это часто бывает, после смерти автора оценили, и теперь моя коллекция – предмет зависти собирателей и стоит просто неприлично дорого. Но до сих пор я не знаю, где та, главная для меня – «Не ставший героем». Но я не теряю надежды, что однажды она станет моей.

Елена вышла замуж за атташе английского посольства, и когда его выслали из страны, обвинив в шпионаже, она уехала с ним. Я думаю у нее все хорошо.

Мой приятель психотерапевт открыл частную клинику и процветает, ведь у богатых столько проблем.

Не знаю как там Королева Дождя, но уверен, что и у нее все в порядке.

Иногда меня тревожат видения неведомых стран, но они рассеиваются, стоит мне посмотреть на фотографию сына, которая всегда со мной.

Не знаю, кто из всех нас ошибся... Я, не ставший героем – счастлив!

1995 – 2004 гг.

Содержание

<i>Магия и Безумие</i>	3
<i>Спички</i>	3
<i>Дожить до Весны</i>	4
<i>Утро: день пятый</i>	6
<i>Вознесение</i>	7
<i>Полоски</i>	8
<i>Крест и Ворон</i>	8
<i>Ставки сделаны</i>	9
<i>Вопреки</i> ..	9
<i>Песнь о Гении</i>	10
<i>Моя Весна</i>	12
<i>Последний Путь</i>	13
<i>Затмение</i>	13
<i>Долина Теней Смерти</i>	14
<i>Выйти в Утро</i>	15
<i>Воскресение</i>	18
<i>Стекла</i>	19
<i>Страж Теней</i>	20
<i>Субботняя осень</i>	21
<i>In Silence</i>	22
<i>Грязь</i>	23
<i>Тьма Познавшего I</i>	24
<i>Тьма Познавшего II</i>	26
<i>Река Забвения</i>	27
<i>Ушедшим</i>	28
<i>Утро человека, потерявшего надежду</i>	28
<i>I feel you</i>	28
<i>Возвращение Короля</i>	29
<i>Ветер</i>	30
<i>Визит</i>	32
<i>Adagio Lento</i>	32
<i>In The Darkness</i>	33

<i>Дни</i>	33
<i>Трубы Апокалипсиса</i>	38
<i>Миг падения</i>	39
<i>Коврики</i>	39
<i>Без тебя</i>	39
<i>Лето в бокале</i>	40
<i>Тьма Познавшего III</i>	40
<i>Вечер перед концом</i>	42
<i>Молот</i>	42
<i>Ds. Paranoia</i>	43
<i>Кукловод и Пьеро</i>	44
<i>Город открытых дверей</i>	45
<i>Delete</i>	46
<i>Зал ожидания</i>	46
<i>Зима</i>	47
<i>Ночная прогулка</i>	48
<i>Миг падения</i>	51
<i>Один день</i>	51
<i>Звук</i>	52
<i>Листопад</i>	53
<i>Я подчинился</i>	54
<i>«Возвращайтесь!»</i>	55
<i>Сумерки</i>	58
<i>Вся победа</i>	59
<i>Сезон дождей</i>	60
<i>Небо</i>	60
<i>Бич и копье</i>	61
<i>Эта дверь</i>	61
<i>Сны</i>	63
<i>Штиль</i>	64
<i>Вне игры</i>	65

<i>Сон богов</i>	66
<i>Вопрос</i>	67
<i>Чердак</i>	68
<i>Rain without end</i>	68
<i>Teiwaz</i>	70
<i>Занавес</i>	71
<i>Пейзаж</i>	72
<i>Histeria</i>	73
<i>Lacrima</i>	74
<i>Ветер II</i>	75
<i>Чужой</i>	76
<i>Маг и Безумие</i>	81
<i>Врата</i>	83
<i>Прощание</i>	83
<i>Голос</i>	84
<i>Вспоминай про меня</i>	84
<i>Ша</i>	85
<i>Сомнение</i>	86
<i>Великая Определенность</i>	87
<i>Рубины</i>	88
<i>Порванная нить (битва близ Йеллинге 18 февраля 759 года н.э.)</i>	89
<i>Поле</i>	90
<i>Мой день I</i>	92
<i>Мой день II</i>	92
<i>Мой день III</i>	96
<i>Полет над реальностью</i>	98
<i>При липы (Антихристианин)</i>	98
<i>Последний?</i>	100
<i>Я не знаю</i>	101
<i>Девять тысяч имен</i>	102
<i>Железная Рука</i>	103
<i>Мир привычных вещей</i>	106
<i>Женщины, которые нас возбуждают</i>	107

<i>Новый год = тоска</i>	110
<i>Сумрачный бог</i>	112
<i>Упустили. . .</i>	113
<i>Графит и кровь</i>	113
<i>Привал</i>	114
<i>Пы – ПРЕКРАСНА!</i>	116
<i>Атмосфера непонимания (Проточия...)</i>	117
<i>Королева Дождя (Не ставший героем)</i>	120